
№ 3

**март
2022 г.**

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2022

////////////////////////////////////
**ПРАВО
и УПРАВЛЕНИЕ**

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:

доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гушчин

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова

Заместитель главного редактора:

доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин

Литературный редактор:

Наталья Викторовна Кроткова

Корректор:

Вера Ивановна Козлова

Компьютерная верстка и дизайн:

Марина Владимировна Горячева

Учредитель и издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.

Адрес редакции (для писем): 111397,

г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Homepage: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Chairman of the Editorial Board:

doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin

Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova

Deputy Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin

Literary Editor:

Natalya Viktorovna Krotkova

Corrector:

Vera Ivanovna Kozlova

Computer layout and design:

Marina Vladimirovna Goryacheva

Founder and Publisher:

Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (Certificate on registration of mass media PI No. FS77-46150 dated August 12, 2011)

Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.

Editorial address (for letters): 111397, Moscow, Green Avenue, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine "Right and Control" is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2022
////////////////////////////////////

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гуцин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Специальность: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Специальность: 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Специальность: 12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право

С.М. Зырянов - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Р.М. Мырзалимов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени ЖусупаБаласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Ю.М. Алпатов - доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Председатель Президиума МГКА «Московская гильдия адвокатов и юристов»

А.М. Воронов - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Н.К. Потоцкий - доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - doctor of legal sciences, professor, professor of the Department of copyright, related rights and private law disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Specialty: 12.00.03 - Civil law; business law; family law; private international law

V.P. Kamyshansky - head of section, doctor of law, professor, head of the Department of civil law, FSBOU VPO "Kuban State Agrarian University," head of the Department of civil law and process, Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation

E.V. Bogdanov - scientific secretary of section, doctor of law sciences, professor, professor of the Department of civil law disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - doctor of jurisprudence, professor, professor of department of civil law of the Saratov state legal academy, the Honored lawyer of Russia

V.N. Tkachyov - doctor of jurisprudence, professor, the Honored lawyer of Russia, professor of department of civil disciplines of Plekhanov Russian Academy of Economics

Specialty: 12.00.11 - Judiciary, prosecutorial supervision, organization of law enforcement

O.V. Khimicheva - head of section, doctor of legal sciences, professor, head of the Department of criminal procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

V.V. Sangadzhiev - scientific secretary of section, doctor of law, professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Department of judicial power, law enforcement and human rights activities of the RUDN Law Institute

A.P. Galovanov - doctor of legal sciences, Honored Lawyer of Russia, president of the Moscow Region Bar, president of the Federal Union of Lawyers of Russia, vice-president of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.V. Grebennikov - doctor of legal sciences, professor, Honored Lawyer of Russia, head of the Department of judicial power, law enforcement and human rights activities of the RUDN Law Institute

V.V. Komarova - doctor of jurisprudence, professor, head of the Department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGUA)

Specialty: 12.00.14 - Administrative law, financial law, information law

S.M. Zyryanov - head of section, doctor of legal sciences, professor, chief researcher of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

R.M. Myrzalimov - scientific secretary of section, doctor of law sciences, professor of the Department of administrative law, faculty of law, ZhusupBalasagyn Kyrgyz National University, member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic

Y.M. Alpatov - doctor of law, corresponding member of the Russian academy of natural sciences, chairman of the presidium of the Moscow Guild of Lawyers and Lawyers

A.M. Voronov - doctor of legal sciences, professor, chief researcher of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N.K. Pototsky - doctor of legal sciences, professor, professor of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Н.И. Беседкина - кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Л.Ю. Грудцына – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.В. Кроткова - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

В.О. Миронов - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

А.В. Рагулин - доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник - кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Е. Усанов – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Е.Н. Щербак – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - chairman, editor-in-chief, doctor of law sciences, professor, deputy first vice-rector for educational and methodological work, professor, Department of Finance University under the Government Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences

M.S. Shaikhullin - first deputy chief editor, doctor of legal sciences, associate professor, head of the Center for state legal research of the Eurasian Research Institute of Human Rights Problems

E.G. Bagreeva- doctor of jurisprudence, professor, professor of Department of legal regulation of economic activity Financial University under the Government of the Russian Federation

N.I. Besedkina - candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the Department of legal regulation of economic activities of Financial University under the Government of the Russian Federation

L.Yu. Grudtsina - doctor of law, professor, professor, Department of civil law and civil process, Northwestern Institute (branch) of O.E. Kutafin University (Moscow State University), Honorary lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - doctor of law sciences, professor, professor, Moscow City University of Management of the Moscow Government

A.A. Dorskaya - doctor of legal sciences, professor, head of the Department of international law of the Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - doctor of law, professor, leading researcher in the international legal research sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, professor of the Department of international law of the Russian Peoples' Friendship University

I.A. Konyukhova - doctor of legal sciences, professor, head of the Department of constitutional law and professor of the Department of constitutional law of the Russian Academy of Justice

N.V. Krotkova - candidate of legal sciences, leading researcher in the constitutional law and constitutional justice sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief of the journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences

A.N. Levushkin is a doctor of jurisprudence, professor, professor of department of enterprise and corporate law of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin, professor of department of civil law of the Russian state university of justice

V.O. Mironov is a doctor of jurisprudence, professor, professor of “State Law and Management of Customs Activity” department of the Vladimir state university him. A.G. and N.G. Stoletovskh

Yu.V. Nikolaeva is a doctor of jurisprudence, professor, professor of Department of legal regulation of economic activity of Financial University under the Government of the Russian Federation

A.V. Ragulin is a doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of the center of a research of problems of the organization and activity of legal profession of the Eurasian research institute of problems of the right, the Chairman of the commission on protection of the rights of member lawyers of lawyer formation of the Guild of Russian Lawyers

G.M. Reznik - Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Public Chamber of the Russian Federation, Member of the Presidential Council for the Improvement of Justice, Vice-President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

T.A. Soshnikova is a doctor of jurisprudence, professor, the dean of law department, the manager of department of civil process and the social industries of the right of the Moscow humanities university

D.P. Strigunova is a doctor of jurisprudence, the associate professor, the associate professor of the international and integration law of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

V.E. Usanov is a doctor of jurisprudence, professor, the academician of the Russian Academy of Education, professor of department of state and legal and criminal disciplines of the Russian economic university him G.V. Plekhanova

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher, International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - doctor of economics, candidate of law, candidate of historical sciences, professor, professor of the Department of civil and labor law, civil process, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

- Ари Палениус** – проф., директор кампуса г. Керавы Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)
- Арройо Эна Росьо Карнеро** – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.
- Безерра Феликс Валуа Гуара** – JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.
- Велиев Исахан Вейсалоглы** – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
- Деян Вучетич** – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- Джун Гуан** – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- Дуран Роберто Альваро Гусман** – JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.
- Ким Эшли** – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.
- Лай Дешенг** – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- Марек Вочозка** – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)
- Миндагулов Алькен Хайдарович** – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)
- Нематов Акмал Рауфджонович** – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)
- Она Гражина Ракаускиене** – проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)
- Пол Брэнд** – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)
- Пол Дэвис** – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)
- Предраг Димитриевич** – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- Тепман Леонид Наумович** – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)
- Чирич Александр** – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

- Ari Palenius** – prof., Director of the campus, the KeravaLaurea University of Applied Sciences (Finland)
- Arroyo Ena RosyoKarnero** – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.
- Bezerra Felix Valois Goira** – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.
- VeliyevIsakhan Veysal Oglou** – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)
- Dejan Vuchetich** – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)
- Jun Guan** – prof. Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)
- Durán Roberto Alvaro Guzman** – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.
- Kim Ashley** – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.
- Lai Desheng** – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)
- Marek Vochozka** – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)
- Mindagulov Alken Haydarovich** - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)
- Nematov Akmal Raufdzhonovich** – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)
- Ona Grazyna Rakauskiene** – prof., University Mykolas Romeris (Lithuania)
- Paul Brend** – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)
- Paul Davies** – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)
- Predrag Dimitriyevich** – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)
- Tepman Leonid Naumovich** – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)
- Chirich Alexander** – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Содержание:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Иванова С.А., Грудцына Л.Ю. * Субстанциальные основы гражданского общества в Российской Федерации 11

Гамалей А.А. * Правовая природа и особенности осуществления деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации 21

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Мухтасарова Т.Р. * Институт собственности в развитии гражданского общества и правового государства 27

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Шокотько М.А. * Некоторые вопросы тактики и методики выступления адвоката в суде 35

Шокумов Ю.Ж. * Система судов общей юрисдикции в Российской Федерации после 1993 года . . . 49

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Несмеянова И.А. * Защита прав потребителей в жилищных правоотношениях 58

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Потоцкий Н.К. * Об установлении асоциальных норм поведения в экономической сфере м. 65

Семененко М.Э. * Деятельности прокурора в судебном производстве 67

ДИСКУССИЯ

Сангаджиев Б.В. * Технологии юридической педагогики в России 77

Коровяковский Д.Г. * Концепции высшего юридического образования в Римской Империи 83

Contents:

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Ivanova S.A., Grudtsyna L.Yu. * Substantive foundations of citizens of the Russian society in the Russian Federation 11

Gamaley A.A. * Legal nature and peculiarities of activities of local self-government bodies in the Russian Federation 21

CIVIL LAW THEORY

Mukhtasarova T.R. * Institute of Property in the Development of Civil Society and the Rule of Law 27

JUDICIARY AND JUDICIAL PROCEEDINGS

Shokotko M.A. * Some issues of tactics and methods of lawyer's speech in court 35

Shokumov Yu.ZH. * System of courts of general jurisdiction in the Russian Federation after 1993 49

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Nesmeyanova I.A. * Protection of consumer rights in housing legal relations 58

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY

Pototsky N.K. * On the establishment of asocial norms of behavior in the economic sphere 65

Semenenko M.E. * Activities of the prosecutor in judicial proceedings 67

DISCUSSION

Sangadzhiev B.V. * Technologies of legal pedagogy in Russia 77

Korovyakovsky D.G. * Concepts of higher legal education in the Roman Empire 83

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.24412/2224-9125-2022-3-11-20
NIION: 2021-0079-3/22-021
MOSURED: 77/27-025-2022-03-021

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
эксперт РАН,
e-mail: ivanovasa1@yandex.ru

ГРУДЦИНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
эксперт Центра научной и экспертной аналитики
Международного центра компетенций ФГБОУ ВО
«Российская государственная академия
интеллектуальной собственности», эксперт РАН,
Почетный адвокат России,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

СУБСТАНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В гражданском обществе не должны существовать, по меньшей мере, две крайности: приоритет государства в лице государственных органов и хаос (анархия), диспропорции в управлении общественными делами, нигилизм по отношению к праву. Создание такого равновесия (баланса) в гражданском обществе является одним из основных условий его существования и совершенствования.

Ключевые слова: субстанциальные основы гражданского общества, цивилизованная власть, нормы общественного поведения, верховенство права и закона, институты гражданского общества.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
doctor of jurisprudence, professor,
professor of Department of legal regulation of economic activity
of Financial University under the Government of the Russian Federation,
expert of RAS

GRUDTSINA Ludmila Yurevna,
doctor of jurisprudence, professor,
expert of the Center for Scientific and Expert Analytics
of the International Competence Center of FSBOU VO
“Russian State Academy of Intellectual Property”, expert of RAS,
Honourable lawyer of Russia

THE SUBSTANTIVE BASES OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In civil society there shan't be, at least, two extremes: a priority of the state represented by government bodies and chaos (anarchy), disproportions in control of public affairs, nihilism in relation to the right. Creation of such equilibrium (balance) in civil society is one of the main conditions of its existence and enhancement.

Key words: substantive bases of civil society, civilized power, norms of public behavior, rule of law and law, institutes of civil society.

В России гражданское общество формируется и развивается в самобытных социокультурных условиях. Прежде всего, следует отметить доминирующую роль государства в жизни общества в его историческом развитии, что определялось природно-географическими, ментально-правовыми, геополитическими условиями [8, с. 35]. Государство вынуждено было брать на себя решение основных задач. Но одновременно это сопровождалось и подавлением инициативы «снизу». Самостоятельность низов ограничивалась. Общество вынуждено было отдавать не только прибавочный продукт, но и часть необходимого, что приводило к слабому развитию предпринимательства, торговли и городов, к незащищенности прав, свобод человека, частной собственности [14, с. 13].

Участников дискуссии можно условно подразделить на два лагеря – пессимистов, считающих, что гражданского общества в России нет, как нет и условий для его формирования, и оптимистов, полагающих, что процесс становления в России гражданского общества необратим и уже привел к положительным результатам. Отдельные наблюдения за этим процессом зачастую дают участникам дискуссии повод к широким, но малообоснованным обобщениям. Так, по мнению С. Кордонского, «в России нет государства в традиционном смысле этого понятия, нет и граждан, не говоря уже о гражданском обществе» [11, с. 78].

Подобные выводы делает и А. Хлопин: «...у нас создано общество неграждан – полная противоположность гражданскому обществу» [31, с. 127, 128]. Попытка верифицировать эту гипотезу привела данного автора к серьезному сомнению в том, что российские граждане обладают сколько-нибудь солидным опытом веры в присутствие некоторой имманентной разумности нынешнего российского социума, что ставит под сомнение тезис о его гражданственности [10, с. 314].

Политико-правовой анализ субстанциальных основ гражданского общества должен проводиться в двух плоскостях: 1) гражданское общество можно рассматривать как идею, доктрину, утопию (идеологический аспект); 2) гражданское общество можно представить как взаимосвязанную систему общественно-политических институтов (институциональный аспект). Именно такая дихотомическая модель исследования может помочь разорвать своеобразную содержательную «замкнутость» круга в определении гражданского общества, когда при его характеристике смешиваются воедино реально существующие и идеально предполагающиеся признаки и свойства.

Человек является членом гражданского общества именно как человек, а не как предста-

витель определенного этноса, не по национальному или расовому критерию [23, с. 285]. В этом смысле можно сказать, что гражданское общество – это неполитическое сообщество (форма отношений) частных лиц, а не ассоциация семей или этносов.

Представляется интересной точка зрения О.Г. Румянцева, рассматривающего гражданское общество в концепции конституционного строя России. По его мнению, существуют три начала гражданского общества – индивид, коллектив, цивилизованная власть. Само понятие «гражданское общество» он рассматривает как микромир конституционной модели, повторяющий указанное взаимодействие «на собственном этаже» [27, с. 75]. Так, О.Г. Румянцев полагает, что проблема гражданского общества сводится к предотвращению форм организации, в том числе государственных, при которых внутренние интересы членов общества подменяются внешними интересами аппарата [16, с. 35, 36].

Например, В.Д. Зорькин и В.А. Кикоть рассматривают гражданское общество как необходимый и рациональный способ социального существования людей, основанный на разуме, свободе, праве и демократии. В нем создается реальная возможность для самореализации личности и человеческих коллективов и тем самым устанавливается оптимальная мера вмешательства в экономический, социальный и духовный процесс [15, с. 4].

Следует заметить, что понятие «гражданское общество» не является чисто юридическим. Оно вызывает большой интерес у представителей многих общественных наук. Например, И.В. Бестужев-Лада представляет гражданское общество в виде некоего «общественного идеала» [4, с. 81]. Ф.А. Цанн-кай-си на основе анализа исторического развития различных учений о гражданском обществе приходит к выводу, что «основные кирпичи» фундамента гражданского общества составляют собственность (имущество), труд, семья [32, с. 13].

В отечественной юридической литературе отмечается, что гражданское общество – это комплексное явление, регламентированное нормами не только права, но и морали, обычаями, содержание которого определяется историческим опытом, национальными традициями и уровнем развития демократии [24, с. 1–25]. Нельзя не согласиться и с мнением О.Е. Кутафина, полагающего, что «в условиях традиционной неразвитости институтов гражданского общества в нашей стране необходимо конституционное закрепление основ их свободного саморазвития» [7, с. 78]. Гражданское общество, как отмечает Л. Карпов, «есть совокупность независимых от государства производителей, а также

саморегулирующихся организаций, вроде профсоюзов, политических партий, культурных организаций, научных ассоциаций, а также семьи и церкви» [17, с. 24].

Б.И. Славный пишет о гражданском обществе как «о некоей совокупности гражданских институтов, отличающихся от институтов политического общества или государства своим невластным характером» [28, с. 45]. По мнению Ю.С. Красина и А.Н. Галкина, гражданское общество – устойчивая система горизонтальных социальных связей, общественно-политических ориентаций и норм общественного поведения. Оно «образует как бы прокладку между базисом и надстройкой, производственными отношениями и государством» [20, с. 73].

Соглашаясь в целом с Б.И. Славным, ученые Е.Н. Гуренко и О.И. Шкаратан говорят о гражданском обществе как о «системе общественных институтов», «особой сфере социального общения, сплачивающей людей в сообщество на основе добровольных связей, независимо от экономических отношений, и обладающей собственными функциями: выражать различные общественные интересы, опосредовать отношения между личностью и государством, ограничивать всемогущество последнего» [13, с. 154, 155].

Например, К.С. Гаджиев рассматривает гражданское общество как «систему обеспечения социокультурной, духовной сфер их воспроизводства и передачи от поколения поколению, систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных институтов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальные или коллективные» [6, с. 30].

В гражданском обществе не должны существовать, по меньшей мере, две крайности: приоритет государства в лице государственных органов и хаос (анархия), диспропорции в управлении общественными делами, нигилизм по отношению к праву. Создание такого равновесия (баланса) в гражданском обществе является одним из основных условий его существования и совершенствования [16, с. 39, 40].

Критерии гражданского общества:

1. Экономическая и социальная свобода членов общества, которая возможна только в обществе с рыночной экономикой, где личность не отчуждена от собственности, вправе выбрать любую ее форму, где существует свобода экономической деятельности.

2. Признание и реальная обеспеченность естественных, неотчуждаемых прав человека, возможность судебной защиты этих прав.

3. Самоуправляемость, самоорганизованность, инициативность его членов.

4. Открытость, что предполагает, во-первых, свободный доступ людей ко всем источникам информации, кроме государственной, коммерческой и семейной тайн, во-вторых, гласность общественно-политических мероприятий, в-третьих, свободу слова, убеждений, суждений, свободу критики, в-четвертых, свободу общения с международными и иностранными общественными организациями.

5. Режим законности, верховенство права и закона, эффективность надзора за исполнением законов.

6. Равенство всех перед законом и судом, стабильность конституционного строя, демократический политический режим. Этот принцип часто называют главным среди всех перечисленных и, более того, основой гражданского общества [21, с. 115].

7. Политический и идеологический плюрализм, свобода мнений, слова и печати, независимость средств массовой информации [22, с. 88].

В литературе выделяются характерные особенности гражданского общества: оно представляет собой совокупность социальных групп, каждая из которых является центром социальной власти; каждая ассоциация, входящая в гражданское общество, стремится к полной или частичной автономии от государства; говорить о существовании гражданского общества можно лишь в том случае, если политическая и социальная сферы общественной жизни отделены друг от друга. Государство преимущественно разрешает политические проблемы, а гражданское общество представляет собой среду, в которой протекает повседневная жизнь людей; гражданское общество формирует основные нравственные добродетели людей, способствует выработке цивилизованного поведения и социальной ответственности [9, с. 162].

Гражданское общество – тип общественного устройства, отличительным признаком которого является реальная многосубъектность общественной, экономической, социальной, культурной и политической жизни¹. Как справедливо отмечают современные исследователи, «гражданское общество возникает там и тогда, где и когда институт государства уже не в состоянии оптимально выполнить функции регламента общественных отношений, где созрели предпосылки гражданского компромисса и мировоззренческого плюрализма, где складывается совокупность общественных институтов, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государства, спо-

¹ См.: Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Указ. соч.

собных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом; сдерживать его стремление к монополии, превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения» [9, с. 162].

Важнейшие предпосылки формирования гражданского общества – ликвидация сословных привилегий и возрастание значения человеческой личности, человека, который превращается из подданного в гражданина с равными со всеми другими гражданами юридическими правами. В этих условиях поведение человека определяется его собственными интересами и на него ложится ответственность за все действия. Такая личность превыше всего ставит собственную свободу, уважая и законные интересы других людей [29, с. 190].

В отношениях, составляющих гражданское общество, воплощаются идеи права как высшей справедливости, основанной на недопустимости произвола. Это те нормативные, общеобязательные требования, которые складываются и существуют в гражданском обществе независимо от их государственного признания и закрепления в законах. Но как верно указывает Б.А. Исаев, «следование им со стороны государства является залогом того, что закон в таком обществе и государстве приобретает правовой характер» [29, с. 191].

Словосочетание «гражданское общество», обозначающее общество (неполитическое сообщество людей) в его различии и соотношении с государством (политическим сообществом), явно не соответствует выражаемому им смыслу. Ведь гражданское общество – это не общество граждан (политических субъектов), а, напротив, сообщество частных (неполитических) лиц – носителей частных целей и интересов. Сообщество же граждан – это политическое сообщество, т.е. государство (политическое государство) в его отличии от общества (гражданского общества). Ведь и «гражданское право» (как отрасль права) – право не граждан, а частных лиц [23, с. 279].

Например, Л.М. Романенко предлагает выделять три элемента гражданского общества и соответственно три уровня анализа его институционализации: объективный (предполагающий изучение «фактического наличия институтов и структур гражданского общества во всех сферах жизни общества»), функциональный (представляющий собой анализ процессов функционирования, связей и взаимосвязей различных элементов и структур гражданского общества) и субъективный (когда предметом становятся сами агенты социального действия)¹. Научный подход, плодот-

¹ Показательно, что в странах с развитой демократической системой чаще всего исследуются второй и третий уровни, а в странах новой демократии внима-

тельность и объективность исследования предполагают анализ функционирования гражданского общества по нескольким четко определенным направлениям [10, с. 315].

Суть гражданского общества, по мнению П.П. Баранова, заключается в активном поведении широких слоев населения и превращении института государства в инструмент достижения той цели, которую определяют организованные и неорганизованные народные массы. Такие политико-правовые институты, как демократические выборы, референдум (в том числе инициативный), участие партий в политике, право петиций, иные формы непосредственной демократии, право законодательной инициативы, не просто способствуют контролю общества над органами государственной власти, но и делают последние (в определенных пределах) зависимыми от политически активной общественности [3, с. 67].

Одним из итогов Гражданского форума 2001 г. стало ясное понимание и осознание того, что гражданское общество невозможно построить «сверху», т.е. волевыми усилиями самой государственной власти с помощью чиновничьего аппарата. Оно должно стать результатом социальной самодеятельности нации. Из этого следует, что гражданское общество – нечто принципиально иное, чем политическая и административная структура, имеющаяся в стране. Более того, по мнению С.А. Абакумова и А.И. Подберезкина, гражданское общество является базовой формой реализации общественных интересов, а государство со своей стороны обеспечивает и гарантирует его жизнедеятельность. Гражданское общество не может существовать без главного своего носителя – гражданина, человека, способного и умеющего самостоятельно определять и осуществлять свои цели и жизненные интересы². Субъектами гражданского общества выступают индивиды и их объединения. В зависимости от того, в каком качестве выступают эти субъекты, можно выделить следующие: индивид, семья, школа, церковь, социальные группы (в частности, собственники и предприниматели), общественные объединения, оппозиционные политические партии и движения, средства массовой информации и др.³

Содержащиеся в Конституции РФ положения, характеризующие облик гражданского общества исследователей в основном сосредоточено на первом.

² См.: Подберезкин А.И., Абакумов С.А. – Указ. соч. С. 24.

³ Специфика всех организаций, образующих гражданское общество, состоит в том, что они создаются не государством, а самими гражданами, предприятиями, существуют автономно от государств, но в рамках действующих законов.

общества, заключенные в ней идеи и воззрения, базируются на гуманистических, демократических ценностях и составляют суть «новой» конституционной идеологии, коренным образом отличающейся от прежней, основанной на идее подавления частных интересов государственными потребностями и интересами.

Государство принимает на себя обязательство создать минимум законов, который необходим с позиции общедозволяющего принципа правового регулирования и является безусловной базой развития государственности; но в то же время государство признает за нормами группового права – корпоративного, церковного, обычного – юридическую силу с целью сохранения самобытности различных субъектов гражданского общества, социальных групп, общественных объединений, если не нарушаются права других сообществ и внутренний суверенитет государства [30, с. 98].

Правовое государство может быть построено лишь согласованными, дополняющими друг друга действиями государства и гражданского общества, что должно находить отражение в идеологии, лежащей в основе законодательства и, прежде всего, Конституции РФ.

Ключевым понятием гражданского общества выступает свобода как условие и способ человеческого самоосуществления, отягощенного мерой персональной ответственности. В рамках гражданского общества и его институтов свобода проявляется не так, как в границах государства, где человек заявляет о себе как существо пассивное, страдательное, ибо оно объект внимания и манипулирования, заботы и наказания.

В гражданском обществе человек заявляет о себе как существо автономное и свободное. Он равный среди равных, ибо люди по своей воле объединились в сообщество и логично предположить, что они сами вырабатывают ценностные ориентиры, нормы и правила, которым и намерены следовать. Мера свободы, а стало быть, и выбора в условиях гражданского общества несоизмеримо выше, чем в отношении «подданный – государство». Пока люди организуют свое сообщество на уровне процесса, они имеют возможность активно вмешиваться в свое творчество. Но, как только это творчество обретает определенные формы, оно получает относительную самостоятельность, независимость от тех, кто его созидал, ибо в своем развитии оно подчиняется своим законам, а не воле своих творцов (созидателей) [6, с. 62].

В стране идет борьба и противостояние различных подходов к организации жизни человека, общества и государства. Главная задача сегодня – не допустить возврата в прошлое, обе-

спечить стратегию устойчивого политического, экономического, социального и культурного развития, ускоренное продвижение к правовому государству. Как верно утверждает Б.С. Эбзеев, «права человека адекватны всякому демократически организованному обществу, и государство, претендующее на то, чтобы называться правовым, не вправе, а обязано в своем законодательстве предусмотреть и реально гарантировать юридическими и иными средствами эти права, которые в силу конституционного закрепления приобретают характер субъективных юридических прав» [35, с. 112].

По мнению Б.С. Эбзеева, в словосочетание «права человека» в Основном законе страны вкладывается следующий смысл: «...права человека – это, в отличие от отраслевых прав, есть конституционные права, которые предопределяют смысл и содержание отраслевых прав. Наконец, права человека – это такие права, которые принадлежат всякому человеку независимо от его гражданской принадлежности, т.е. гражданам, иностранцам, лицам без гражданства» [35, с. 109].

Однако с данной точкой зрения нельзя согласиться хотя бы потому, что права человека выходят далеко за рамки конституционных прав. При любом демократическом устройстве права и свободы граждан представляют собой важнейший политико-юридический и социальный институт, объективно выступающий мериллом достижений данного общества, его «визитной карточкой», показателем цивилизованности. Этот показатель служит средством доступа личности к духовным и материальным благам, механизмам власти, и в то же время это – непереносимое условие совершенствования индивида, упрочения его статуса и независимости.

В научной литературе выделяются три важнейших условия формирования и укрепления современного гражданского общества. Первое условие заключается во всестороннем развитии и саморазвитии личности, свободно выбирающей свой жизненный путь и отвечающей за него. Только такая личность обладает раскрепощенным сознанием, чувством собственного достоинства, верой в свои силы и возможности. Именно такой человек активен в разрешении не только личных, но и общественно-политических проблем, самостоятельно ставит и решает волнующие его жизненные вопросы. Чем больше таких личностей, тем благоприятнее перспективы развития России в XXI в.

Представить себе общественный прогресс без стремления к установлению начал равенства и свободы невозможно. Важно при этом заметить, что равенство и свобода человека предпо-

лагают ответственность не только перед другими людьми, но и, в первую очередь, перед собой.

Роль российской государственной власти в становлении такой личности состоит в том, чтобы обеспечить ей внешние условия для осмысления окружающей действительности, совершенствования общественных отношений. Решить эту задачу государство может двумя путями: с одной стороны, обеспечивая свободу выбора личности посредством предоставления ей максимума допустимых прав и свобод, не нарушающих права и свободы других личностей; с другой стороны, устанавливая максимум ответственности личности за собственный выбор посредством соблюдения ею системы правовых норм, не нарушающих прав и свобод других граждан [3, с. 122].

Преобразования в России только тогда будут успешными, когда обеспечат условия для внутреннего саморазвития и самосовершенствования личностей, образующих гражданское общество. Таким образом, цель современных преобразований в России должна состоять в раскрытии созидательного потенциала личности. Чтобы решить эту задачу, государство и общество должны формировать демократические традиции и развивать экономические свободы.

Второе важнейшее условие формирования и укрепления современного российского гражданского общества состоит в создании эффективной системы экономических отношений, обеспечивающих экономическую свободу личности, зарождение развитого социального слоя коллективных и индивидуальных владельцев средств производства, развитие института частной собственности, экономической конкуренции, активности, самостоятельности и равноправия хозяйствующих субъектов [2, с. 37].

Третье важнейшее условие формирования и укрепления гражданского общества – опора в государственном и общественном строительстве на общепризнанные демократические правовые принципы (защита прав и свобод человека и гражданина, равноправие граждан, верховенство закона, разделение властей) и институты (независимая судебная система, развитое местное самоуправление, эффективная многопартийность, независимые, свободные СМИ, демократические и свободные выборы, гражданские инициативы) [3, с. 123, 124].

Представляется, что главная причина множества проблем во взаимоотношениях государства и личности в сфере обеспечения и защиты конституционных прав и свобод последней состоит в отсутствии условий подчинения государственных органов власти праву, включая правоохранительные органы, в том числе органы внутренних дел, эффективного механизма реализации конституционной ответственности госу-

дарства перед обществом и обеспечения законности и правопорядка на всей территории России [25, с. 9–12].

Анализ признаков правового государства позволяет сформулировать принципы сотрудничества государства и гражданского общества в сферах частной собственности, равноправия, разделения властей, защиты прав человека, законности. Особенно выделяется контроль над законностью в качестве одного из важнейших элементов строительства правового государства. В связи с этим можно рассматривать общественный контроль как наблюдение различных общественных формирований за деятельностью государственных органов, причем его отличием от государственного является отсутствие права вмешиваться в оперативную деятельность контролируемого органа и привлекать его к юридической ответственности [30, с. 96, 97].

Эффективное разрешение проблем обеспечения прав и свобод граждан на территории России в нынешних условиях возможно лишь путем соблюдения и иных форм реализации принципов, закрепленных в источниках международного права, Конституции страны и федеральных законах. Для разрешения названных проблем целесообразно использовать различные конституционные и международные механизмы и процедуры, поддержку правозащитного движения, возможности местного самоуправления и разумную политику государства, направленные на постоянное повышение уровня правовой культуры государственных служащих всех уровней, должностных лиц, включая сотрудников органов внутренних дел [16, с. 295, 296]. Например, Ю.В. Колесников отмечает, что формирование гражданского общества и правового демократического государства будет происходить по ускоренному «сценарию» [19, с. 51, 52]. С данной точкой зрения авторы настоящего исследования не могут согласиться, поскольку самая сложная задача в становлении и развитии гражданского общества в России – ломка складывавшихся десятилетиями стереотипов всевластия государства по отношению к личности и обществу в целом [16, с. 205].

Более того, нельзя не учитывать слабого социально-экономического уровня страны на современном этапе ее развития, а также политическую нестабильность, низкий уровень правового сознания и правовой культуры большинства населения¹. Не менее важным условием формирования гражданского общества в России является повышение общественного сознания, духовно-культурного уровня россиян. Это, к сожалению, потребует довольно много времени [16, с.

¹ Достижение экономического благополучия отнюдь не будет означать того, что в России гражданское общество уже сформировалось.

295, 296]. Прав В.А. Четвернин, по мнению которого формирование и развитие гражданского общества не завершено ни в нашей стране, ни в мировом масштабе: этот процесс рассчитан на несколько веков [33, с. 34; 18, с. 21].

В каком государстве возможно полноценное развитие гражданского общества, а институты гражданского общества составляют неотъемлемую и важную часть механизма реализации прав и свобод человека и гражданина?

Полицейское государство, в отличие от демократического правового, не может стать основой формирования гражданского общества хотя бы потому, что у них различны цели и задачи, принципы и функции, методы управления и взаимоотношения с личностью, правовые системы. Цель и задачи полицейского государства, в отличие от правового, не связаны с защитой прав человека и его интересов, обеспечением принципов народовластия и подчинением государства праву. Скорее, наоборот, как верно отмечает С.В. Калашников, «они направлены на установление (с использованием государственного механизма принуждения) жесткого режима, возможно военной диктатуры, для защиты интересов правящих кругов и борьбы с различного рода посягательствами на его устои, установление строгого контроля над общественными объединениями, трудовыми коллективами, прессой по соблюдению требований режима и установленных норм поведения» [16, с. 50].

Правовая система полицейского государства защищает существующий строй с присущими ему принципами и институтами, прямо противоположными демократической правовой системе, установленной в рамках правового демократического государства. Что же касается прав и свобод человека и гражданина, то в полицейских (авторитарно-тоталитарных) государствах они как бы «даруются» государством его гражданам, которым остается лишь выразить свое согласие с правящим режимом, во избежание конфликтов с государством [16, с. 50, 51]. Последнее ограничивает права и свободы личности законами, принятыми из соображений общего блага, экономической целесообразности, нравственности, социальной справедливости, борьбы с преступностью, охраны государственной безопасности [34, с. 77]. Реальные государства ближе либо к правовому (например, США), либо к полицейскому (например, Германия в XIX в., постсоветская Россия) [34, с. 78].

Гражданское общество – общество, где главным действующим лицом и субъектом происходящих в нем процессов и отношений выступает человек, со всей системой его потребностей, интересов и ценностей. Это понятие также обозначает совокупность существующих независимо

от государства и его органов общественных отношений – политических, экономических, культурных, национальных, религиозных, семейных и других, отображает многообразие частных интересов. Общество становится гражданским лишь на определенной стадии демократического развития и формируется по мере экономического, политического развития страны, роста благосостояния, культуры и самосознания народа.

Становление гражданского общества и развитие демократии находятся в тесной взаимосвязи: чем более развито гражданское общество, тем демократичнее государство. Предпосылками развития гражданского общества служит появление у граждан экономической самостоятельности при многообразии форм собственности и возрастание статуса человеческой личности. Политический фундамент гражданского общества – правовое государство и демократия, которые необходимы для обеспечения всех прав и свобод личности, развития общества в целях создания в нем обстановки стабильности, безопасности, справедливости и сотрудничества. Экономическую основу гражданского общества составляют многообразие форм собственности и суверенитет индивидуальных собственников, которым обеспечены законодательные гарантии равного признания и защиты.

На основании изложенного сделаем следующие выводы [12].

Во-первых, основания возникновения гражданского общества в России можно условно классифицировать на:

- исторические, связанные с возникновением и особенностями развития в России крестьянской общины и православной идеологии. Сторонники такого подхода требуют восстановления соборности, общинности и других присутствующих только славянам черт дооктябрьского прошлого;

- современные (конституционно-правовые), возникшие с принятием Конституции РФ 1993 г., провозгласившей права и свободы человека высшей ценностью (ст. 2). Сторонники этого подхода считают, что гражданского общества в пространствах Российской империи и СССР не существовало и его нужно создавать впервые, опираясь, отчасти, на положительный опыт Запада.

Во-вторых, под институтами гражданского общества следует понимать действующие независимо от государства или при поддержке последнего общественные структуры (объединившиеся по социальному, профессиональному и другим признакам), деятельность которых, во-первых, порождает правоотношения, направленные на реализацию и защиту индивидами своих прав и свобод, решение общих задач в сфере экономики, культуры и других областях

общественной жизни, во-вторых, способна влиять на государственные институты и ограждать людей от необоснованного вмешательства данных институтов в общественную жизнь.

В-третьих, функции гражданского общества в России более многогранны, в частности, это: участие граждан в правотворческой (нормотворческой) деятельности; контроль институтов гражданского общества над государственной властью; участие в осуществлении государственной политической власти; участие в отправлении правосудия (заседатели, присяжные заседатели, арбитражные заседатели – специалисты); под-

держка государственной власти или противодействие ей; оказание материальной помощи государственной политической власти; воспитательная и образовательная функция; здравоохранения и воспроизводства населения; охрана окружающей природной среды; взаимное сдерживание граждан и их объединений от правонарушений; правовая активность при реализации прав, свобод и законных интересов; формирование заинтересованности государственной политической власти в реализации своего правового статуса.

Список литературы:

- [1] Жарова А.К. *Информация. Правовое регулирование обращения информации в интернет.* Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 2006.
- [2] Аринин А.Н. *Права и свободы человека и эффективное развитие России // Общественные науки и современность.* 2002. № 1.
- [3] Баранов П.П. *Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: Дисс. ... канд. юрид. наук.* Ростов-на-Дону, 2003.
- [4] Бестужев-Лада И.В. *Сценарий будущего под иероглифом гражданского общества // Будь лицом: ценности гражданского общества.* Томск, 1992.
- [5] Гаджиев К.С. *Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии.* 1991. № 7.
- [6] Гаджиев К.С. *Политическая наука. М.: Международные отношения,* 1994.
- [7] *Государственное право Российской Федерации / Под ред. О.Е. Кутафина. Т. 1. М., 1993.*
- [8] *Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М., 1998.*
- [9] *Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. проф. И.И. Кальной. СПб., 2000.*
- [10] *Гражданское общество: мировой опыт и проблемы России. М., 1998.*
- [11] *Гражданское общество: первые шаги. СПб., 1999.*
- [12] Грудцына Л.Ю. *Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в России (на примере гражданского судопроизводства): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.*
- [13] Гуренко Е.Н., Шкаратан О.И. *От этатизма к становлению гражданского общества // Рабочий класс и современный мир.* 1990. № 3.
- [14] Демин Г.И. *Особенности становления и развития гражданского общества в России. М., 2000.*
- [15] Зорькин В.Д., Кикоть В.А. *Новая Конституция – путь к свободе. М., 1995.*
- [16] Калашников С.В. *Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2001.*
- [17] Карпов Л. *Россия и правовое государство // Свободная мысль.* 1992. № 9.
- [18] Киров В.Ц. *Парадокс государственной власти в гражданском обществе. М., 1992.*
- [19] Колесников Ю.В. *Гражданское общество в структуре социума // В сб.: РАУ «Гражданское общество». М., 1993.*
- [20] Красин Ю.С., Галкин А.Н. *Гражданское общество: пути к стабильности // Диалог.* 1992. № 3.
- [21] Лейст О.Э. *Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.*
- [22] Матузов Н.И. *Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение.* 1995. № 3.
- [23] Нерсесянц В.С. *Общая теория права и государства: Учебник для вузов. М.: Норма, Инфра-М,* 1999.

[24] Новая Конституция России: два проекта // Конституционный вестник. 1993. № 16.

[25] Опыт ECRE в работе с помогающими беженцам неправительственными организациями в Центральной Европе: Материалы первого семинара «Организация юридических консультаций для беженцев и вынужденных переселенцев в городах России. М.: Звенья, 1997.

[26] Жарова А.К. О правовом регулировании технологического обеспечения информационного взаимодействия субъектов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 3. С. 186-199.

[27] Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М., 1994.

[28] Славный Б.И. Проблема власти: новые измерения // Полис. 1991. № 5, 6.

[29] Теория политики: Учебное пособие / Под ред. Б.А. Исаева. СПб.: Питер, 2008.

[30] Федоренко Д.В. Политико-правовые механизмы взаимодействия институтов гражданского общества и государства в современной России: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

[31] Хлопин А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // Pro et Contra. 2002. № 1.

[32] Цанн-кай-си Ф.В. Гражданское общество: реальность и понятие // Конституционный вестник. 1990. № 4.

[33] Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993.

[34] Четвернин В.А. Понятие и термин «правовое государство» // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 8.

[35] Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007.

Spisok literatury:

[1] Zharova A.K. Informaciya. Pravovoe regulirovanie obrashcheniya informacii v internet. Institut gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. Moskva, 2006.

[2] Arinin A.N. Prava i svobody' cheloveka i e'ffektivnoe razvitie Rossii // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 2002. № 1.

[3] Baranov P.P. Instituty' grazhdanskogo obshhestva v pravovom prostranstve sovremennoj Rossii: Diss. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2003.

[4] Bestuzhev-Lada I.V. Scenarij budushhego pod ieroglifom grazhdanskogo obshhestva // Bud' licom: cennosti grazhdanskogo obshhestva. Tomsk, 1992.

[5] Gadzhiev K.S. Konceptiya grazhdanskogo obshhestva: idejny'e istoki i osnovny'e veki formirovaniya // Voprosy' filosofii. 1991. № 7.

[6] Gadzhiev K.S. Politicheskaya nauka. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1994.

[7] Gosudarstvennoe pravo Rossijskoj Federacii / Pod red. O.E. Kutafina. T. 1. M., 1993.

[8] Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii: Struktury' i soznanie. M., 1998.

[9] Grazhdanskoe obshhestvo: istoki i sovremennost' / Nauch. red. prof. I.I. Kal'noj. SPb., 2000.

[10] Grazhdanskoe obshhestvo: mirovoj opyt' i problemy' Rossii. M., 1998.

[11] Grazhdanskoe obshhestvo: pervy'e shagi. SPb., 1999.

[12] Grudcy'na L.Yu. Osobennosti konstitucionny'x garantij realizacii prav cheloveka v Rossii (na primere grazhdanskogo sudoproizvodstva): Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2004.

[13] Gurenko E.N., Shkaratan O.I. Ot e'tatizma k stanovleniyu grazhdanskogo obshhestva // Rabochij klass i sovremenny'j mir. 1990. № 3.

[14] Demin G.I. Osobennosti stanovleniya i razvitiya grazhdanskogo obshhestva v Rossii. M., 2000.

[15] Zor'kin V.D, Kikot' V.A. Novaya Konstituciya – put' k svobode. M., 1995.

[16] Kalashnikov S.V. Konstitucionny'e osnovy' formirovaniya grazhdanskogo obshhestva v Rossijskoj Federacii: Diss. ... dokt. yurid. nauk. M., 2001.

- [17] Karpov L. Rossiya i pravovoe gosudarstvo // Svobodnaya my'sl'. 1992. № 9.
- [18] Kirov V.C. Paradoks gosudarstvennoj vlasti v grazhdanskom obshhestve. M., 1992.
- [19] Kolesnikov Yu.V. Grazhdanskoe obshhestvo v strukture sociuma // V sb.: RAU «Grazhdanskoe obshhestvo». M., 1993.
- [20] Krasin Yu.S., Galkin A.N. Grazhdanskoe obshhestvo: puti k stabil'nosti // Dialog. 1992. № 3.
- [21] Lejst O.E'. Sushhnost' prava. Problemy' teorii i filosofii prava. M., 2002.
- [22] Matuzov N.I. Grazhdanskoe obshhestvo: sushhnost' i osnovny'e principy' // Pravovedenie. 1995. № 3.
- [23] Nersesyanc V.S. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, Infra-M, 1999.
- [24] Novaya Konstituciya Rossii: dva proekta // Konstitucionny'j vestnik. 1993. № 16.
- [25] Opy't ECRE v rabote s pomogayushhimi bezhencam nepravi-tel'stvenny'mi organizacijami v Central'noj Evrope: Materialy' pervogo seminaru «Organizaciya yuridicheskix konsul'tacij dlya bezhencev i vy'nuzh-denny'x pereselencev v gorodax Rossii. M.: Zven'ya, 1997.
- [26] Zharova A.K. O pravovom regulirovanii tekhnologicheskogo obespecheniya informacionnogo vzaimodejstviya sub'ektov // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2012. № 3. S. 186-199.
- [27] Rumyanцев O.G. Osnovy' konstitucionnogo stroya Rossii. M., 1994.
- [28] Slavny'j B.I. Problema vlasti: novy'e izmereniya // Polis. 1991. № 5, 6.
- [29] Teoriya politiki: Uchebnoe posobie / Pod red. B.A. Isaeva. SPb.: Piter, 2008.
- [30] Fedorenko D.V. Politiko-pravovy'e mexanizmy' vzaimodejstviya institutov grazhdanskogo obshhestva i gosudarstva v sovremennoj Rossii: Diss. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2007.
- [31] Xlopin A. Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii: ideologiya, utopiya, real'nost' // Pro et Contra. 2002. № 1.
- [32] Cann-kaj-si F.V. Grazhdanskoe obshhestvo: real'nost' i ponyatie // Konstitucionny'j vestnik. 1990. № 4.
- [33] Chetvernin V.A. Demokraticeskoe konstitucionnoe gosudarstvo: vve-denie v teoriyu. M., 1993.
- [34] Chetvernin V.A. Ponyatie i termin «pravovoe gosudarstvo» // SShA: e'konomika, politika, ideologiya. 1996. № 8.
- [35] E'bzeev B.S. Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitucionny'e obyazannosti. M.: Norma, 2007.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Классификация полномочий органов местного самоуправления может осуществляться по различным критериям. Основным из них является направленность деятельности органов местного самоуправления на решение вопросов местного значения. Анализ законодательства Российской Федерации в зависимости от сферы деятельности позволяет выделить следующие основные группы полномочий органов местного самоуправления в областях хозяйственного, социально-культурного строительства; охраны общественного порядка; планирования, бюджетно-финансовой деятельности и управления муниципальной собственностью; использования и охраны земли и других природных ресурсов; строительства, транспорта, связи; коммунального, бытового и торгового обслуживания населения.

Ключевые слова: местное самоуправление, Закон о местном самоуправлении, удовлетворение потребностей жителей, полномочия органов местного самоуправления, юридическая ответственность.

GAMALEY Artem Aleksandrovich.,
candidate of law sciences, associate professor

LEGAL NATURE AND PECULIARITIES OF ACTIVITIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The classification of powers of local governments can be carried out according to various criteria. The main of them is the focus of the activities of local governments on solving issues of local importance. The analysis of the legislation of the Russian Federation, depending on the sphere of activity, makes it possible to distinguish the following main groups of powers of local authorities in the fields of economic, socio-cultural construction; protection of public order; planning, fiscal and municipal property management; use and protection of land and other natural resources; construction, transport, communications; communal, domestic and commercial services.

Key words: local government, Law on local government, satisfaction of needs of inhabitants, powers of local governments, legal responsibility.

Предметы ведения местного самоуправления характеризуют те сферы и объекты, которые находятся под прямым воздействием местного самоуправления, определяют те области жизнедеятельности населения муниципального образования, на которые распространяется его юрисдикция [1, с. 23]. Конституция РФ использует для характеристики предметов ведения местного самоуправления понятие «вопросы местного значения».

Вопросы местного значения можно определить как круг дел (объектов), решение которых обеспечивает локальную (для данной территории) жизнедеятельность муниципального образования и удовлетворение потребностей его жителей. Это вопросы, которые вправе самостоятельно решать местное самоуправление. В отличие от Федерального закона от 28 августа 1995 г.

№ 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу с 1 января 2009 г.), который в ст. 6 закреплял 30 вопросов местного значения, относящихся ко всем без исключения муниципальным образованиям, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дифференцированно подходит к их решению. В нем определены вопросы местного значения для каждого вида муниципального образования. Так, ст. 14 содержит перечень вопросов местного значения поселения, ст. 15 – перечень вопросов местного значения муниципального района, ст. 16 включает перечень вопросов местного значения городского округа.

Положительной чертой нового Закона является то, что в нем проводится различие между

вопросами местного значения и полномочиями органов местного самоуправления по их решению [5]. Понятие «полномочия органов местного самоуправления» является новым для отечественного государственного устройства. Впервые данное понятие упоминается в Конституции РФ, в соответствии с которой органы местного самоуправления обладают полномочиями по самостоятельному решению вопросов местного значения, а также могут наделяться отдельными государственными полномочиями [1, с. 25]. Таким образом, полномочия органов местного самоуправления можно подразделить на две группы: 1) собственные полномочия местного самоуправления, т.е. те полномочия, которые государство признает за местным самоуправлением; 2) отдельные государственные полномочия, которыми закон может наделять органы местного самоуправления с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств (ст. 132 Конституции РФ).

Собственные полномочия органов местного самоуправления можно определить как совокупность присущих им прав и обязанностей, необходимых для решения вопросов местного значения и закрепляемых в уставе муниципального образования в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации. Перечень собственных полномочий органов местного самоуправления указывается в ст. 17 Закона о местном самоуправлении 2003 г.

Классификация полномочий органов местного самоуправления может осуществляться по различным критериям. Основным из них является направленность деятельности органов местного самоуправления на решение вопросов местного значения. Анализ законодательства Российской Федерации в зависимости от сферы деятельности позволяет выделить следующие основные группы полномочий органов местного самоуправления в областях хозяйственного, социально-культурного строительства; охраны общественного порядка; планирования, бюджетно-финансовой деятельности и управления муниципальной собственностью; использования и охраны земли и других природных ресурсов; строительства, транспорта, связи; коммунального, бытового и торгового обслуживания населения [2].

Отдельные государственные полномочия наряду с вопросами местного значения формируют компетенцию муниципальной власти в Российской Федерации.

В новом Федеральном законе о местном самоуправлении содержится специальная гл. 4, посвященная наделянию органов местного само-

управления отдельными государственными полномочиями.

В процессе реализации органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий можно выделить три стадии:

1) наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с одновременной передачей необходимых для их реализации государственных материальных и финансовых средств;

2) осуществление органами местного самоуправления полученных государственных полномочий;

3) государственный контроль над исполнением органами местного самоуправления переданных государственных полномочий.

Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Федерации осуществляется федеральным законом, отдельными государственными полномочиями субъектов Российской Федерации – законом субъекта Федерации. Иной порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями не допускается.

Органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями на неограниченный срок либо на срок выполнения передаваемых полномочий.

При принятии решений о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями целесообразно учитывать следующие факторы [1].

Во-первых, наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями является не обязательным, а возможным. Прежде всего следует решить вопрос о целесообразности возложения исполнения отдельных государственных полномочий на органы местного самоуправления или исполнение этих полномочий существующими или специально создаваемыми территориальными органами государственного управления. При принятии решений важно учитывать не только организационные и финансовые факторы, но и удобство для населения при получении услуг в том или ином варианте.

Во-вторых, даже когда исполнение отдельных государственных полномочий органами местного самоуправления более эффективно, чем их исполнение органами государственной власти, не во всех муниципальных образованиях имеется возможность реально осуществлять эти полномочия. В Российской Федерации в настоящее время насчитывается около 12 тыс. муниципальных образований, существенно отличающихся по численности населения, по социаль-

но-экономическому потенциалу, по природным условиям и географическому положению.

В-третьих, поскольку наделение полномочиями должно сопровождаться передачей органам местного самоуправления необходимых материальных и финансовых ресурсов, в бюджетах Российской Федерации и ее субъектов ежегодно должны предусматриваться средства, выделяемые органам местного самоуправления на исполнение отдельных государственных полномочий [7, с. 65].

Позитивным дополнением является внесение в новый Федеральный закон о местном самоуправлении положения, согласно которому законы, предусматривающие наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, ежегодно вводятся в действие соответствующим законом о бюджете на очередной финансовый год. При этом оговаривается важное условие: в этих бюджетах должно быть предусмотрено предоставление субвенций на осуществление переданных органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий [5].

Если федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации, предусматривающие наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, не соответствуют перечисленным требованиям и это несоответствие установлено в судебном порядке, органы местного самоуправления вправе отказаться от исполнения переданных государственных полномочий. Это положение также является новеллой Закона 2003 г.

Выделяют два способа наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями – передача и делегирование [1, с. 45]. Под передачей понимается способ регулирования полномочий органа местного самоуправления, при котором какое-либо полномочие органа государственной власти исключается из его компетенции и включается в компетенцию органов местного самоуправления. При этом срок такого наделения, как правило, не оговаривается [4].

Органы местного самоуправления обязаны исполнять отдельные государственные полномочия, переданные им в установленном порядке. Органы местного самоуправления осуществляют переданные им отдельные государственные полномочия самостоятельно, в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Федерации. Порядок осуществления переданных государственных полномочий должен устанавливаться нормативным актом представительного органа муниципального образования. Ключевым вопросом исполнения государственных полномочий органами местного самоуправления в насто-

ящее время стала проблема порядка их реализации в условиях, когда:

- государственное полномочие передано в порядке, не соответствующем требованиям Конституции РФ и федерального законодательства;
- органы государственной власти не исполняют возложенных на них законом обязанностей по передаче необходимых материальных и финансовых средств.

В соответствии с п. 3 ст. 20 Закона о местном самоуправлении 2003 г. органы местного самоуправления несут ответственность за осуществление отдельных государственных полномочий лишь в пределах материальных ресурсов и финансовых средств, выделенных на эти цели. Таким образом, у органов государственной власти не имеется оснований для принуждения органов местного самоуправления к исполнению соответствующих государственных правовых актов в случае бездействия муниципальной власти по реализации этих полномочий в связи с отсутствием переданных финансовых и материальных ресурсов.

Однако при обжаловании гражданами или органами государственной власти решений органов или должностных лиц местного самоуправления об «урезанном» исполнении переданных отдельных государственных полномочий в суд эти решения неизменно признавались судом недействительными. Суды выносили решения, исходя из того, что органы местного самоуправления принимали по существу решения об изменении действия определенных федеральных законов на территориях муниципальных образований, тем самым выходя за пределы своих полномочий [3].

От передачи на муниципальный уровень соответствующие полномочия не утрачивают статус государственных, органы государственной власти продолжают нести ответственность за их реализацию. В связи с этим государственные органы вправе устанавливать определенные квалификационные требования к лицам, непосредственно осуществляющим государственные полномочия, определять формы и регулярность предоставления информации о ходе их исполнения.

Органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти субъектов Российской Федерации обязаны осуществлять контроль над исполнением органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий. При этом контролю со стороны государственных органов подлежит:

- расходование выделенных для осуществления отдельных государственных полномочий финансовых средств и материальных ресурсов [5];

- использование переданной в оперативное управление государственной собственности;
- адекватность исполнения переданных полномочий (прежде всего, выяснение вопроса о превышении полномочий или, наоборот, неполном исполнении);
- качество и эффективность исполнения полномочий.

Могут использоваться следующие формы контроля: периодическая отчетность, выборочные проверки, опрос населения, учет заявлений, предложений, жалоб населения по выполняемым органами местного самоуправления отдельным государственным полномочиям и т.д. [2]

В соответствии с Законом 2003 г. в случае выявления нарушений требований Закона по вопросам осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий уполномоченные государственные органы вправе давать предписания об устранению этих нарушений. Эти предписания обязательны для исполнения органами местного самоуправления, но могут быть обжалованы в суд [3].

Основной проблемой является определение санкций, допустимых к применению в отношении органов местного самоуправления за неисполнение или ненадлежащее исполнение переданных государственных полномочий. Закон содержит еще одно положение, которое может быть применимо в качестве меры ответственности органов местного самоуправления за ненадлежащее осуществление переданных отдельных государственных полномочий. В пункте 1 ст. 75 содержится норма, предусматривающая временное осуществление органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления в том случае, если органами местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий было допущено нецелевое расходование выделенных на эти цели субвенций из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации. Факт нецелевого использования бюджетных средств должен быть установлен в судебном порядке [6].

Рассмотрим теперь вопросы, связанные с *юридической ответственностью* в рамках института местного самоуправления. Юридическая ответственность органа или должностного лица местного самоуправления означает применение к соответствующему органу или лицу, совершившему правонарушение, предусмотренных законом мер принуждения в установленном порядке [2, с. 404–412]. К юридической ответственности могут быть привлечены органы и должностные лица местного самоуправления. Закон различает ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправле-

ния перед населением муниципального образования, государством, юридическими и физическими лицами. Исключительная важность и первоочередность закрепления в законодательстве норм, регулирующих ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением, обусловлена сущностью местного самоуправления, представляющего собой в соответствии с ч. 2 ст. 3 Конституции РФ форму осуществления народом своей власти.

Ответственность перед населением муниципального образования – специфический вид ответственности. Единственное основание для привлечения органов или должностных лиц местного самоуправления к данному виду ответственности – утрата доверия. Термин «доверие» носит неправовой характер, им обозначается наличие уверенности в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь и основанное на этом отношении [4].

Под утратой доверия избирателей как основания отзыва понимается неудовлетворенность избирателей деятельностью депутата, связанная, совокупно или по отдельности, с такими причинами, как невыполнение депутатом предвыборной программы, официально объявленное депутатом изменение своей политической ориентации при условии, что она была одним из определяющих факторов при его избрании, отказ от контактов с избирателями и т.д. Крайняя мера, применяемая к депутату и выборному должностному лицу в результате утраты доверия, – отзыв населением муниципального образования, к выборному органу местного самоуправления – роспуск [3].

Институт отзыва – это совокупность норм права, регулирующих принятие гражданами публично-властных решений по досрочному прекращению деятельности депутата, выборного должностного лица.

Институт роспуска – совокупность норм права, регулирующих принятие гражданами публично-властных решений по досрочному прекращению деятельности выборного органа местного самоуправления [1, с. 74].

Опыт реализации данных институтов в советское время хотя и реализовывался довольно часто, но свидетельствует не в их пользу. В середине 1930-х гг. отзыв и роспуск использовались в качестве инструмента репрессий. В современном конституционализме «отзыв» и «роспуск» – редко встречающиеся институты прямой демократии. Чаще используются более мягкие санкции – коллективное порицание депутата, замечание ему со стороны представительного органа, предупреждение выборному должностному лицу со стороны собраний избирателей и т.д.

За период 1996–2002 гг. в отношении депутатов представительных органов местного само-

управления отзыв инициировался в четырех субъектах Российской Федерации (23 инициативы). Голосование состоялось в восьми случаях, были отозваны два депутата. Инициировались отзывы 66 глав муниципальных образований в 19 субъектах Российской Федерации. Голосование проводилось в 24 случаях, 13 глав отозвано.

Ответственность перед государством предусмотрена в ст. 72–74 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г., где установлены основания наступления этого вида ответственности. В частности, ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством наступает в случае:

1) нарушения ими Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституции и законов субъекта Российской Федерации, устава муниципального образования;

2) ненадлежащего выполнения переданных отдельных государственных полномочий.

На органы местного самоуправления возложено решение задач, значимых и для государства, и для общества. В связи с этим необходимо не только декларировать ответственность, но и выработать механизмы ее реализации.

Неправомерные действия органа или должностного лица местного самоуправления влекут за собой применение специальных мер принуждения в целях восстановления нарушенного правопорядка. Поскольку эти меры применяются от имени государства, данный вид ответственности называется ответственностью перед государством. При этом реальный ущерб причиняется не обязательно непосредственно государству или его органам – потерпевшими могут быть граждане, предприятия, учреждения, организации, общественные объединения и другие субъекты [1, 2].

Необходимо подчеркнуть, что новый Федеральный закон о местном самоуправлении дифференцирует механизм применения ответственности перед государством в зависимости от вида органов местного самоуправления. Так, выделяется ответственность представительного органа муниципального образования, ответственность главы муниципального образования и главы местной администрации.

Формой ответственности должностных лиц местного самоуправления перед государством является отрешение от должности; формой

ответственности представительного органа – его роспуск. Процедура роспуска представительного органа муниципального образования весьма сложна и формализована.

Во-первых, основанием для возбуждения данной процедуры являются установленные судом противоречия нормативного правового акта, принятого представительным органом муниципального образования, Конституции РФ, федеральному законодательству, конституции (уставу), закону субъекта Российской Федерации или уставу муниципального образования. Примечательно, что Закон от 2003 г. исключил положение, согласно которому нормативный правовой акт органа местного самоуправления подлежал оспариванию в суде только в том случае, если его исполнение вызвало нарушение прав и свобод человека и гражданина или наступление иного вреда [9].

Во-вторых, факт принятия такого акта не влечет за собой прекращения полномочий представительного органа. Инициатива о роспуске считается поддержанной, только если в течение трех месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока представительный орган муниципального образования не принял в пределах своих полномочий мер к исполнению решения суда, в том числе не отменил соответствующий нормативный правовой акт.

В-третьих, в течение одного месяца после вступления в силу решения суда высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации вносит в законодательный (представительный) орган власти субъекта проект закона о роспуске представительного органа муниципального образования. Полномочия представительного органа муниципального образования прекращаются со дня вступления в силу закона субъекта Российской Федерации о его роспуске [8].

В соответствии с Федеральным законом о местном самоуправлении в случае отрешения главы муниципального образования от должности высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации назначает временно исполняющего обязанности главы муниципального образования на период до вступления в должность вновь избранного главы муниципального образования, если иной порядок не установлен в уставе муниципального образования.

Список литературы

[1] Жарова А.К. *Информация. Правовое регулирование обращения информации в интернет.* Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 2006.

[2] Жарова А.К. *Электронные формы разрешения конфликтов в сфере судебной деятельности // Российское правосудие.* 2013. № 8 (88). С. 53-59.

[3] Жарова А.К. О правовом регулировании технологического обеспечения информационного взаимодействия субъектов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 3. С. 186-199.

[4] Жарова А.К. О подходе к классификации информационно-технологических услуг // Государство и право. 2014. № 3. С. 32-38.

[5] Замотаев А.О. Основные понятия и термины местного самоуправления. М., 1996.

[6] Судебная защита прав местного самоуправления в РФ: Сб. решений федеральных судов. М., 1997.

[7] Управление муниципальными предприятиями: «Круглый стол» // Городское управление. 1997. № 9.

[8] Чернявский А.Г. Региональная политика: Монография. Абакан, 2000.

[9] Чернявский А.Г. Теоретические и методологические аспекты экономической функции права и региональная власть в период становления и развития рыночных отношений в Российской Федерации: Монография. М., 2000.

Spisok literatury:

[1] Zharova A.K. Informaciya. Pravovoe regulirovanie obrashcheniya informacii v internet. Institut gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. Moskva, 2006.

[2] Zharova A.K. Elektronnyye formy razresheniya konfliktov v sfere sudebnoj deyatel'nosti // Rossijskoe pravosudie. 2013. № 8 (88). S. 53-59.

[3] Zharova A.K. O pravovom regulirovanii tekhnologicheskogo obespecheniya informacionnogo vzaimodejstviya sub"ektov // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2012. № 3. S. 186-199.

[4] Zharova A.K. O podhode k klassifikacii informacionno-tekhnologicheskix uslug // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 3. S. 32-38.

[5] Zamotaev A.O. Osnovny'e ponyatiya i terminy' mestnogo samoupravleniya. M., 1996.

[6] Sudebnaya zashhita prav mestnogo samoupravleniya v RF: Sb. reshenij federal'ny'x sudov. M., 1997.

[7] Upravlenie municipal'ny'mi predpriyatiyami: «Krugly'j stol» // Gorodskoe upravlenie. 1997. № 9.

[8] Chernyavskij A.G. Regional'naya politika: Monografiya. Abakan, 2000.

[9] Chernyavskij A.G. Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty' e'konomicheskoy funkcii prava i regional'naya vlast' v period stanovleniya i razvitiya ry'nochny'x otnoshenij v Rossijskoj Federacii: Monografiya. M., 2000.

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

DOI: 10.24412/2224-9125-2022-3-27-34
NIION: 2021-0079-3/22-023
MOSURED: 77/27-025-2022-03-023

МУХТАСАРОВА Татьяна Радиковна,
аспирант кафедры
государственно-правовых дисциплин
Российской академии адвокатуры и нотариата,
e-mail: alibi1@mosgorzdrav.ru

ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Демократическое государство является важнейшим элементом гражданского общества, основанного на свободе людей. Источником власти и легитимации всех органов демократического государства является суверенитет народа. Демократическим называется такое государство, устройство и деятельность которого соответствуют воле народа, общепризнанным правам и свободам человека и гражданина.

Ключевые слова: собственность, закон, право собственности, правовое государство, гражданское общество, права человека, конституция, государственная власть, представительная демократия.

MUKHTASAROVA Tatyana Radikovna,
graduate student of chair of state and legal disciplines
Russian academy of legal profession and notariate

THE INSTITUTE OF PROPERTY IN DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY AND THE CONSTITUTIONAL STATE

Annotation. The democratic state is the most important element of the civil society founded on freedom of people. A source of the power and legitimation of all bodies of the democratic state is the sovereignty of the people. Such state is called democratic, the device and which activity correspond to will of the people, the conventional rights and freedoms of the person and citizen.

Key words: property, law, property right, constitutional state, civil society, human rights, constitution, government, representative democracy.

Собственность, как правильно указывает С.С. Алексеев, по самой сути складывающихся отношений - это и право собственности. Собственность «без права на нее» и вообще без права как общецивилизационной категории теряет какой-либо смысл и основы своего существования. В связи с этим наряду с исходными составляющими (вещи, полное обладание ими, отношение к вещам как к своим) существует еще одно, не менее значимое начало собственности, - ее правовая составляющая [1]. Полное, абсолютное обладание вещами, иными предметами и тем более власть над ними, особенно власть, имеющая характер «умственной принадлежности», на определенной ступени развития общества (и, добавлю, развитости самих общественных отношений) иначе, чем через и посредством права и определяемые им правовые механизмы и институты, существовать и реализоваться не может в принципе, по определению [6].

Конечно, то, что именуется социальной силой, может выступать и непосредственно и в этом качестве даже получать наименование «права» («кулачное право», «право» захватчика по канонам сильного, «права» победителя в войне, «права оккупанта», «права власти», в том числе при тиранических и теократических режимах, «право» в криминальном мире). И тогда отношения собственности (абсолютное обладание вещами, иными предметами, власть над ними) может провозглашаться или фактически реализоваться просто как наличный факт, отвечающий понятиям «присвоение» и «присвоенности» в самом жестком и грубом его значении. Факт однозначный с фактом силы, или, что еще точнее, - насилия. Именно на подобных факторах во многом строились и строятся ныне отношения собственности тиранического (рабовладельческого) и феодального типов.

Но при развитых общественных отношениях, характерных для вступления человечества в состояние цивилизации и становления демократии, право собственности все больше утверждается в качестве института цивилизации, строящегося на строго юридических началах. Таких, как закрепление тех или иных прав, тем более «полных», «абсолютных», в официальных, признаваемых в обществе источниках (законах, иных нормативных правовых актах), установление процедур приобретения и прекращения права собственности, способов восстановления нарушенных прав, обеспечение их надежной защиты в судебном порядке и т.д. [11]

Такого рода подчинение собственности строго юридическим началам означает, по мнению С.С. Алексеева, «если так можно выразиться, «оцивилизацию» собственности и одновременно включение ее в качестве одного из мощных факторов экономического и социального развития общества. В то же время следует заметить, что установление теми или иными субъектами фактической собственности, не согласующееся с указанными правовыми началами, означает не что иное, как внеправовую ситуацию, выход тех или иных лиц, претендующих на статус собственника, за пределы права, ситуацию, которая в ряде случаев возникает и в нынешнее время» [1].

Общедемократическая сущность Конституции РФ 1993 г. предполагает, что она принимается при участии большинства избирателей и поддерживается этим большинством. При этом в демократическом государстве не забываются права меньшинства, которые должны им обеспечиваться. Таким образом, действующая Конституция РФ, по меткому замечанию Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина, по своей сущности является конституцией демократического правового государства, воплощением воли многонационального российского народа, выраженной путем всенародного голосования, направленной на учреждение основ жизни государства и общества, которые утверждают общедемократические принципы, исходят из признания высшей ценностью человека, его прав и свобод [9].

Несмотря на конституционное признание (закрепление и защиту) права собственности (ст. 35 и др.) большая часть российского общества рассматривает собственность как категорию социально-экономическую (особые, основополагающие общественные отношения), а не правовую. В самом деле, собственность невозможно представить без того, чтобы одни индивиды (либо их группы) относились к конкретным вещам, условиям и продуктам производства как к своим, а прочие - как к чужим. Из этого с очевидностью следует, что собственность - это отношение индивида к вещи. При этом, поскольку речь идет об

отношении в социуме разных людей к одной и той же конкретной вещи, имеются основания говорить о собственности как о социальных отношениях между индивидами по поводу вещей. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что собственность немислима не только без отношения собственника к вещи как к своей, но и без отношения всех остальных членов общества к данной вещи как к чужой и, более того, как к находящейся под суверенной властью данного лица. Таким образом, собственность - это общественное отношение.

Основная проблема, на взгляд автора, состоит в том, что российское государство в соответствии со сложившейся национально-исторической традицией берет на себя всю полноту регулирования социальных отношений в рассматриваемой области. В то время как его задача состоит в другом: создать условия для развития социально ориентированной рыночной экономики. В России сложилась парадоксальная ситуация: рыночная экономика отдельно, а социальное государство отдельно. На самом деле это должно быть единое целое, связанное гибкой системой налогообложения, о чем шла речь выше в характеристике социальной государственности. В значительной мере причина состоит в неудовлетворительном конституционно-правовом регулировании рассматриваемых отношений. Большинство граждан страны должны получать социальные блага не в результате реализации целевых программ, а из результатов собственного труда, на благо себя и общества в целом.

Понятие демократического государства неразрывно связано с понятиями конституционного и правового государства, в известном смысле можно говорить о синонимичности всех трех терминов. Демократическое государство не может не быть одновременно конституционным и правовым. Государство может соответствовать характеристике демократического только в условиях сформировавшегося гражданского общества. Недостаточно только провозгласить государство демократическим (это делается и в тоталитарных государствах), главное — обеспечить его устройство и деятельность соответствующими правовыми институтами, реальными гарантиями демократизма. Важнейшими признаками демократического государства являются: реальная представительная демократия; обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Представительная демократия - это осуществление народом власти через выборные учреждения, которые представляют граждан и наделены исключительным правом принимать законы. Другое не менее важное условие - независимость представительного учреждения в пределах своих полномочий, отсутствие конкурирующей законодатель-

ной власти, невмешательство исполнительной власти в прерогативы представительных учреждений. В демократическом государстве должны обеспечиваться политические права и свободы, участие народа в осуществлении законодательной власти (непосредственно и через представителей), а также обеспечиваться возможности в рамках закона отстаивать и пропагандировать индивидуальные и групповые взгляды и убеждения, что находит свое отражение в формировании и функционировании политических партий, общественных объединений, политическом плюрализме и т.д.

Основными целями приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения являются: укрепление здоровья населения России, снижение уровня заболеваемости, инвалидности, смертности; повышение доступности и качества медицинской помощи; укрепление первичного звена здравоохранения, создание условий для оказания эффективной медицинской помощи на догоспитальном этапе; развитие профилактической направленности здравоохранения; удовлетворение потребности населения в высокотехнологичной медицинской помощи.

Задачами, решаемыми в 2006-2007 гг., стали: повышение уровня квалификации врачей участковой службы (увеличение количества врачей, прошедших подготовку, на 24 805 человек); снижение коэффициента совместительства в учреждениях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь до 1,1; сокращение сроков ожидания диагностических исследований в поликлиниках до одной недели; обновление парка санитарного автотранспорта службы скорой медицинской помощи на 12 782 машины; снижение числа заразившихся ВИЧ – инфекцией не менее чем на 1 000 человек в год; снижение заболеваемости – гепатитом В и С не менее чем в 3 раза, краснухой не менее чем в 10 раз, в том числе ликвидация врожденной краснухи, а также гриппом в период эпидемии и снижение выраженности его проявления у заболевших; обследование не менее 95% новорожденных детей с целью выявления наследственных заболеваний; снижение материнской смертности до 24 случаев на 100 тысяч родившихся живыми, младенческой смертности до 10,1 случаев на 1000 родившихся живыми и др. Ориентация отечественного здравоохранения на развитие стационарной медицинской помощи привела к недофинансированию первичной медико-санитарной помощи, в том числе к недостаточной обеспеченности участковыми врачами, низкой оснащенности поликлиник диагностическим оборудованием, не позволяющей оказывать качественную медицинскую помощь. Следствие этого – рост хронических и запущенных заболеваний, что, в свою очередь,

приводит к высокому уровню госпитализации и вызовов скорой медицинской помощи [7].

Значительное число граждан не могут получить необходимую высокотехнологичную медицинскую помощь из-за отсутствия эффективного механизма ее финансирования, а также из-за ограниченности бюджетных средств. Цель приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения – сделать высокотехнологичную медицинскую помощь доступной как можно большему числу граждан, нуждающихся в ней [11].

По данным социологических опросов, к началу реализации приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» жилищная проблема стояла перед 61% российских семей. Общая потребность населения России в жилье составляла 1570 млн кв. м, и, чтобы удовлетворить ее, жилищный фонд надо было увеличивать на 46,1%. Благодаря проведенным в 1991-2005 гг. реформам в жилищной сфере мы окончательно ушли от планово-административных методов строительства, и сейчас старые методы и подходы не работают. В предыдущие годы в стране была разработана основная правовая база, принят пакет законов, направленных на формирование жилищного рынка. Уже к 2004 г. доля помещений, находящихся в частной собственности, увеличилась с 33 до 73,5%. На сегодняшний день более 90% строительных организаций являются частными компаниями; успешно развивается ипотечное жилищное кредитование и появляются новые инструменты для улучшения жилищных условий [6].

Сами собой эти проблемы не решатся. Для обеспечения достойной жизни граждан от государства необходимы колоссальные усилия и средства. Приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» призван создать условия для решения всех этих проблем. Однако это не значит, что государство будет самостоятельно строить новые дома, помогать строительным компаниям, вкладывать деньги в развитие их бизнеса и регулировать ценовую политику. Формируя рынок, государство действует по рыночным принципам, и его основной задачей является создание условий для развития жилищного строительства в стране и сбалансированное стимулирование спроса и предложения на жилищном рынке.

Именно через право, утверждаемую им экономическую и творческую свободу, «умственную принадлежность вещей» (Б.Н. Чичерин) и отсюда через соответствующий его инструментарий, механизмы и юридические конструкции в полной мере раскрывается и реализуется потенциал собственности, ее социальные функции, возможности для активной, производительной деятельности, творчества человека, сообщества людей.

Исходное значение для права собственности на первых этапах существования человечества принадлежало обычаям и традициям (которые, в свою очередь, по данным этнологии, коренятся в известных предпосылках прошлого — в нравах и формах поведения высокоразвитых организованных особей, их сообществ и независимо от появления разумных существ). Особенно это относится к обычаям, сохраняющим свое значение и в последующие времена, когда в регулировании общественных отношений стало приобретать все большее значение право в строго юридическом значении [12]. Речь идет о праве как особом нормативном институциональном образовании, обеспечиваемым государством, которое отличается предельной определенностью по содержанию и гарантированностью со стороны всего общества, государства, в том числе правосудия, системой правоохранительных органов [8].

Среди таких факторов, отличающих рыночный тип экономики от командно-административного, является многообразие форм собственности. Примечательно, что Конституция РФ 1993 г. провозгласила не только признание существования различных форм собственности, но и гарантировала их равную защиту. Вместе с тем, очевидно, что различные формы собственности не могут быть равны между собой. В частности, существуют отдельные виды имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. Различны также способы приобретения и прекращения права собственности для различных субъектов. Исходя из этого, Конституция РФ говорит не о равенстве, а о «признании и защите равным образом» всех форм собственности [10].

Признание государством существования множества форм собственности означает, что все они имеют равные основания для существования в данной экономической системе. Таким образом, придание одной из форм собственности приоритета по отношению к иным будет противоречить ст. 8 Конституции РФ. Принцип равной защиты всех форм собственности проявляется в том, что для всех форм собственности установлен одинаковый правовой режим, а все особенности приобретения и прекращения права собственности на имущество, владения, пользования и распоряжения им в зависимости от того, находится имущество в собственности гражданина или юридического лица, в собственности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, могут устанавливаться лишь законом. Основной, доминирующей формой собственности в рыночной экономике является частная (что подчеркивается тем, что в Конституции РФ она указана первой в перечне форм собственности). Частная

собственность – собственность граждан и юридических лиц. В частной собственности может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может принадлежать этим субъектам. Частная собственность – основа экономической системы. В зависимости от модификации рыночной экономической системы конкретного государства частная собственность занимает до 90-95% в общей структуре собственности [7, 11].

Как можно понять из названия субъектом государственной собственности (собственником) выступает государство. При этом под государством в комментируемой норме понимается не только сама Россия, но и субъекты РФ. Таким образом, государственной собственностью в Российской Федерации является имущество, принадлежащее на праве собственности Российской Федерации (федеральная собственность), и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектам РФ – республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономной области, автономным округам (собственность субъекта РФ).

Последняя прямо названная в Конституции РФ форма собственности – муниципальная собственность – означает имущество, принадлежащее на праве собственности муниципальным образованиям. От имени органов государственной власти Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований правомочия собственника осуществляют, соответственно, органы государственной власти и местного самоуправления.

Государственная и муниципальная собственность могут быть объединены понятием «публичная собственность», используемом в законодательстве ряда зарубежных государств, однако, ни Конституция РФ, ни текущее законодательство такого термина не содержат. Если частная собственность – это принадлежность имущества конкретным физическим или юридическим лицам, то публичная собственность предполагает принадлежность имущества всем гражданам, составляющим государство или всем постоянным жителям поселения, составляющего муниципальное образование.

Примечательно, что Конституция России оставляет перечень форм права собственности открытым. Таким образом, допускается возможность существования иных форм, например, смешанной собственности публичного образования и юридического лица. В частности, среди «иных» форм собственности заслуживает упоминания акционерная собственность, собственность общественных объединений, церковная и казачья собственность. Установление открытого

перечня форм собственности представляется обоснованным, учитывая, что экономическая система России находится в стадии становления, поэтому законодательство России должно содержать резервы для развития и не ограничивать экономику там, где это не оправданно с точки зрения ее развития и роста. Смысл конституционного регулирования в условиях становления рыночной экономики, очевидно, должен сводиться к закреплению плюрализма форм собственности, их равноправия и эффективных законодательных гарантий прав собственника.

Можно утверждать, что не будь имманентного свойства желаний обладать собственностью, не было бы и самого общества (социума) в том понимании и состояниях, которые знала мировая история; не будь современных сложившихся отношений собственности в России, не было бы российского общества в том его понимании и значении, которыми оно наделено сегодня.

В экономических правах выражается ипостась социального правового государства, которое не должно поровну раздавать всем гражданам материальные блага, но обязано дать им возможность обеспечивать себе достойную жизнь. Защищенность экономических прав объективно не может быть такой же, как, например, политических прав, так как в условиях рыночных отношений механизм распределения благ зависит не только от государства. Это означает, что прямое действие экономических прав является весьма относительным, поскольку ни один суд не примет иск о реализации этих прав, если отсутствует конкретный ответчик. В этом смысле экономические права являются не столько юридическими нормами, сколько стандартом, к которому должно стремиться государство в своей политике [3]. Не случайно, поэтому, Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. обязывает государства «принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенное полное осуществление признаваемых в Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер».

Любая классификация прав и свобод человека и гражданина в известной мере условна, поскольку те или иные права и свободы не всегда безоговорочно могут быть отнесены только к какой-либо одной группе прав. В частности, право собственности является как личным правом, обеспечивающим самостоятельность личности, так и правом социальным, экономическим, связанным с удовлетворением материальных потребностей человека. Рассматривая экономические права в качестве предмета законодательных ограничений, целесообразно абстрагиро-

ваться от традиционного разделения права на объективное и субъективное, хотя бы потому, что зафиксированные в Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими (ст. 18). Но главное в предлагаемом подходе, как правильно указывает Н.М. Коршунов, состоит в том, что он позволяет рассматривать экономические права как «право человека», «право людей». «Суть этой категории, - как отмечает С.С. Алексеев, состоит в том, что она характеризует данное явление под углом зрения его органичной юридической природы и правовых черт, тех юридических механизмов и правовых средств, которые способны перевести установленное законом правовое положение людей, их юридические возможности в плоскость социальной реальности» [2]. Практически предлагаемый подход означает, что, например, содержание экономических прав не сводится к традиционной триаде возможностей субъективного права (право на собственные действия, право требования, право на защиту), а включает в себя и целый ряд основных видов экономических прав [7].

Экономические права граждан есть все основания отнести к так называемым естественным правам человека, что вытекает как из содержания международно-правовых актов, так и внутригосударственного законодательства. Так, в ст. 17 Всеобщей Декларации прав человека говорится: «Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими». Кроме того, в ст. 22 этого документа за каждым человеком, как членом общества, признается право свободного развития во всех, в том числе экономической областях его жизнедеятельности. Из этих положений вытекает очевидный вывод, состоящий в том, что международное сообщество рассматривает экономические права в качестве естественных прав человека. Этот вывод подтверждает и Конституция РФ 1993 г., которая закрепляет право частной собственности и право свободного использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности в качестве прав, принадлежащих каждому человеку (ст. 34 и 35).

По времени возникновения экономические права традиционно относят к так называемым правам второго поколения. Они формировались в процессе борьбы народов за улучшение своего экономического положения. В этой связи, нередко, экономические права рассматривают как позитивные права, аргументируя данный вывод тем, что для их реализации «...требуется организационная, координирующая и иные формы деятельности государства по их обеспечению». Такой подход на первый взгляд противо-

речит сделанному выше выводу о естественно-правовом характере экономических прав. Однако противоречие это носит не существенный, а формальный характер. В отличие, например, от политических прав, экономические права человека имеют не государственно-правовое, а естественное, социальное происхождение, так как люди всегда объективно были вынуждены вступать между собой в отношения по поводу создания, перемещения, обмена и потребления материальных благ. В этой же связи появляются новые, неизвестные догосударственному обществу виды экономической деятельности, например, банковская, антимонопольная, налоговая, существенно трансформирующие естественно-правовой характер экономических прав людей и объективно требующие их соответствующего государственно-правового обеспечения [5].

Попытка выделить некий полный исчерпывающий перечень экономических прав граждан современной России была бы мало перспективной, да и вряд ли целесообразной. Основные, комплексные виды экономических прав граждан закреплены в Конституции России. К ним относятся право на не запрещенную законом экономическую деятельность (ст. 34) и право собственности (ст. 35, 36).

Право на экономическую деятельность в сочетании с правом частной собственности составляют ядро правовой основы рыночной экономики, формирующейся сегодня в России. В качестве основных, комплексных прав, эти конституционные права составляют стержень экономико-правового статуса личности, в котором коренятся возможности возникновения других многочисленных прав, необходимых для обеспечения нормальной жизнедеятельности граждан. Это подтверждается анализом отраслевого законодательства, закрепляющего целый ряд различных экономических прав, вытекающих из основных закрепленных в Конституции России [11].

Рассматриваемые основные (комплексные) экономические права обуславливают значительное количество экономических прав по совершению различных видов сделок, связанных с владением, пользованием и распоряжением имуществом, осуществлением экономической деятельности (гл. 9 ч. 1, ч. 2 ГК РФ). Весь комплекс экономических прав, вытекающих из права собственности и права на осуществление не запрещенной законом экономической деятельности, с точки зрения их нормативного регламентирования проходит несколько стадий формирования и развития. Выделение и содержательная характеристика этих стадий имеет существенное значение для последующего предметного исследования основных видов ограничений экономических прав граждан. Такими стадиями являются: воз-

никновение экономических прав, содержание экономических прав, реализация экономических прав. Именно через нормативное регулирование этих стадий формирования и развития экономических прав законодатель осуществляет их регламентацию, в том числе, путем ограничения [6].

Возникновение экономических прав законодатель связывает с определенными основаниями, то есть конкретными жизненными обстоятельствами, вызывающими в соответствии с нормами действующего законодательства возникновение субъективных прав и обязанностей у субъектов экономических отношений. Такими жизненными обстоятельствами (юридическими фактами) могут быть: юридические действия (правомерные и неправомерные юридические поступки, юридические акты); юридические состояния (гражданство, дееспособность); юридические события и др. Например, для возникновения экономических прав в целом ряде случаев закон требует наличия российского гражданства, полной гражданской дееспособности, получения специального разрешения, обладания определенными профессиональными навыками и т.д. [7]

Рассматривая содержание экономических прав граждан в качестве предмета законодательного ограничения, следует иметь в виду два аспекта. В широком смысле содержание экономических прав граждан состоит из ряда основных (право собственности, право на Предпринимательскую деятельность) и вытекающих из них комплекса конкретных прав (право собственности на жилые помещения, средства производства, право на производство алкогольной продукции, право на добычу полезных ископаемых и т.д.) [4]. В узком смысле содержание экономических, как и большинства других прав граждан, включает в себя: право на собственные действия; право требовать от других не препятствовать осуществлению права; право обращаться в судебные и другие органы государства за защитой нарушенного права. Например, собственник вправе владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, требовать от других не препятствовать ему в этом, в случае возникновения препятствий обращаться в суд для защиты права собственности. И, наконец, третьим элементом, составляющим предмет ограничения экономических прав, выступает реализация этих прав. Реализация экономических прав — это воплощение их содержания в фактическом поведении субъектов. Рассмотрение данного элемента в качестве предмета ограничения экономических прав представляется также необходимым, поскольку пониманием права должно охватываться «...и право в действии — соединение нормативов с реальной человеческой деятельностью» [6].

На основе Гражданского кодекса РФ принимается большое количество законодательных актов, которые закрепляют права и свободы граждан в конкретных сферах экономических отношений. К такого рода актам относятся, например, федеральные законы «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», «О государственной регистрации юридических лиц», «О кредитных потребительских кооперативах граждан», «О лицензировании отдельных видов деятельности» и многие другие. Кроме того, различные аспекты реализации экономических прав граждан регулируются большим количеством положений и инструкций, утверждаемым постановлениями Правительства РФ, приказами министерств и ведомств в рамках их компетенции. Семейный кодекс РФ регулирует имущественные отноше-

ния между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а также между другими родственниками и иными лицами (ст. 2). Кодекс РФ об административных правонарушениях (гл. 7, 14 и 15) и Уголовный кодекс РФ (разд. 8) предусматривают юридическую ответственность за правонарушения, совершенные в различных сферах экономических отношений. Кроме того, наряду с перечисленными кодифицированными законодательными актами, поведение граждан в экономической сфере регулируется большим количеством специальных законодательных и иных нормативно-правовых актов.

Межотраслевой характер экономических прав граждан обуславливает необходимость при анализе существующих в России ограничений этих прав обращаться к большому массиву отраслевых и специальных законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов.

Список литературы:

- [1] Алексеев С.С. *Право собственности. Проблемы теории*. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – С. 16.
- [2] Алексеев С.С. *Право: азбука – теория - философия: Опыт комплексного исследования*. - М., 1999. - С. 633-634.
- [3] Баглай М.В. *Конституционное право Российской Федерации*. - М., 1998. - С. 215-217.
- [4] Грудцына Л.Ю. *Институты гражданского общества в системе частноправовых и публично-правовых отношений // Образование и право*. 2014. № 3(55)-4(56).
- [5] Грудцына Л.Ю. *Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Образование и право*. 2014. № 1(53)-2(54).
- [6] Елин В.М., Жарова А.К. *О выделении информационных объектов в самостоятельную категорию объекта преступления // Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2009. № 5. С. 205-229.
- [7] Жарова А.К. *Проблемы анонимности субъектов в сети Интернет // Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2009. № 5. С. 135-159.
- [8] Иванова С.А. *Принцип справедливости в обязательственном праве // Образование и право*. 2013. № 3(43)-4(44).
- [9] Козлова Е.И., Кутафин О.Е. *Конституционное право России: Учебник* – М., 2004. - С. 52.
- [10] Коровяковский Д.Г. *Российский и зарубежный опыт в области защиты персональных данных // Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2009. № 5. С. 48-54.
- [11] Таратухина Ю.В., Жарова А.К. *Правовые аспекты использования учебной и научной информации, организованной по принципу открытого контента // Открытое и дистанционное образование*. 2013. № 3 (51). С. 66-75.
- [12] Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 2. – М., 1998. - С. 61.

Spisok literatury:

- [1] Alekseev S.S. *Pravo sobstvennosti. Problemy teorii*. 2-e izd., pererab. i dop. – М.: Norma, 2007. – С. 16.
- [2] Alekseev S.S. *Pravo: azbuka – teoriya - filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya*. - М., 1999. - С. 633-634.
- [3] Baglaj M.V. *Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii*. - М., 1998. - С. 215-217.

[4] Grudtsina L.Yu. *Instituty grazhdanskogo obshchestva v sisteme chastnopravovyh i publichno-pravovyh otnoshenij* // *Obrazovanie i pravo*. 2014. № 3(55)-4(56).

[5] Grudtsina L.Yu. *Soderzhanie i klassifikaciya institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii* // *Obrazovanie i pravo*. 2014. № 1(53)-2(54).

[6] Elin V.M., Zharova A.K. *O vydelenii informacionnyh ob»ektov v samostoyatel'nyu kategoriyu ob»ekta prestupleniya* // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*. 2009. № 5. S. 205-229.

[7] Zharova A.K. *Problemy anonimnosti sub»ektov v seti Internet* // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*. 2009. № 5. S. 135-159.

[8] Ivanova S.A. *Princip spravedlivosti v obyazatel'stvennom prave* // *Obrazovanie i pravo*. 2013. № 3(43)-4(44).

[9] Kozlova E.I., Kutafin O.E. *Konstitucionnoe pravo Rossii: Uchebnik* – M., 2004. – S. 52.

[10] Korovyakovskij D.G. *Rossijskij i zarubezhnyj opyt v oblasti zashchity personal'nyh dannyh* // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2009. № 5. S. 48-54.

[11] Taratuhina Yu.V., Zharova A.K. *Pravovye aspekty ispol'zovaniya uchebnoj i nauchnoj informacii, organizovanoj po principu otkrytogo kontenta* // *Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie*. 2013. № 3 (51). S. 66-75.

[12] Shpengler O. *Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. T. 2.* – M., 1998. – S. 61.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.24412/2224-9125-2022-3-35-48
NIION: 2021-0079-3/22-023
MOSURED: 77/27-025-2022-03-023

ШОКОТЬКО Майя Алексеевна,
старший преподаватель кафедры
«Гражданское право» ФГОБУ ВПО
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
адвокат,
e-mail: yurist.odilak@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТАКТИКИ И МЕТОДИКИ ВЫСТУПЛЕНИЯ АДВОКАТА В СУДЕ

Аннотация. Участие адвоката в судебном разбирательстве является важной формой, действенным способом обеспечения обвиняемому права на защиту согласно Конституции РФ и уголовно-процессуальному законодательству. В уголовном процессе роль защитника-адвоката в разбирательстве дела судом очень важна и значительна. Деятельность защитника в этом смысле представляет собой одну из важных гарантий прав и законных интересов лица, привлеченного к уголовной ответственности.

Ключевые слова: адвокат, судебное разбирательство, уголовный процесс, гражданский процесс, уголовная ответственность, защитник, истина, преступление, присяжные заседатели, закон.

SHOKOTKO Maya Alekseevna,
senior teacher of Civil law chair FGOBU VPO
«Financial University under the Government
of the Russian Federation»,
lawyer

SOME QUESTIONS OF TACTICS AND TECHNIQUE OF PERFORMANCE THE LAWYER IN COURT

Annotation. Participation of the lawyer in judicial proceedings is an important form, an effective way of providing to the accused the rights for protection according to the Constitution of the Russian Federation and criminal procedure legislation. In criminal trial the role of the defender lawyer in trial of business by court is very important and considerable. Activity of the defender in this sense represents one of important guarantees of the rights and legitimate interests of the person brought to trial.

Key words: lawyer, judicial proceedings, criminal trial, civil process, criminal liability, defender, truth, crime, jurors, law.

В практике защиты по уголовным делам в судах накопилось много весьма интересного и поучительного. Возник определенный стиль судебных прений, глубоко отличный от тех образцов судебного красноречия, которые дала судебная практика прошлого. Это становится особенно ясным, когда сопоставляются опубликованные еще в дореволюционное время судебные речи с речами современных адвокатов. Свообразие стиля речей судебных ораторов отнюдь не означает, что сегодняшние юристы, в частности защитники, не восприняли лучших традиций прошлого. Ведь многое в судебных речах Кони,

Спасовича, Урусова, Плевако, Андреевского и других лучших судебных ораторов прошлого века ценно для нас и сейчас. Но вместе с тем, должны учитываться те принципы уголовного процесса, требования судопроизводства, которые действуют сегодня и несколько отличаются от принципов того времени. Таким образом, трудно переоценить общественное и воспитательное значение защитительной речи, она служит высоким и благородным целям. Ничто столь глубоко не чуждо нашему правосудию, как осуждение невиновного или назначение наказания, явно не соответствующего по своей тяжести общественной

опасности содеянного или личности совершившего преступление.

Выступление в суде – один из наиболее сложных и ответственных моментов участия прокурора, защитника и других лиц в уголовном судопроизводстве. Пожалуй, никакой другой вид процессуальной деятельности не предъявляет к ним столько многообразных и разносторонних требований, не нуждается в столь тщательной и углубленной подготовке, как произнесение судебной речи. Успешное выступление в суде невозможно без достаточного знания законов логики, психологии, педагогики, права и законодательства. Они дают ключ к раскрытию социальной сути исследуемых событий, к выявлению внутренних причин и побудительных мотивов поступков, к определению наиболее целесообразных средств и методов воспитательного и предупредительного характера. Умение выступать публично не приходит само собой. Ему нужно учиться настойчиво и упорно, постигая и совершенствуя приемы ораторского искусства. Еще Демокрит утверждал: “Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться”. Таким образом, значение защитительной речи в условиях современности очень велико. Значение ее, прежде всего, в том, что она выступает гарантией прав и свобод личности; более того, защитительная речь адвоката является одним из средств достижения объективной истины по конкретному уголовному делу. Ведь именно состязательный характер в уголовном процессе, а точнее в судопроизводстве дает положительные плоды – вынесение законного и обоснованного приговора. Поэтому нельзя ни в коем случае умалять значение этого института, произнесения защитительной речи в судебном заседании, как это делают отдельные авторы. И это касается не только литературы, на практике дело обстоит еще хуже и плачевнее.

Характеристика судебных прений как одной из частей судебного разбирательства. Из всех, как их тогда называли, “великих реформ”, на которые вынуждено было пойти Царское правительство России в 1860-х гг., едва ли не самой значительной была судебная реформа. Реализация основных положений этой реформы, заложенных в Судебных уставах 1864 г., - отделение суда от администрации, равенство всех перед судом, создание всесословного суда, учреждение института судебных присяжных, выборность мировых судей и присяжных заседателей, несменяемость судей и следователей – наталкивалась на многочисленные трудности.

Все было ново, все приходилось создавать заново. Гласность судебного процесса, устность, состязательность сторон предъявляли новые требования к юристам, ставились новые задачи.

И, прежде всего, необходимы были люди, способные осуществлять те принципы, о которых еще несколько лет тому назад нельзя было и заикнуться и которые теперь широко обсуждаются в обществе. Правосудие с тех пор остро нуждалось в новом типе прокурора и адвоката.

Сейчас сфера приложения ораторского искусства непрерывно расширяется, число людей, для которых овладение ораторским искусством есть необходимое условие успешной их общественной деятельности, в огромной степени выросло, но внимание к слову никак не поспевает за ростом его значения.

Если это, к сожалению, верно в отношении ораторского искусства в целом, то это особенно заметно, когда дело идет о судебной речи, в особенности защитительной.

В современной печати едва ли за это десятилетие отмечалось произнесение адвокатом яркой, сильной и убедительной речи как чего-то такого, что заслуживало бы общественного признания.

Итак, после того как завершается судебное следствие, суд переходит к выслушиванию судебных прений, которые состоят из речей обвинителей, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, защитников и подсудимого. Это вытекает из ст. 304 УПК РСФСР. Не закончив исследования доказательств, суд не вправе открыть прения сторон.

Как известно, в процессе судебного следствия судьи принимают участие в исследовании многих доказательств, подтверждающих или отрицающих наличие определенных фактов, обстоятельств. Для судебного познания недостаточно только установить определенный объект явления. Чтобы у суда сложилась истинная картина совершенного преступления, необходимо между этими явлениями выявить связь, закономерности. В завершении формирования личного убеждения судей значительную роль играют речи прокурора и защитника. Своими речами они оказывают психологическое воздействие на суд, Чтобы добиться вынесения желательного для них приговора.

Выслушивая речи прокурора и адвоката, судьи имеют возможность восполнить те пробелы в своих знаниях, которые имелись в начале судебного следствия. Поэтому воздействие прокурора и защитника на процесс формирования личного убеждения судей во время судебных прений является более активным, чем в процессе судебного следствия. Недаром в своей работе Бохан В.Ф. отметил: “Внимательно выслушивая произносимые речи, судьи мысленно всегда за ораторами критически прослеживают пройденный в процессе следствия путь искания истины. Осмысливая факты, их объяснения, выводы про-

курора и защитника, они невольно сравнивают их с собственными выводами, в отношении истинности которых у них сложилась соответствующая степень уверенности. Совпадение выводов выступающего с личными выводами судей приводит к формированию у последних еще большей уверенности в их правильности. Расхождение же в выводах заставляет судей критически оценить ту совокупность доказательств, которая приводится в их подтверждение. При этом судьи сосредоточивают внимание и на тех значениях, которые привели их к формированию собственного убеждения. Это приводит к тому, что возникают противоречия между выводами, содержащимися в речах прокурора и защитника, с одной стороны, и сложившимися в сознании судей, с другой стороны, побуждают последних к проверке обоснованности одних и других. Такая мыслительная деятельность судей на этом этапе судебного разбирательства позволяет им пройти еще раз процесс убеждения в истинности или ложности сформировавшихся выводов”.

Таким образом, судебные прения являются самостоятельной частью судебного разбирательства, в которой участвующие в деле стороны в своих выступлениях подводят итог судебному следствию. Они анализируют и оценивают доказательства, дают юридическую оценку деяния, инкриминируемого подсудимому, излагают суду свои соображения по существу предъявленного обвинения, по поводу меры наказания, гражданского иска и других вопросов, подлежащих решению суда.

Судебные прения имеют важное значение для суда, накладывая определенный отпечаток на мнение судей, участников процесса и аудиторию, они активно способствуют установлению истины по делу. Они являются если не самой важной, то самой видной частью судебного разбирательства. Лицу постороннему нередко покажется более важной та часть судебного заседания, где в стройной речи облеченной в красивую форму, рисуется вся картина дела, по сравнению с судебным следствием, где путем, главным образом, допросов раскрываются и устанавливаются обстоятельства дела. Такое противопоставление одной части другой, попытки возвеличить значение одной по сравнению с другой являются неправильными. Для вынесения правильного приговора имеют значение все части судебного разбирательства. Совокупная и слаженная деятельность на всем протяжении судебного заседания обеспечивает вынесение правильного приговора. Судебные прения подводят итог судебному следствию и содержат в себе обоснование тех выводов, к которым, по убеждению сторон, должен прийти суд в совещательной комнате при решении дела.

Следовательно, прения сторон – это одна из необходимых и важных частей судебного разбирательства. “ Лишение прокурора и адвоката права на судебные прения... - указывает Верховный Суд РСФСР, - является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку лишает суд возможности всесторонне разобрать дело и может повлиять на вынесение законного и обоснованного приговора”.

Конечно, стороны уже в ходе судебного следствия в известной мере выявляют свое отношение к тому или иному доказательству. Но участники судебных прений не только излагают свои выводы по делу, но и стремятся убедить суд в правильности этих выводов. Как и суд, защитник исходит из указания закона, что обвинительный приговор должен быть постановлен не на предположениях, а на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия вытеснены и оценены. Все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу обвиняемого. Это и позволяет защитнику настаивать на оправдании, когда виновность подсудимого не доказана, сомнительна.

Судебные прения, как и все стадии уголовного процесса, как и все части судебного разбирательства имеют свои цели и задачи. Многие авторы-юристы задаются вопросом, достигают ли судебные прения сторон тех задач, которые поставлены перед ними, помогают ли они суду подвести итог материалам судебного следствия? Одни считают, что судебные речи имеют большое значение, что это необходимый и полезный этап, завершающий судебное разбирательство. Другие дают отрицательную оценку прениям сторон, указывая, что судебные речи, лишённые объективности, находящиеся в плену односторонних выводов, которые каждая их сторон отстаивает, не только не приносят пользы, а причиняют вред, затемняя те материалы дела, разъяснение которых должно являться задачей лиц, участвующих в судебных прениях.

В той критике, которой может подвергаться институт судебных прений, следует различать две стороны. Может подвергаться критике сам процессуальный институт, может быть указана неправильность его организации, вследствие чего он не разрешает поставленных перед ним задач и не достигает стоящих перед ним целей. С другой стороны, может подвергаться критике та форма, в которую на практике выливаются судебные прения, то содержание, которое участники прений вкладывают в свои речи. Критика судебных прений, главным образом, относится к критике второго рода: критикуется не процессуаль-

ная организация института, а та неправильная форма, в которую он иногда выливается.

Еще до появления уголовно-процессуальных законов прения сторон строились как заключительная часть судебного заседания, завершающая судебное следствие и предшествующая последнему слову подсудимого и приговору. Еще в инструкции Народного Комиссара Юстиции СССР от 23 июля 1918 г. указывалось, что, когда суд находит, что дело судебным следствием достаточно выяснено, он предоставляет последнее слово сторонам с тем, чтобы последним говорил ответчик или обвиняемый. Таким образом, невозможно согласиться с теми процессуалистами, которые умаляют значение судебных прений. На самом же деле судебные прения играют большую роль и имеют важнейшее и воспитательное значение.

Задачей судебных прений является, как уже было отмечено, подведение итогов судебного следствия и, в связи с этим, судебная речь как бы намечает содержание будущего приговора, как его себе представляют стороны. Их задачей соответственно является внесение ясности в те запутанные вопросы, какие имеются в деле. Стороны в судебных прениях излагают все те доводы и соображения, которые должны быть взвешены и обсуждены при вынесении приговора. Задача судебных прений заключается не только в том, чтобы в них прокурор и адвокат изложили свою точку зрения, свои выводы по делу. Этого мало. Прокурор и адвокат не должны ограничиваться этим, они должны стремиться к тому, чтобы в речах показать правильность своих выводов, доказать их обоснованность, убедить суд, склонить его к принятию своей точки зрения.

Судебные прения имеют целью помочь суду и всем присутствующим на судебном заседании лучше разобраться в фактических и юридических обстоятельствах дела, уяснить их смысл и значение, сделать необходимые выводы. Непосредственное участие в судебных прениях прокурора, защитника и других лиц, освещение ими всех исследуемых по делу фактов с позиций обвинения и защиты способствует установлению объективной истины по делу, служит одной из гарантий предупреждения судебных ошибок. Вот почему суд заинтересован в том, чтобы выслушать мнения участников уголовного процесса, обсудить их. Последние в свою очередь заинтересованы в том, чтобы высказать суду свои соображения, убедить его.

В результате судебных прений, когда весь доказательственный материал, собранный по делу, подвергается юридическому анализу, когда все спорные вопросы дела становятся предметом живой дискуссии, когда каждый из участников процесса обосновывает свои требования и

предложения и возражает против требований и предложений другой, противной стороны, суду легче прийти к правильным выводам, постановить законный, обоснованный и справедливый приговор. Безусловно, внутреннее убеждение судей начинает складываться еще до начала судебных прений, во время судебного следствия. Но эти суждения и выводы не являются еще полными и окончательными. После завершения судебного следствия у судей всегда имеется потребность систематизировать полученные данные, осмыслить их, разобраться в том, что оказалось бесспорно установленным, что опровергнуто, какие обнаружены пробелы и упущения.

Судебные прения всегда носят характер открытой дискуссии, борьбы мнений. Здесь непосредственно сталкиваются различные точки зрения, различные оценки, одним доводам противостоят другие. В этих условиях суду легче установить истинность или ложность тех или иных фактов, определить их ценность и доказательственное значение, отбросить все ненужное, недостоверное. Выступая в судебных прениях, прокурор, защитник и другие участники уголовного процесса используют те же факты, оперируют теми же данными, которые были предметом судебного следствия. Но каждый из них привносит в дело что-то свое, связывает добытые материалы в определенную логическую систему, по-своему осмысливает их, предлагает суду свои соображения. Не зря прения сторон являются формой полемики в суде. «Полемика» – древнегреческое слово; оно означает фактическую конфронтацию речами, диалог, воинственный и непримиримый по характеру. Таким образом, полемика представляет собой спор – словесное состязание, в котором каждый из его участников отстаивает свое мнение. Хорошим может считаться только тот оратор, который овладел приемами полемики и умеет искусно их применять в публичном споре.

Итак, в судебных прениях произносятся только речи. Судебная речь – это единственный способ выражения мнения стороны по тем или иным обстоятельствам дела. Никаких иных процессуальных действий стороны в судебных прениях не совершают. Если в судебном следствии активно участвуют не только стороны, но и суд, в судебных же прениях активно участвуют только стороны. Суд лишь выслушивает речи сторон. Иными словами, судебные речи обращены прежде всего суду. Но, говоря для суда, обосновывая свою позицию, помогая суду глубже познать истину и вынести правосудный приговор, участники судебного процесса не могут забывать о судебной аудитории, не учитывать ее.

В самом начале этого параграфа было упомянуто о том, что в результате судебных реформ 1864 года одним из важнейших принципов уго-

ловного процесса и судопроизводства стал принцип состязательности.

Состязательность судебного разбирательства является важным условием установления объективной истины. Она способствует полному, всестороннему и объективному исследованию доказательств в суде, успешному раскрытию преступлений, изобличению виновных в его совершении и постановлению судом законного и обоснованного приговора. Состязательный характер судебных прений дает возможность с различных позиций, под разным углом зрения осветить спорные вопросы дела, но он таит в себе известные опасности. Существует опасность, что в пылу состязания стороны вольно или невольно перешагнут разумные границы, что спор из метода установления истины превратится в самоцель, где антагонизм, желание одолеть противника окажется на первом плане и под этим углом зрения будут использованы материалы судебного следствия. Итак, судебные прения – не состязание в красноречии прокурора и защитника, не риторический диспут. Они направлены на обеспечение полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, установление по нему истины, вынесение законного и обоснованного приговора.

Но значение судебных прений этим не исчерпывается. Ведя борьбу с преступлениями, применяя меры уголовного наказания, суд не только карает виновных, но и имеет целью их исправление и перевоспитание.

Судебные прения, являясь составной частью судебного разбирательства, содействует суду в осуществлении его воспитательной функции, служат важным средством идеологического воздействия. Но воспитательное значение судебного процесса не ограничивается лишь воздействием на подсудимого и граждан, присутствующих в зале судебного заседания. Оно значительно шире. Любое уголовное дело порождено жизнью, является ее частицей. Оно не может оставлять безразличным, равнодушным значительный круг людей. Поэтому сам ход судебного разбирательства и его результаты привлекают к себе пристальное внимание, становятся известными многим лицам, получают широкий общественный отклик.

Роль и значение защитительной речи в судебных прениях. Согласно Конституции РФ и уголовно-процессуальному законодательству каждый обвиняемый имеет право на защиту, поэтому участие защитника-адвоката является очень важной и неотъемлемой формой в судопроизводстве, средством обеспечения этого права, важной гарантией прав и законных интересов лица, привлеченного к юридической ответственности (в данном случае к уголовной).

Участие адвоката в судебных прениях также необходимо и важно, как и на судебном следствии. Но нужно оговориться, что защитительная речь только тогда эффективна и успешна, когда опирается на детально и тщательно проведенное судебное следствие, на котором защитник сделал все, что можно было сделать для защиты обвиняемого, выяснил все, что благоприятствует подсудимому. Только в этом случае защитительная речь адвоката будет иметь положительный результат.

Участие в судебных прениях дает защитнику возможность подвергнуть развернутой критике версию обвинения и изложить суду все доводы в пользу подсудимого. При этом не боясь затрагивать острые вопросы, защитнику необходимо помнить, что ценность критики в ее правдивости, в общественной значимости поднимаемых вопросов. Как и вся судебная деятельность защитника, участие в прениях имеет целью убедить судей в правильности позиции защиты, склонить их к благоприятному для подсудимого решению. Участие в судебных прениях – важное право сторон и предпосылка постановления правосудного приговора.

Являются ли прокурор и адвокат они сторонами в судебном разбирательстве, в том числе в судебных прениях, ведь нам известно, что стороны в процессе должны иметь одинаковое положение и равные права и обязанности? Можно ли утверждать, что и прокурор, и адвокат имеют одинаковые, равноценные возможности повлиять на мнение судей, а, следовательно, на вынесение желаемого приговора. Ведь, по сути дела, прокурору несложно воздействовать на суд: были следствие, обвинение, арест; есть государственный авторитет; имеются материалы уголовного дела и судебного следствия.

Что есть у оппонента – защитника? На самом деле у него нет ни власти, ни обязанности защищать интересы государства, ни своего следствия. Есть лишь немного – долг и обязанность помогать людям, попавшим в беду и нуждающимся в его помощи; ум, знания, опыт и порядочность. Но и этого “малого” оказывается достаточным для того, чтобы находить истину, отстаивать убеждения, бороться с нарушениями законов. Именно так поступают опытные, добросовестные и добросовестные адвокаты.

Пределы доказывания участников судебных прений не совпадают. Обвинитель должен доказывать вину подсудимого. Что же касается защитника, то его задача уже. Он обязан настаивать на оправдании, хотя невиновность подсудимого и не доказана. Основанием такой просьбы служит то, что виновность подсудимого с несомненностью не подтверждена. Тем более не входит в пределы доказывания защитника выявление другого лица

и обоснование его вины по рассматриваемому делу. Таким образом, задачи и цели защитительной речи неразрывно связаны и прямо вытекают из задач и целей защиты в уголовном процессе. Защитник, участвуя в уголовном процессе, служит тем задачам, которые стоят перед правосудием.

Задача защитника, реализуемая им в защитительной речи, находится в полном соответствии с задачами суда. У суда нет и не может быть задачи осуждения невиновного, вынесения обвинительного приговора без полных, исчерпывающих, исключаящих возможность каких-либо сомнений, доказательств. К этому стремится и защитник. У защитника, в свою очередь, не может быть задачи добиваться оправдания изобличающего преступника, в виновности которого нет совершенно никаких сомнений. Не в этом заключается защита прав и законных интересов подсудимого, которые никак нельзя понимать как “право” на безнаказанность, на отсутствие интересов противозаконных.

Суд имеет своей задачей дать правильную юридическую оценку деяния, правильно квалифицировать деяние, точно применить законы. Задача защитника здесь также не расходится с задачей суда, защитник не может видеть свою задачу в том, чтобы попытаться склонить суд к неправильному применению законов или применению закона, не подлежащего применению только потому, что он “выгоден” для подсудимого.

Осветив роль и значение защитительной речи адвоката в судебных прениях, можно сделать вывод о том, что судебные прения не были бы прениями, не имели бы форму полемики, если бы не было противоположной точки зрения, произнесения иной судебной речи, нежели речь оппонента. Поэтому без защитительной речи адвоката в судопроизводстве никак не обойтись. Только благодаря произнесению судебных речей, в том числе защитительной, можно постичь объективную истину в суде и добиться правосудного приговора.

Общая характеристика защитительной речи адвоката. Согласно уголовно-процессуальному законодательству защитник в судебных прениях всегда выступает после государственного и общественного обвинителей, гражданского истца. В процессуальной литературе это положение вызывает различные по своей сущности мнения. Одни сводят такое утверждение к преимущественному положению защитника в судебных прениях, другие же встречают это отрицательно. Большинство процессуалистов приходят к выводу, что такой порядок судебных прений благоприятствует установлению истины и обеспечению права на защиту, и отступление от вытекающего из уголовно-процессуального закона

порядка судебных прений является нарушением права подсудимого на защиту. “Выступая после государственного обвинителя и гражданского истца, защитник поставлен тем самым в более благоприятные условия, чем эти последние. Он имеет возможность в своей защитительной речи реагировать на те положения, которые содержались в заслушанных им речах”.

На самом деле в таком порядке можно увидеть и преимущества, и недостатки (хотя больше склоняюсь к точке зрения вышеуказанных авторов). В категорическом требовании закона – защитник всегда выступает после обвинителя – есть и привилегия, льгота (защитник может ответить прокурору, может еще раз обдумать все, и, наконец, суд всегда уходит в совещательную комнату под впечатлением последней речи адвоката), и одновременно трудность, которую надо побороть, ведь защитнику надо всегда преодолеть “психологический барьер”, тот накал страстей, что оставил в судебной аудитории прокурор после произнесения своей речи. “Все кажется предельно ясным: вина доказана, остается лишь выслушать суровый приговор. Но раздаются слова защиты в пользу того, кто уже осужден общественным мнением. Аудитория приглашается посмотреть дело “с другой стороны” и “другими глазами”. Нелегко в этих условиях овладеть вниманием аудитории, преодолеть ее “настроенность” и “настороженность”. Для этого нужно хорошо владеть фактами и точно ими оперировать, давать правильную оценку событиям, не допускать “перегибов”, фальши, говорить искренне и вдохновенно, ярко и убедительно, надо быть принципиальным и мужественным защитником”.

Перейдем к главным вопросам. Что такое защитительная речь? Каковы ее цели и задачи?

Успех защиты во многом определяется защитительной речью адвоката. Это один из вариантов защиты. Характеристика защитительной речи зависит от двух аспектов процессуального положения защитника и его задач:

отношения защитника к суду, разбирающего дело;

отношения к подсудимому, которого он защищает.

И та и другая линии должны быть учтены защитником в полной мере. Вопросы процессуального положения защитника, отношения между ним и его подзащитным, наконец, вопрос о позиции защиты в суде были рассмотрены мной в предыдущих работах. Но хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что защитник не всегда и не полностью связан позицией обвиняемого, особенно в выборе тех средств и способов защиты, которыми оперирует адвокат. От этого, в частности, зависит и позиция защиты. Позиция защит-

ника в окончательном виде высказывается в прениях сторон, хотя это не означает, что она не формируется на ранних этапах уголовного судопроизводства [1].

Итак, защитительная речь адвоката – это итог, завершение защиты, а не самодовлеющее действие защитника; итог, который подводится по всем материалам дела, проверенным в судебном заседании. Это кульминационный момент участия защитника в судебном разбирательстве уголовного дела, важное средство осуществления им своей функции. Наконец, защитительная речь по уголовному делу – это серьезный творческий акт, требующий от защитника кропотливой работы над повышением своих знаний. Для правильного построения и произнесения защитником речи требуется высокая квалификация защитника, глубокая культура, всестороннее знание обстоятельств рассматриваемого дела, принципиальность. Все это – итог громадной и трудной работы защитника, плод непрерывного и добросовестного труда, проникнутого искренним стремлением защищать права и законные интересы подсудимого, не допустить возможные ошибки во вред подсудимому, не упустить ничего, что может служить в пользу подсудимого. Способность защитника убеждать должна в суде проявляться в совершенно особых, ни с чем другим не сходных условиях. Способность эта, тренируемая, развиваемая повседневной работой, накоплением опыта и знаний, должна в суде преодолеть особо тяжелые затруднения.

Закончено судебное следствие. Детально изучены материалы дела, допрошены свидетели, эксперты, дали объяснения подсудимые. Исследованы их жизненные обстоятельства, их личные качества и недостатки. В защитительной речи внимание суда обращается прежде всего на обстоятельства, оправдывающие, исключаящие или смягчающие ответственность подсудимого. Но при этом адвокат должен подвергнуть критическому разбору доводы и доказательства, на которые ссылается обвинение. Свою речь защитник строит так, чтобы полемика не переросла в личные выпады против процессуального противника.

В защитительной речи дается анализ и оценка исследованных доказательств с позиции защиты и вносятся предложения по вопросам применения уголовного закона, избрания меры наказания или освобождения от него, оправдания и т. д. Защищать обвиняемого нередко труднее, чем обвинять. Обвинение лица, о котором есть основание думать, что оно совершило преступление, кажется естественным, защиты такого лица – противоестественным. Общественность обычно осуждает преступление и лицо, его совершившее. Поэтому гневные слова обвинителя,

произнесенные в судебном зале, как правило, ложатся на благоприятную почву, они как бы выражают думы и чаяния судебной аудитории, воспринимаются как обращенное выражение мыслей каждого сидящего в зале. Особенно большое сочувствие вызывает обвинение у потерпевших, его близких и знакомых, составляющих нередко значительную часть судебной аудитории. Суждения прокурора, представляющего на суде государственное обвинение, вызывает, по вполне понятным причинам, в большинстве своем доверие и одобрение. Поэтому часто заключительные слова государственного обвинителя, требующего от суда строгого наказания подсудимого, встречаются горячими аплодисментами [2].

Иное происходит с защитой. К ней проявляется настороженность, а иногда и прямо выраженное недоверие. Защита воспринимается нередко как попытка выгородить преступника, увести его из-под заслуженного удара судебной репрессии. Часто приходится слышать: “Кого защищает: убийцу, насильника, хулигана?!” Надо ли доказывать, что нередко защита воспринимается как противопоставление личных интересов – общественным, государственным. Поэтому умение сочетать защиту законных интересов обвиняемого с интересами общества и государства, не переоценивать путем умаления значения второго и вместе с тем мужественно защищать человека – в этом основная трудность защиты. Интересы личности и интересы общества – эта проблема всегда в центре защиты. Не противопоставлять одно другому, не возвышать одно путем принижения другого. Не допустить малейшего нарушения соотношения защиты законных интересов личности и интересов общества, умно, тактично, с большим профессиональным мастерством и мужеством донести до сознания судебной аудитории простую и ясную идею, что в условиях общества нет и не может быть противоречий между законными интересами личности и интересами общества. В этом – нелегкая задача защиты и защитника. Защитник не должен забывать, что он выполняет в уголовном процессе, а значит и в судебных прениях, важную общественную функцию, имеющую большое государственное значение. Он не может защищать преступление, и, защищая подсудимого, он не имеет права умалять общественную опасность совершенного им преступного деяния. Отсюда вытекает обязанность защитника дать в защитительной речи правильную общественную оценку разбираемого дела. Конечно, это не всегда легко сделать, ибо осуждая преступление, защитник должен защищать подсудимого [5].

Таким образом, защитительная речь завершает ту большую и сложную работу защитника,

которая направлена на охрану прав и законных интересов подсудимого, на обеспечение правильного применения закона, с тем, чтобы не допустить возможные ошибки во вред подсудимому, исключить привлечение к уголовной ответственности и осуждение невиновного.

Суд, призванный вести активную и решительную борьбу с преступлениями, глубоко заинтересован в том, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Интересы защиты не только не противоречат этим стремлениям суда, но полностью с ними совпадают. Поэтому выступление защитника, искренне и убедительно требующего оправдания невиновного или осуждения виновного только в меру его вины с учетом всех установленных по делу смягчающих обстоятельств, находит понимание и поддержку со стороны судей. Они прислушиваются к доводам и аргументам защитника, взвешивают их, учитывают при постановлении приговора. И чем деловитее, содержательнее речь адвоката, чем глубже и полнее в ней проанализированы обстоятельства дела, тем больше влияние оказывает она на выносимое судом решение. Облегчается задача защитника в случае отказа прокурора от обвинения, но защитнику не следует просто присоединяться к прокурору, а произнести развернутую защитительную речь и обстоятельно проанализировать все доводы и доказательства, указанные в обвинительном заключении. При этом защитник может многое сказать в пользу подсудимого, чего не сделает отказавшийся от обвинения прокурор. Кроме того, они могут расходиться в мотивах и основаниях, по которым должен быть постановлен оправдательный приговор, и эти расхождения необходимо осветить и аргументировать в защитительной речи.

В этой речи не должно быть места тому, что ухудшает положение подсудимого. Отрицательные качества подсудимого и другие обстоятельства, отягчающие его ответственность, могут освещаться участниками судебных прений, но далеко не всеми. Аморальные качества подсудимого вряд ли может рассматриваться судом как обстоятельство, смягчающее ответственность, а поэтому вскрывать их в защитительной речи адвокату не следует. Представляется неправильной позиция адвоката и в тех случаях, когда он просит вынести мягкий обвинительный приговор, а подзащитный виновным себя не считает.

Известно, что защитительная речь в первую очередь произносится для суда, но адвокату не следует забывать и о других слушателях, присутствующих в зале. Поэтому речь адвоката преследует не только цель обеспечения прав и законных

интересов обвиняемого, но и является действенным средством пропаганды права и морали. Защитительная речь должна быть нравственно правильной и соответствовать требованиям этики. Каждое из таких требований столь настоятельно необходимо, что невыполнение любого из них лишает речь идейной и нравственной значимости. Речь адвоката должна быть проявлением подлинного гуманизма, означающего в таком слове “глубоко человеческий индивидуальный подход, заботу о человеке и уважительное к нему отношение, ... стремление видеть в каждом деле не безликий судебный “случай”, а живого человека, стоящего за этим делом, с его сложными переживаниями”. В защитительной речи, как и на протяжении всего судопроизводства, адвокат должен проявить внимательное, бережное и уважительное отношение к своему подзащитному. Сидящий на скамье подсудимых – еще не осужденный. И в судебном заседании к нему следует относиться с позиции презумпции невиновности, всемерно оберегать и щадить не только его самолюбие и достоинство, но и его человеческие чувства, избегая всего, что может принести ему боль и страдание. Но это относится не только к подсудимому, но и ко всем участникам процесса. Хотя судебные прения, состоящие из судебных речей, могут доставить тягостные переживания независимо от воли оратора. Не случайно судебные прения были названы “операцией без наркоза”, боль причиняется, а анестезии нет.

Этические требования, соблюдение которых обязательно и в самой острой полемике, отнюдь не исчерпывается корректностью и проявлением должного уважения к процессуальному противнику. Нравственным критерием в полемике служит отношение к доводам противника [8].

Помимо этого, адвокат должен уметь слушать, а это редкий дар. Для адвоката этот дар – профессиональная обязанность. Адвокат – участник судебных прений – не выполнит своего долга, если он не умеет с подлинным и добросовестным вниманием, искренней заинтересованностью и уважением воспринимать мысль противника, если попытается возможную ошибку в ее изложении выдать за изъян ее сути. Умение слушать и услышать – не только гарантия действенности защиты, но и нравственная обязанность защитника.

Чтобы речь максимально отвечала нравственным требованиям, в ней должна быть дана верная фактическая, правовая и общественная оценка дела. Таким образом, исходя из всего вышеуказанного, можно сделать вывод о том, что тщательно продуманная защитительная речь имеет не только общественное, но и воспитательное значение.

Подготовка и составление защитительной речи. Для того чтобы успешно выступить в судебном заседании, необходима хорошая подготовка к процессу. Как же следует готовиться к произнесению защитительной речи и какова методика ее подготовки? Следует или не следует писать защитительную речь, по каждому ли делу надо составлять конспект или схему защитительной речи, следует ли пользоваться записями при произнесении речи, в каком порядке использовать примеры из практики, прибегать ли к использованию художественной литературы.

Подготовка защитительной речи – исключительно важный и сложный момент участия защитника-адвоката в уголовном процессе. Вопрос этот давно является предметом обсуждения в юридической литературе и по нему высказаны самые различные точки зрения и многочисленные рекомендации. Одни утверждают, что предварительное составление речи, в особенности по сложным делам, требует значительного труда для ее написания и больших усилий для ее запоминания, что ход судебного следствия и речь прокурора можно свести на нет всю предварительную работу, что адвокат должен уметь говорить экспромтом, что написанная речь безжизненна, не производит должного впечатления – “яркий цвет с запахом бумаги и клея”.

Исходя из этих соображений многие теоретики судебного ораторского искусства и практические деятели категорически высказывались против того, чтобы речь была заранее написана. Так, М. Ажам в своей работе “Искусство говорить публично” утверждал: “Да будет известно раз и навсегда, что нет вещи, более противоречащей ораторскому развитию, чем письменная подготовка. Если величайшие ораторы достигали высшего красноречия, то это происходило без ее помощи или, лучше, помимо нее”. Этого же мнения придерживался известный юрист А.Ф.Кони: “Я, никогда не писавший своих речей предварительно, позволяю себе, в качестве старого судебного деятеля, сказать молодым деятелям... не пишите речей заранее, не тратьте время, не полагайтесь на помощь этих сочиненных в тиши кабинета строк, медленно ложившихся на бумагу, а изучайте внимательно материал, запоминайте его, вдумайтесь в него...”.

Этой же точки зрения придерживался выдающийся юрист Г.П. Саркисянц. “Даже по самому сложному делу невозможно заранее составить защитительную речь. Составление защитительной речи по материалам предварительного следствия ни при каких условиях не может быть правильным и противоречит процессуальному закону, требующему обоснования приговора на данных судебного следствия. Разумеется, в ходе судебного следствия может совершенно изме-

няться перспектива дела, отпасть те или иные доказательства и, появиться новые, гораздо более убедительные и ценные, чем те, которые имелись в предварительных материалах дела. Наконец, еще совершенно не ясна точка зрения представителя государственного обвинения в отношении значения имеющихся в деле доказательств, его позиция по существу доказательных, процессуальных и материально-правовых вопросов дела. Как же можно составлять текст защитительной речи, которая фактически может быть подготовлена лишь после судебного следствия, когда будут ясны важнейшие и принципиальные вопросы дела”.

Другие же напротив рекомендуют уже в ходе предварительного ознакомления с делом составлять текст защитительной речи. Так, один из авторов книги “Защитник в советском суде” П.А. Огнев утверждает, что “полный текст речи или ее план, или ее схема должны быть составлены еще до начала судебного заседания. Такой текст, план или схема послужит и планом защиты. После окончания судебного следствия план, схема, текст речи может быть соответствующим образом пересмотрен, дополнен”.

Еще Цицерон в свое время писал: “Перо – лучший учитель, написанная речь лучше только продуманной”. Совершенно такого же мнения был П.Н. Обнинский. В статье “Судебная речь” он говорил: “Подготовка речи не должна ограничиваться одним так называемым изучением дела, т.е. беглым просмотром пробелов следственного производства с наскоку наброшенными отметками в контексте; подготовка должна выработать систему изложения и систему аргументации; судебная речь не может быть импровизацией, – совершенно напротив, чем она ближе стоит к предмету, тем вернее и шире отражает в себе все его стороны, тем скорее она достигает своей конечной цели – желаемого воздействия на вердикт... Подготовка дела должна предупредить возможные сомнения и неожиданности – группировать части так, чтобы целое развивалось в стройной последовательности, чтобы внимание слушателя не разбросалось по сторонам, не устремлялась то назад, то вперед, не раздражалась повторениями и ненужностями и т.д. В состоянии ли со всем этим разобраться экспромт, как бы велика не была талантливость оратора? Никогда!...”.

Нельзя дать раз и навсегда исчерпывающий перечень рекомендаций относительно методики подготовки защитительной речи, ибо она в значительной мере определяется индивидуальными особенностями интеллекта, памяти. Огромное значение имеют характер и особенности данного уголовного дела. Если по несложному делу нет необходимости составлять обширные записи и

пользоваться ими при произнесении защитительной речи, то большому, сложному многотомному делу такая подготовка совершенно необходима. Но при всех условиях защитник обязан хорошо продумать и составить текст защитительной речи [10].

Все зависит от личных качеств, умения, навыков адвоката в каждом конкретном случае. Но есть такие адвокаты, которым предварительно написанная речь не принесет пользы, может быть даже свяжет их, не даст возможности свободно формулировать свои мысли. Это – особо одаренные люди, имеющие значительный судебный опыт, большую эрудицию. Такому оратору для произнесения яркой и убедительной речи достаточно сделать короткие заметки, отдельные наброски, выписать некоторые цитаты и т.д. Люди этой категории обычно не подготавливают всех деталей того, что они будут говорить, но в нужный момент для них открывается какой-то “таинственный” источник вдохновения, мыслей, цитат, сравнений, ярких образов и т.д.

Опытные адвокаты, знакомясь с материалами дела и делая выписки, одновременно делают заметки для речи: о чем сказать, на что обратить внимание и т.д. Эти заметки к концу изучения дела дают основу для плана или тезисов речи. Работа над речью продолжается и в судебном заседании. Без тезисов или плана выступать нельзя. План или тезисы речи дают возможность привести в логический порядок разрозненные мысли оратора, систематизировать защитительные доводы. К концу судебного следствия адвокат, прочтя составленный заранее план речи, видит пробелы и упущения в анализе доказательств, что не выяснено в ходе следствия, что выяснено неполно, как восполнить эти пробелы в дополнениях к следствию. Изложение на бумаге проекта предстоящей защитительной речи, особенно начинающими адвокатами, бесспорно, содействует более последующему освещению материала, углубленному анализу доказательств, более четкой формулировке мыслей [8].

Поэтому те адвокаты, которые даже с гордостью утверждают, что они никогда не готовятся к защитительной речи, что произносят речь “по вдохновению”, как и положено делать “истинному” защитнику, не правы и, на мой взгляд, недобросовестны, поскольку защитительная речь – дело трудное и сложное, она имеет целью повлиять на суд, привести его к выводам, предлагаемым защитником для разрешения дела. От защитительной речи в известной степени зависит жизнь, судьба подсудимого.

Таким образом, необходимо, чтобы адвокат заранее обдумал и написал план речи, содержащий перечень вопросов, которые адвоката должен осветить в своей речи, причем каждый из

этих вопросов должен быть максимально детально разработан в плане с указанием доказательств, на которые адвокат имеет в виду сослаться, и доводов, которые он должен привести. Полный текст речи или план должны быть составлены еще до судебного заседания. Но если по каким-либо причинам адвокат лишен возможности предварительно составить текст своей защитительной речи, то настоятельно рекомендуется в таких случаях иметь хотя бы подробный конспект, т.е. изложить по пунктам, в строго логической последовательности основные мысли и важнейший доказательственный материал, подкрепляющий эти мысли, не ограничиваясь составлением плана, т.е. одного только перечня вопросов, которые подлежат освещению в речи. Готовясь к речи, адвокат должен правильно, объективно оценивать свои способности, подготовить защитительную речь, исходя из своих индивидуальных возможностей, т.е. не ставить перед собой явно непосильных задач. Наряду с этим адвокат должен строить свою речь с учетом состава суда, культуры аудитории [9].

Итак, подготовка к защитительной речи начинается с изучения материалов дела. Каким бы ясным и неясным не казалось дело, с ним следует внимательно ознакомиться. Только отличное знание дела дает возможность защитнику произнести хорошую речь. С годами приходят опыт и навыки быстрой ориентировки в материалах дела, умение увидеть в нем главное, но, не зная дело досконально, нельзя рассчитывать на успех выступления в суде. Изучение материалов каждого уголовного дела необходимо для того, чтобы уяснить:

- что будет проверяться в суде; соответствуют ли выводы обвинительного заключения материалам дела;
- учтены ли следователем все обстоятельства и доказательства по делу;
- есть ли необходимость восполнения пробелов предварительного следствия в суде.

Знание дела позволяет хорошо ориентироваться в его материалах, не пойти на поводу и других участников процесса, разработать методику и тактику своего участия в судебном следствии, определить позицию и содержание речи, составить ее план. Следовательно, чем глубже и лучше адвокат изучил дело, чем свободнее он владеет фактическими данными во всех их деталях, тем лучше он подготовлен к речи, тем больше он себя застраховал от всяких возможных неожиданностей в процессе. Другим очень важным условием хорошей подготовки к речи является заблаговременное собирание материалов для нее, начиная с момента изучения дела. При изучении дела адвокат отмечает некоторые наиболее важные доказательства, у него всегда возни-

кают мысли, складываются доводы, он отмечает отдельные штрихи, которые должны быть использованы в речи. Эта работа по собиранию материалов дела к речи должна продолжаться и по ходу судебного разбирательства дела [7].

Все материалы дела должны стать объектом изучения. Нельзя выделять только факты, бросающиеся в глаза, и оставлять в стороне обстоятельства, кажущиеся незначительными, ибо трудно заранее определить, что окажется важным, а что не будет иметь никакого значения. Следует не только прочитать показания участвующих в деле лиц, но и тщательно ознакомиться с документами и вещественными доказательствами. Например, по делу об изнасиловании на одежде потерпевшей, приобщенной в качестве вещественного доказательства, не видно следов сопротивления, т.е. одежда находится в полном порядке. Значит необходимо в судебном заседании проверить, действительно ли имело место насилие, и при наличии иных доказательств поставить вопрос об отсутствии состава преступления [5].

Готовясь к защитительной речи, адвокат должен в обязательном порядке тщательно изучать законодательство, а также материалы судебной практики и юридической литературы по нужным вопросам, и, наконец, работать над языком и стилем выступления. Работа над делом протекает не только за столом и не только в рабочее время. О деле нужно думать много и постоянно. Только тогда появятся нужные мысли, только тогда наступит “озарение”, и оратор увидит главное в деле. Те речи, которые кажутся произнесенными легко, просто, без всякого труда, на самом деле являются результатом широкого общего образования, опыта, постоянной работы над собой, над повышением своих знаний и, кроме всего этого, большой напряженной работы над делом.

Адвокат должен готовиться к защитительной речи не только до начала судебного заседания, на предварительном и судебном следствиях, но и непосредственно в стадии судебного разбирательства. Например, во время речи прокурора может возникнуть необходимость внести исправления и дополнения в план речи. Как правило, речь прокурора вызывает у адвоката новые мысли, а иногда требует дополнительной аргументации, диктует необходимость уделить внимание анализу некоторых доказательств. Если прокурор отказывается от обвинения или просит изменить квалификацию – это влечет, как правило, изменения в речи адвоката. Хотя предложение прокурора, как и предложение защиты, не обязательно для суда, структура защитительной речи, ее аргументация в известной степени зависят от речи прокурора [6].

Если в деле выступают другие адвокаты и они выступают раньше, защитник должен быть готов к изменению плана речи в зависимости от их выступлений. При солидарной защите, когда предыдущий адвокат подробно и убедительно проанализировал доказательства, нет необходимости столь подробно говорить об этих же доказательствах. Надо суметь быстро изменить план или тезисы, повторив только основное и подчеркнув упущенное. Если интересы защиты не совпадают, адвокату надо по ходу речи другого защитника записать его доводы и суметь в случае необходимости оценить их в своей речи. Таким образом, процесс подготовки к защитительной речи охватывает весь период работы адвоката в суде I инстанции, начиная от изучения дела перед судебным заседанием и заканчивая моментом, когда адвокату предоставляется слово [10].

Содержание защитительной речи. Содержание защитительной речи зависит от выбранной процессуальной позиции и его взаимоотношения с подзащитным. Судебное заседание, проведенное по делу, имеет целью проверить, в какой степени правильны выводы, сделанные составителем обвинительного заключения из материалов предварительного расследования. Суд при вынесении приговора ставит на свое обсуждение вопросы о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимому, содержит ли в себе это деяние состав преступления, совершил ли его подсудимый, подлежит ли он наказанию и какому именно. На этих основных вопросах сосредоточивает внимание защитительная речь, ими определяется ее содержание [2].

Настоящим украшением речи защитника, показателем его мастерства является простота, доступность, аргументированность и содержательность, за которыми скрывается глубокая и серьезная работа, высокая квалификация и опыт. Необходимо, чтобы защитительная речь по существу содержала в себе в последующем порядке сначала то, что понимается под тезисом, затем то, что понимается под аргументами, и, наконец, то, что понимается под демонстрацией, независимо от того, будут или не будут названы эти термины в речи, - в этом случае речь будет максимально убедительной и доходчивой.

Речь защитника всегда должна иметь отправной, исходный пункт, главную идею. От этого зависит и содержание речи, и построение ее, и удельный вес отдельных ее частей. Вокруг главной идеи должны концентрироваться весь материал, он должен быть ей подчинен. Определив исходную позицию по рассматриваемому делу, защитник должен наметить круг вопросов, которые он намерен осветить в своей речи, определить их соотношение и удельный вес, поставить их в определенной логической последова-

тельности. Отсутствие логической стройности в изложении материала, бессистемность и диспорция его частей неизбежно затрудняют восприятие речи, уменьшают ее убедительность и доказательность, снижают воспитательное значение. Значит, строя свою защитительную речь, адвокат должен руководствоваться законами и правилами логики, характеризующими форму процесса мышления с такими его элементами, как понятия, суждения, умозаключения. Следование законам логики придает речи защитника такие качества, как последовательность, обоснованность и отсутствие противоречий, органическая связь определенных положений, убедительность излагаемых доводов. Знание и применение правил логики позволяет защитнику избежать логических ошибок и вскрыть таковые в речах своих оппонентов [3].

Прежде чем приступить к изложению речи, защитник должен быть полностью убежден в истинности своей позиции и выводов. Ведь убедить или переубедить судей сможет только тот, кто сам твердо убежден. Следовательно, прокурор и адвокат оказывают воздействие на судей двумя методами: логической доказательностью речей и их эмоционально-психологической убедительностью. Итак, защитительная речь должна характеризоваться единством содержания и формы, иметь стройную цельную композицию, обеспечивающую последующее развертывание защитником тезисов. В ней не должно быть скороговорок, всякого рода повторов, неясных положений, уклонения от существа дела. Каждому вопросу следует отводить такое место, которое он заслуживает в комплексе исследуемых по делу обстоятельств. Второстепенные обстоятельства не должны затемнять, вытеснять главные моменты, важные защитительные доводы [4].

Вообще, общепринятых правил построения защитительной речи не существуют. Попытки дать какую-то единую систему речи заранее обречены на неудачу. Выступление в судебном заседании – дело живое, творческое.¹ Содержание и структура защитительной речи строго индивидуальны и зависят от результатов судебного следствия, избранной позиции, характера предъявленного обвинения, особенностей доказательственного материала и других обстоятельств рассматриваемого дела. Защитник выступает в суде после прокурора и поэтому не может не учитывать тех доводов и аргументов, которые приведены прокурором. Он обязан представить на рассмотрение суда свои доводы и соображения, привести свои аргументы. Вряд ли поможет правильно разрешению уголовного дела и своему

¹ Для защитительной речи еще в большей степени, чем для обвинительной, противопоказан шаблон, однообразие, заранее установленный трафарет.

подзащитному такой защитник, который, игнорируя результаты судебного следствия и доводы прокурора, будет строить свою речь, упрямо следуя заранее принятой схеме [12].

Из сказанного следует, что защитительная речь, как правило, должна носить полемический характер, быть органически связана с развернувшимися судебными прениями. Возражая против необоснованных утверждений прокурора, подвергая критическому анализу приведенные им доказательства, адвокат отстаивает свою точку зрения, приводит контрдоказательства в подтверждение правильности своих суждений [11].

Конечно, это не означает, что речь адвоката сводится лишь к ответу на обвинительную речь, что содержание последней обуславливает и содержание второй. Защитительная речь носит самостоятельный характер. В ней адвокат должен подвергнуть детальному анализу все обстоятельства дела под углом зрения защиты подсудимого, привести все данные, говорящие в его пользу. В тех случаях, когда защитник выступает по групповому делу, он должен соотносить свою речь с речами своих коллег, чтобы исключить повторения, разграничить обязанность и т.д. [1]

Однако то положение, что в построении защитительной речи недопустим какой-либо стандарт, вовсе не означает, что не существует никаких общих требований, которым должна отвечать защитительная речь. Ее содержание и структура не могут быть произвольными. Они находятся в зависимости от тех задач, которые возложены на адвоката в процессе, и тех конкретных особенностей дела, по которому он выступает. Поэтому нельзя соглашаться с авторами кн. «Защитник в советском суде», которые пишут: «Для содержания речей, их направленности, способов их построения никаких правил не установлено. Защитник может произносить речи и по содержанию и по форме так, как он находит это нужным». Здесь авторы явно впадают в крайность и рекомендуемая ими полная свобода выбора формы и содержания речи некоторыми авторами понимается как возможность говорить во время судебных прений о чем угодно и как угодно, не заботясь о качестве защитительной речи и его соответствии требованиям закона.

Исходя из конкретных обстоятельств дела, адвокат может:

1) оспаривать обвинение в целом, доказывая невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях состава преступления, за отсутствием самого события преступления или за непричастностью к нему подсудимого;

2) оспаривать обвинение в отношении отдельных его частей;

- 3) оспаривать правильность квалификации, доказывая необходимость изменения предъявленного обвинения на статью УК РФ, влекущую более мягкое наказание;
- 4) обосновывать меньшую степень виновности и ответственности подсудимого, приводя смягчающие его вину обстоятельства;
- 5) доказывать неменяемость подсудимого, исключая наступление уголовной ответ-

ственности. При всем этом защитник не только должен констатировать факты, утверждать те или иные положения или просто говорить о том, что доказательства являются сомнительными, все это адвокат должен подкреплять конкретными аргументами, приводить конкретные обстоятельства дела.

Список литературы:

- [1] Албогачиев А.А. Аномия в ингушском обществе: социальная и политическая характеристика / В сборнике: Вузовское образование и наука / Материалы региональной научно-практической конференции. 2007. С. 221-225.
- [2] Албогачиев А.А. Возраст грандиозных планов // Аккредитация в образовании. 2014. № 8 (76). С. 49.
- [3] Галузо В.Н., Афанасьев В.С., Батюк В.И., Беседин А.В., Олимпиев А.Ю., Шелагин А.Б. Доказывание в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах Российской Федерации / Теория и правоприменительная практика / Москва, 2016.
- [4] Гандалоев Р.Б. Права и обязанности сторон и третьих лиц // Государственная служба и кадры. 2020. № 3. С. 54-57.
- [5] Дикарев В.Г., Олимпиев А.Ю. К вопросу о противодействии бесконтактному способу сбыта наркотиков через сеть интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 147-152.
- [6] Ильгова Е.В., Вершинина Г.И., Ермолаева Т.А., Стародубов А.А. К вопросу о должностных и уполномоченных лицах комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 98-105.
- [7] Ильгова Е.В., Сметанникова А.И. К вопросу о снижении возраста административной ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 58-61.
- [8] Каллагов Т.Э. История формирования муниципальной службы в условиях реформирования местного самоуправления // Новый юридический журнал. 2014. № 3. С. 148-159.
- [9] Каллагов Т.Э. К вопросу о совершении правонарушений в сфере государственной гражданской и муниципальной службы // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 93-96.
- [10] Олимпиев А.Ю., Галузо В.Н. О некоторых аспектах определения понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 4 (136). С. 130-134.
- [11] Саламов А.Х., Султыгова З.Х., Арчакова Р.Д. Особенности подготовки магистров-химиков / В сборнике: Вузовское образование и наука. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 214-216.
- [12] Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю. Войны на большом Ближнем Востоке 1960-е – 2016. - Москва, 2016.

Spisok literatury:

- [1] Albogachiev A.A. Anomiya v ingushskom obshchestve: social'naya i politicheskaya harakteristika / V sbornike: Vuzovskoe obrazovanie i nauka / Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2007. S. 221-225.
- [2] Albogachiev A.A. Vozrast grandioznyh planov // Akkreditaciya v obrazovanii. 2014. № 8 (76). S. 49.
- [3] Galuzo V.N., Afanas'ev V.S., Batyuk V.I., Besedin A.V., Olimpiev A.Yu., Shelagin A.B. Dokazyvanie v ugovolnom, grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom processah Rossijskoj Federacii / Teoriya i pravo-primenitel'naya praktika / Moskva, 2016.

[4] Gandaloev R.B. Prava i obyazannosti storon i tret'ih lic // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2020. № 3. S. 54-57.

[5] Dikarev V.G., Olimp'ev A.Yu. K voprosu o protivodejstvii beskontaktnomu sposobu sbyta narkotikov cherez set' internet // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 8. S. 147-152.

[6] Il'gova E.V., Vershinina G.I., Ermolaeva T.A., Starodubov A.A. K voprosu o dolzhnostnyh i upolnomochennyh licah komissij po delam nesovershennoletnih i zashchite ih prav // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2018. № 6 (125). S. 98-105.

[7] Il'gova E.V., Smetannikova A.I. K voprosu o snizhenii vozrasta administrativnoj otvetstvennosti // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2018. № 5 (124). S. 58-61.

[8] Kallagov T.E. Istoriya formirovaniya municipal'noj sluzhby v usloviyah reformirovaniya mestnogo samoupravleniya // Novyj yuridicheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 148-159.

[9] Kallagov T.E. K voprosu o sovershenii pravonarushenij v sfere gosudarstvennoj grazhdanskoj i municipal'noj sluzhby // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 4 (35). S. 93-96.

[10] Olimp'ev A.Yu., Galuzo V.N. O nekotoryh aspektah opredeleniya ponyatiya «rezul'taty operativno-rozysknoj deyatel'nosti» v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2016. № 4 (136). S. 130-134.

[11] Salamov A.H., Sulygova Z.H., Archakova R.D. Osobennosti podgotovki magistrrov-himikov / V sbornike: Vuzovskoe obrazovanie i nauka. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2015. S. 214-216.

[12] Hazanov A.M., Olimp'ev A.Yu. Vojny na bol'shom Blizhnem Vostoke 1960-e – 2016. - Moskva, 2016.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

СИСТЕМА СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ 1993 ГОДА

Аннотация. Судебная власть, охраняя права и свободы человека, защищая законные интересы государства, становится, по существу, участником осуществления всех функций государства. Ее роль в условиях динамично развивающегося российского общества, функционирования рыночного хозяйства, безусловно, возрастает. И это важно, поскольку в демократически организованном обществе разрешение возникающих конфликтов должно осуществляться без произвола и насилия, на основе известных всем правовых установлений, что должно в идеале обеспечиваться судебной властью.

Ключевые слова: независимая судебная корпорация, судебная власть, судебно-правовая реформа, функция конституционного контроля, судебно- мировые судьи.

SHOKUMOV Yuriy Zhiraslanovich,
candidate of legal Sciences,
associate Professor of civil law and process
of the «Kabardino-Balkarian state University
after H.M. Berbekov»

THE SYSTEM OF COURTS OF GENERAL JURISDICTION IN RUSSIA AFTER 1993

Annotation. The judiciary, protecting the rights and freedoms of the individual, protecting the legitimate interests of the state, is, in fact, a participant in the implementation of all state functions. Its role in the conditions of dynamically developing Russian society, the functioning of the market economy is growing. And this is important because in a democratically organized society the permission of arising conflicts should be implemented without tyranny and violence, on the basis of all known legal norms that should ideally be provided by the judiciary.

Key words: independent judging Corporation, judicial power, judicial reform, the function of constitutional control, judicial magistrate.

Демократические преобразования и правовое реформирование страны в 1990-е гг. обнаружили ряд организационно-правовых проблем становления системы судов общей юрисдикции в России. Провозглашенные в Конституции РФ 1993 г. независимость и самостоятельность судов требовали организационно-правового и материально-технического фундамента их деятельности, который, несомненно, должно подготовить и обеспечить государство. Под организационным обеспечением деятельности судов общей юрисдикции в России понимаются мероприятия кадрового, финансового, материально-технического и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия [3].

Судебную систему Российской Федерации устанавливает Конституция РФ и Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» [19]. Судебная власть в России, согласно этим законам, принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых к участию в правосудии в установленном законом порядке присяжных и арбитражных заседателей. Присвоение властных полномочий суда другими органами и лицами наказывается в соответствии с уголовным законодательством.

Существенно повлияло на формирование органов судебной системы создание независимой судебной корпорации, введение в правовое поле понятия «судебная власть», Закона «О статусе судей в Российской Федерации». Этот

Закон регламентировал полномочия и деятельность еще одного важнейшего органа судебного сообщества – Всероссийского съезда судей Российской Федерации.

Органы судебного сообщества по своей юридической природе должны служить прежде всего интересам правосудия, призваны аккумулировать имеющийся опыт при осуществлении правосудия для выработки и принятия законных и обоснованных решений. В деятельности органов судебного сообщества явно установились две основные функции:

а) объединение усилий судей всех подсистем судебной системы для получения лучших результатов в решении задач, стоящих перед всей судебной системой Российской Федерации, позволяющее поддерживать и упрочивать единство судебной системы, обеспечивать единое правовое пространство Российской Федерации для достижения главной цели – обеспечения соблюдения прав и свобод граждан России. Это объединительная функция, или функция обеспечения единства судебной системы;

б) функция укрепления дисциплины судей – носителей судебной власти.

На наш взгляд, исходя из заявленных целей конституционно-правовых преобразований судебной системы в 2014 г. в части обеспечения единства правоприменения и правотолкования высшими судами норм гражданского и административного права ликвидация Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации представляется необоснованной, а цели законопроекта – не достигнутыми.

До принятия Федерального конституционного закона 2014 г. указанное единство правоприменения и правотолкования высшими судами норм гражданского и административного права было обеспечено практикой совместных заседаний пленумов Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, которая, судя по проведенному два года назад объединению высших судов, не была должным образом оценена и осмыслена.

Организация работы системы арбитражных судов и наработанная ими богатая судебная практика, подкрепляемая взаимодействием ВАС РФ с ВС РФ, в том числе, на основе принятия совместных Пленумов, сегодня в нашей стране, к сожалению, осталась невостребованной. Это большая потеря, восполнить которую, на наш взгляд, можно только возвратом к прежней структуре судебной системы. Упразднение ВАС РФ неизбежно приведет к прекращению развития правосудия по экономическим спорам, сокращению его транспарентности и независимости с одновременным повышением коррупционных рисков.

Легализация в России прецедентного права является назревшей необходимостью и шансом для нового витка развития не только судебной системы, но и всей судебно-правовой реформы. Это шанс для восстановления авторитета и справедливой работы судов – полное олицетворение принципа равенства всех перед законом и судом, когда судебные решения, принятые по аналогичным делам, должны стать основой для принятия соответствующих решений по однородным делам.

В связи с этим следует упомянуть Постановление Пленума ВАС РФ от 14 февраля 2008 г. № 14 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам». Согласно данному Постановлению, Президиум ВАС с 2007 г. стал рассматривать только дела, имеющие значение для формирования практики применения законодательства. Принятые по ним постановления в идеале должны были стать эталоном для будущих судебных разбирательств по схожим спорам. По сути, это – попытка (в 2007 г.) отладить отечественное арбитражное судопроизводство в соответствии с принципами прецедентного права.

В связи с этим реформирование судебной системы в условиях правовой реформы в Российской Федерации представляется наиболее актуальным, поскольку одной из целей реформы является оптимизация организационно-управленческих процессов, повышение качества оказания государственных услуг гражданам и организациям, снижение издержек при взаимодействии граждан и организаций с органами судебной власти Российской Федерации.

Именно повышение эффективности и результативности государственного управления создает условия для успешного функционирования органов государственной власти страны, в том числе системы судебных органов. К числу несомненных достижений проводимой в России правовой реформы следует отнести создание Судебного департамента при Верховном Суде РФ и его управлений в субъектах РФ, которые приняли на себя функции организационно-правового и материально-технического обеспечения организации и деятельности судов общей юрисдикции, а также функции по реализации мер совершенствования механизма государственного финансирования судебной системы [6].

Судебный департамент при Верховном Суде РФ принял на себя широкий круг обязанностей по автоматизации делопроизводства и организа-

ции работы судов, обучению персонала, осуществлению внешних связей судов общей юрисдикции с другими государственными органами Российской Федерации.

Следующим этапом модернизации правового механизма обеспечения деятельности судов общей юрисдикции в России должно стать создание единого информационного Центра судебной системы как одного из подразделений Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Для эффективного отправления правосудия необходимы соответствующие условия, обеспечение которых законом возложено на Судебный департамент при Верховном Суде РФ как самостоятельную, обособленно функционирующую структуру в рамках российской судебной системы, выполняющую установленные законом обязанности по созданию условий для нормальной работы каждого суда общей юрисдикции и всей системы судов общей юрисдикции в Российской Федерации.

В Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [15], Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [1], Федеральном законе от 10 февраля 1999 г. № 30-ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации», Федеральном законе от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [17], Федеральном законе от 17 декабря 1998 г. № 88-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [16] учтены и многолетние традиции российского судоустройства, и специфические исходные данные той системы координат, в рамках которой они должны «работать», и особенности российской действительности. Закон не оставил без внимания опыт создания национальных судебных систем развитых государств и выбрал в себя те немаловажные рекомендации, которые были в последнее время разработаны на международном уровне [8].

Судебная власть, охраняя права и свободы человека, защищая законные интересы государства, становится, по существу, участником осуществления всех функций государства. Ее роль в условиях динамично развивающегося российского общества, функционирования рыночного хозяйства, безусловно, возрастает. И это важно, поскольку в демократически организованном обществе разрешение возникающих конфликтов должно осуществляться без произвола и насилия, на основе известных всем правовых установлений, что должно в идеале обеспечиваться судебной властью. Таким образом, судебная власть представляет собой самостоятельную ветвь государственной власти Российской Феде-

рации, осуществляемую независимым судом в сотрудничестве с другими институтами государства и общества [6].

Конституция РФ провозглашает право каждого на судебную защиту его прав и свобод (ст. 46). Одно из условий реализации этого конституционного права связано со спецификой организации и деятельности судебной власти как государственного института, на доступ к процедурам и компетенции которого нацелено конституционное право. Поскольку правосудие в современной России находится в периоде становления, вопрос о его качественном состоянии необходимо рассматривать в контексте проводимой судебно-правовой реформы. От эффективности функционирования судебной власти зависит в конечном счете уровень социальной ценности конституционной декларации о судебной защите прав и свобод личности [5].

В главе седьмой Конституции РФ о судебной власти помещены нормы, определяющие не только компетенцию различных судов, но и основы устройства отечественной судебной системы, правовое положение судей, ряд принципов судебной деятельности. В соответствии с Конституцией РФ и другими законами страны термин «судебная власть» наполняется соответствующим содержанием [20].

Обязательность правовых позиций Конституционного Суда РФ способствует исключению произвола судебных органов, реализации правовых стандартов на основе единообразного подхода к интерпретации их содержания. К тому же Конституционный Суд РФ, нередко использующий в своих постановлениях правовые позиции наднациональной юрисдикции – Европейского Суда по правам человека, способствует их единообразной реализации в российской правоприменительной практике [2].

Судебная практика окружных арбитражных судов (кассационная инстанция) резко различается. Безусловно, это негативно сказывается на защите прав предпринимателей, поскольку отсутствует фактор предсказуемости по типовым правовым ситуациям. Рычаги реагирования на такой разнородной действую, к сожалению, не всегда. Мы не имеем возможности оперативного исправления ошибок, поскольку есть определенные судебные процедуры. У обзоров же судебной практики налицо направленность в будущее, а значит, они никак не затрагивают уже рассмотренные дела [7].

Согласно Конституции РФ, понятие правосудия должно употребляться в единстве с судебной властью. Иными словами, «правосудие – самостоятельный, независимый вид государственной деятельности по реализации судебной

власти путем осуществления конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства» [11, с. 32].

Правосудие одновременно представляет собой форму осуществления судебной власти и является ее функцией. В рамках функции (как направлении воздействия права на общественные отношения) правосудие осуществляет: 1) контроль над конституционностью нормативных и правоприменительных актов; 2) сдерживание, уравновешивание законодательной и исполнительной власти; 3) применение в необходимых случаях мер предупредительного воздействия и мер государственного принуждения; 4) обеспечение общественной и правовой ценности судебных актов как актов правосудия, устанавливающих наличие данного права и факта его нарушения и ликвидирующих конфликт.

Это специфическое направление реализации государственной власти, правосудие, отличается от иных функций правоприменительных и правоохранительных органов тем, что *оно представляет собой самую широко применяемую форму реализации судебной власти, являет собой высший уровень защиты прав и осуществляется посредством точного соблюдения предписанного законом порядка и норм судопроизводства.*

Именно поэтому Конституция РФ и федеральные конституционные законы закрепили право осуществлять правосудие только за судами, что исключает возможность присвоения функций правосудия другими государственными органами и общественными организациями (например, третейские суды не относятся к судебным органам, уполномоченными осуществлять правосудие). Высший уровень защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц достигается соблюдением особого, процессуального порядка рассмотрения и разрешения споров, который максимально обеспечивает установление истины, вынесение справедливого решения по делу, так как процесс при точном его соблюдении гарантирует полную независимость судей при рассмотрении конкретного дела, а значит, объективность и законность судебного акта.

Чтобы ощутить наполненность функции правосудия судебной деятельностью по рассмотрению и разрешению гражданских дел, прибегнем к статистической справке о работе судов общей юрисдикции за 2005 г. [18, с. 59–61]

В 2005 г. всеми судами общей юрисдикции России было рассмотрено 6 млн. 741 тыс. гражданских дел по первой инстанции.

Основной категорией дел в структуре гражданских споров продолжают оставаться споры, возникающие из брачно-семейных отношений, доля которых составляет 14,4% (973 тыс.) от общего числа дел, окончанных производством.

Лидирующей категорией являлись также споры, вытекающие из жилищного законодательства, основную часть которых составляют иски о взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи (1 млн. 10 тыс. дел – 15% от общего числа дел, окончанных производством). Значительное количество составили дела по спорам, связанным с приватизацией жилой площади, – 34,4 тыс. Продолжался рост споров об оплате труда (597,7 тыс. дел). Число споров, связанных с землепользованием, составило 71,8 тыс. дел. В три раза, по сравнению с 2004 г., выросло количество споров, связанных с нарушением пенсионного законодательства (241,3 тыс.). Иски о защите прав потребителей, вытекающих из договоров в сфере торговли, услуг и т.п., – 85,6 тыс. дел.

Доля отказов в приеме исковых заявлений и жалоб составила 1,4% от общего числа обращений в суды общей юрисдикции. Районными судами из общего числа гражданских дел по первой инстанции рассмотрено 1 млн. 907 тыс. дел. Число гражданских дел, рассмотренных мировыми судьями в структуре дел, рассмотренных судами общей юрисдикции, составило 4 млн. 825 тыс. (71,6%). Среднемесячная нагрузка в расчете на одного мирового судью за 12 месяцев 2005 г. с учетом полуторамесячного отпуска составила 70,3 дела.

Для полного количественного учета и анализа дополним среднемесячную нагрузку по уголовным делам на одного мирового судью – 6,3 дела; по делам об административных правонарушениях и другим материалам – 62 дела. О чем говорят эти данные? О том, что правосудие загружено рассмотрением гражданских дел в большом объеме. По преобладающим категориям дел за судебной защитой обращались физические лица, для которых нарушение их прав и законных интересов произошло в жизненно важных сферах деятельности человека, связанных с семейными, трудовыми, жилищными правоотношениями, в сфере социальной защиты пенсионеров.

Отказ в приеме исковых заявлений и жалоб от общего числа обращений небольшой, т.е. функция работала с довольно высоким восприятием озабоченностей жителей России, а суды стремились разобраться с конфликтами и спорами в предусмотренном законом процессуальном порядке. Из предоставленного фрагмента справки следует, что самым загруженным звеном органов судебной власти по гражданским делам являются мировые судьи. Они, как самое «новое» звено в судебной системе, требуют к себе особого внимания со стороны вышестоящих судов с точки зрения упорядочения и нормализации нагрузки, а также нуждаются в консультациях по

правовым вопросам по распространенным категориям дел.

Судя по данным справки, самыми загруженными являются судьи областных судов: их нагрузка на одну штатную единицу судьи за 12 месяцев 2005 г. в расчете на год без учета отпуска составила 285 судебных дел и материалов по уголовным, гражданским делам, материалам судебного контроля и другим материалам, поступившим в первую, кассационную и надзорную инстанции. Это говорит о том, что еще значительное количество граждан уходит из районных судов и от мировых судей не убежденными в правильности принятого в отношении них судебного решения, поэтому обращаются в вышестоящие судебные инстанции для проверки судебного акта, провозглашенного судом первой инстанции. Это ставит задачу – поднять авторитет судебных органов и судей, работающих в них, качество работы судей, изучить причины обжалования, выяснить, связаны ли они с недостатками в личном поведении судей по отношению к участникам процесса, сторонам, обращавшимся в кассационную и надзорную инстанции, или обращения связаны с недостаточной правовой грамотностью судей первого звена.

Представленные статические данные убедительно демонстрируют, что рассмотреть большой объем судебных дел оперативно, профессионально грамотно, объективно, законно, не имея хорошо отработанных процедур, урегулированных процессуальным правом, правосудию было бы не под силу.

Если же к приведенным данным по рассмотрению гражданских дел прибавить более 4 млн. дел об административных правонарушениях, 5,2 тыс. уголовных дел, рассмотренных по первой инстанции областными судами, 722 тыс. уголовных дел, рассмотренных районными судами, 421 тыс. уголовных дел, рассмотренных мировыми судьями [18, с. 59–61], то станет ясно, что судебную власть уже по реализации функции правосудия следует считать состоявшейся, несмотря на ее «молодость», сложности становления и развития, через которые проходило все российское общество, и даже при наличии претензий со стороны граждан России [4, с. 76–78]. Правосудие как функция судебной власти осуществляется в полном объеме, в рамках процессуальных норм, с достаточно результативной работой судебных инстанций, проверяющих качество рассмотрения судебных дел судами первой инстанции. Различные недостатки, просчеты и даже вскрытие злоупотребления, допущенные отдельными судьями, являются основаниями только для разработки мер совершенствования различных аспектов деятельности судей, судов и судебной системы, реализующих функцию судебной власти.

В главе 7 Конституции СССР говорилось только об одной функции, осуществляемой судами, – правосудии. Конституция РСФСР, принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г., претерпевшая шесть изменений до 1992 г., в своей последней редакции от 21 апреля 1992 г. также признавала существование только одной функции судов – правосудия (ст. 163). Хотя первый шаг к признанию принципа разделения государственной власти был сделан (ст. 3) и Конституционный Суд РФ был учрежден как высший орган судебной власти по защите конституционного строя (ст. 165), полномочия его конституционно не были определены и не закреплены так, как это сделано в ст. 125 Конституции РФ 1993 г.

Присвоение гл. 7 Конституции РФ терминологического заглавия «Судебная власть» показало важность отводимой судам роли. Это положило начало росту авторитетности судов как органов государственной власти, означало признание необходимости тех полномочий, которые органам судебной власти предписывалось осуществлять самостоятельно.

Организационно и процессуально все подветви судебной власти между собой связаны слабо. Вменение Конституционному Суду РФ осуществления конституционного контроля в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия предписаний Конституции РФ на всей территории Российской Федерации свидетельствовало о том, что у судебной власти правосудие не единственная функция и *судебная власть отныне приобретает многофункциональный характер*. Осуществляя свои полномочия, Конституционный Суд РФ становится одним из наиболее значимых звеньев системы сдержек и противовесов и представляет собой судебную власть как сильную, независимую, самостоятельную.

Направленная деятельность Конституционного Суда РФ на проверку конституционности принятых законодательными органами законов подчеркивает ее существенное отличие от деятельности судов общей юрисдикции. Об этом определенно высказали свое мнение В.А. Ржевский и Н.М. Чекурнова: «Во всей иерархии ценностей организации судебной власти конституционный контроль занимает особое положение, обеспечиваемое порядком конституционного судопроизводства, что, естественно, неравнозначно осуществлению правосудия» [10, с. 108].

Вместе с тем не все разделяют эту точку зрения. Так, О.Н. Седукина, не оспаривая самостоятельности функции конституционного контроля, считает, что суды смогут выполнить возложенную на них задачу «только при наличии у них

качеств государственной власти, которые, в свою очередь, возникают только при осуществлении судом, наряду с функцией правосудия (основной позитивной функцией), функции судебного-конституционного контроля» [14]. Нам представляется, что суды общей юрисдикции наряду с осуществлением функции правосудия в действительности осуществляют и функцию судебного-конституционного контроля в допустимых законом пределах полномочий, о чем свидетельствуют производимые ими судебные действия, предпринимаемые в процессуальном порядке. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ отмечается: «Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. В соответствии с этим конституционным положением судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия» [9].

В случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации примененный или подлежащий применению по конкретному делу закон, суд, исходя из положений ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о конституционности этого закона. Такой запрос в соответствии со ст. 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» может быть сделан судом первой, кассационной или надзорной инстанции на любой стадии рассмотрения дела.

Суд выносит мотивированное определение (постановление) о необходимости обращения с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации. Запрос оформляется в письменной форме в виде отдельного документа [9]. Таким образом, контроль осуществляется судами на всей территории России при рассмотрении ими конкретных дел. И поскольку функция судебной власти едина по сути своей и по роду выполняемых задач, то не важно, какой из ее органов уполномочен государством принимать окончательное решение. Даже хорошо, что принятое решение, которое может распространяться на неопределенную группу субъектов правоотношений, попадающих под ущербный, возможно, закон, контролируется судебным органом, состоящим из носителей судебной власти высочайшей квалификации и обладающих огромным практическим опытом правоприменения. Здесь имеет место, пожалуй, единственный случай, когда узкая специализация при обширных правовых и общих

знаниях судей оправдывает себя полностью. Прав был В.М. Савицкий, когда в начале становления судебной власти писал, что эта стержневая для всей судебной системы функция должна быть *свойственна в той или иной мере* каждому звену, входящему в систему [13, с. 305].

Важно подчеркнуть главное: все носители судебной власти призываются действовать в относящемся к их юрисдикции правовом пространстве в качестве потенциальных защитников Конституции, хранителей законности и гражданского мира [12, с. 39].

Главная функция Конституционного Суда РФ – обеспечение конституционного контроля, т.е. проверка федеральных законов, других актов на предмет их соответствия Конституции РФ. Эта функция особо выделяется, что проявляется во всех основных сторонах его компетенции, организации и деятельности. Проводя проверку нормативных актов на предмет их соответствия Конституции РФ, суд не устанавливает фактические обстоятельства, исследование которых отнесено к компетенции других правоприменительных органов и лежит в основе их правоустанавливающих решений по конкретным делам, что закреплено в ч. 3 и 4 ст. 3 Закона «О Конституционном Суде»: «Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права.

Конституционный Суд Российской Федерации при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов».

Конституционный контроль, осуществляемый Конституционным Судом РФ, обладает той отличительной особенностью, что гражданин вправе привести в действие механизм защиты прав и свобод, конституционных прав и обязанностей в любой ситуации своей жизнедеятельности, когда он считает, что его права, законные интересы и свободы нарушены или находятся под реальной угрозой их ущемления.

Особенностью реализации функции конституционного контроля является также возможность одновременного осуществления правоприменения и правотворческой деятельности, когда практически создаются новые нормы при проверке конституционности примененного или подлежащего применению по конкретному делу закона на его соответствие Конституции. При этом новые нормоположения имеют силу обязательного исполнения после официального опубликования постановления Конституционного Суда РФ. В связи с этим положение, закрепленное в ст. 3 Закона «О Конституционном Суде РФ», о том, что Суд решает только вопросы права и воздерживается от установления и исследования

фактических обстоятельств, вовсе не означает, что его деятельность всегда носит правотворческий характер, поскольку закон предусмотрел исключения: Конституционный Суд РФ исследует фактические обстоятельства, когда это не входит в компетенцию других судов или иных органов и когда по некоторым вопросам, входящим в компетенцию Конституционного Суда РФ, он окончательно разрешает спор, исключая дальнейшее производство по данному вопросу, что невозможно без исследования фактических обстоятельств дела (например, при разрешении споров о компетенции). Такая деятельность есть правонарушение, без которого конкретный конфликт разрешен быть не может.

На наш взгляд, из предусмотренных Законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» полномочий правоприменительными можно считать:

- разрешение споров о компетенции между органами государственной власти (п. 2 ч. 1 ст. 3);
- заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения против Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (п. 5 ч. 1 ст. 3).

Осуществление указанных полномочий, в отличие от толкования Конституции, проверки конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, носит правоприменительный, а не правотворческий характер и являет собой правосудие. Это свидетельствует о целостности действия функции судебной власти в процессе ее реализации судебными органами государства. В то же время подтверждает, что некоторые сбои, происходящие в деятельности судов, не есть доказательство ущербности самой государственной функции судебной власти, отраженной в Основном законе Российской Федерации.

Судебная власть оформляется в мощную стабилизирующую силу, способную защитить права и свободы граждан, юридических лиц, убедить общество от конфликтов, социальных взрывов благодаря своему особому статусу.

Деятельность суда как органа судебной власти основана на законе и состоит в приложении объективной нормы права, определенной статьи закона к конкретной жизненной ситуации.

Суд, применяя закон, может подчинить действия органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан воле закона и распорядиться ими в соответствии с примененным законом. Исследование показывает, что суть деятельности судебной власти сводится к всестороннему рассмотрению конфликта чело-

века с правом, справедливому его разрешению на основании закона.

Акт судебной власти представляет собой не общевластную норму, а категорическое веление, требование определенного поведения, приказ, в котором выражаются авторитет и сила государства по отношению к конкретным участкам общевластных отношений. В судебном акте выражается воля суда, осуществляющего высший уровень защиты, когда иные формы защиты (обращение в нотариат, адвокатуру, в определенные комиссии и другие органы исполнительной власти, профсоюзные организации, иные общественные структуры и т.д.) не дали должных результатов для человека, гражданина или юридического лица.

Процедуры, продвигающие носителя судебной власти к выработке судебного акта, вынесение и оглашение судебного акта обеспечивают наиболее надежную гарантию его законности, объективности и обоснованности. *А далее получается, что все принципы осуществления правосудия и гарантии вынесения высокообразованными, профессиональными судьями акта судебной власти проводятся только для того, чтобы акт государственной власти высочайшей силы воздействия был передан на исполнение в руки служащего, имеющего (как разрешил закон от 21 июля 1997г. № 118-ФЗ) среднее общее образование, порой не могущего понять особое положение и значимость судебного постановления, а потому исполняемого им наряду со взысканием банковских штрафов, мелких недоимок по налогам, а нередко не обеспечивающего его исполнение ввиду сложности предстоящих исполнительных действий, отдают предпочтение количественному исполнению более «легких» ведомственных исполнительных документов.*

Представляется, что возвращение суду стадии исполнения судебных актов и активизация роли органов судейского сообщества и Судебного департамента при Верховном Суде РФ в формировании кадров, организации работы и деятельности судебных приставов-исполнителей повысит гарантии прав сторон и значительно усилит эффективность исполнения, намного ускорит реальное исполнение судебных актов, что будет свидетельствовать о действительной, полной защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц независимой судебной властью.

По нашему мнению, уместно восстановить порядок, при котором судебный исполнитель (судебный пристав-исполнитель) встречался ежедневно или еженедельно со своим курирующим судьей и обсуждал, консультировался с ним по правовым вопросам и рабочим ситуациям, возникающим на стадии исполнения, докладывал

обстановку, складывающуюся по конкретным исполнительным производствам, а председатель (судья) мог утвердить или одобрить предполагаемый план действий по исполнению конкретных исполнительных документов для полного исполнения и оперативного завершения исполнительного производства.

Дело же, по которому проводится принудительное исполнение, не списывается на хранение в архив и содержится на контроле судьи, рассмотренного дела, и заведующего канцелярией до поступления исполнительного листа с отметками об исполнении, надлежаще заверенными полномочными лицами и печатью. Такой порядок не только более полно обеспечивает права сторон, но и усиливает контроль над потоками денежных средств, взысканных судами и реально поступающими в казну государства (пошлина, штрафы, суммы платежей по расторжению брака). В настоящее время в местных территориальных управлениях нет органа, осуществляющего такой кон-

троль, и множество исполнительных документов возвращается в дело с актом о невозможности исполнения решения, а проверить это никто не может.

Служба же приставов (а не судебных приставов-исполнителей) может продолжить работу по исполнению ведомственных актов, не обжалованных в суд. Таких исполнительных документов в службу поступает великое множество. В штат ведомственной службы приставов можно ввести исполнительных приставов, помимо имеющихся в этой службе приставов порядка, подчиненных исполнительной ветви власти, если последние к тому времени не будут переведены в структуры судебной власти, ради которых они и были сформированы. Содержаться они могут за счет госбюджета (или за счет ведомственных средств, выделяемых в фонд субъекта федерации для обеспечения принудительного исполнения ведомственных актов).

Список литературы

- [1] Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.
- [2] Вишневский Г.А. Единство судебного правоприменения как способ обеспечения верховенства права // <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/01/06/1270397099/2-2011-4.pdf>.
- [3] Ефимичев С.П. Обеспечение прав личности, интересов общества и государства – приоритетная составляющая судебно-правовой реформы // Журнал российского права. 2001. № 11.
- [4] Катанян К. Не скорый и не праведный. Почему граждане России не доверяют судебной системе // Политический журнал. 2006. № 25.
- [5] Крутиков М.Ю. Проблемы функционирования судебной системы в Российской Федерации // Современное право. 2007. № 6.
- [6] Научно-практический комментарий (постатейный) к Конституции Российской Федерации / Под ред. Ю.А. Дмитриева. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2007.
- [7] Обеспечение единообразия судебной арбитражной практики: Интернет-интервью с А.А. Ивановым, Председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // <http://www.consultant.ru/law/interview/ivanov/>.
- [8] Основные принципы независимости судебной власти, принятые Седьмым Конгрессом ООН и одобренные 40 сессией Генеральной Ассамблеи ООН (резолюция 40/146 от 13 декабря 1985 г.).
- [9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», п. 2, 3.
- [10] Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в РФ: конституционные основы организации и деятельности. М., 2005.
- [11] Савельева Т.А. Судебная власть в гражданском процессе. Саратов. 1996.
- [12] Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации. М., 1996.
- [13] Савицкий В.М. Судебная защита прав и свобод человека и гражданина // Права человека: Учебник / Под ред. Е.А. Лукашина. М., 2004.
- [14] Седукина О.Н. К вопросу о нормотворческой деятельности высших судов России // Российский судья. 2004. № 11.
- [15] СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
- [16] СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.
- [17] СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

[18] Статистическая справка о работе судов общей юрисдикции за 2005 год // Судья. 2006. № 5.

[19] Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 51. Ст. 4825.

[20] Энеев А.Х. Организационно-правовые основы деятельности института суда присяжных заседателей в России: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Spisok literatury'

[1] Vedomosti SND RF i VS RF. 1992. № 30. St. 1792.

[2] Vishnevskij G.A. Edinstvo sudebnogo pravoprimereniya kak sposob obespecheniya verhovenstva prava // <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/01/06/1270397099/2-2011-4.pdf>.

[3] Efimichev S.P. Obespechenie prav lichnosti, interesov obshhestva i gosudarstva – prioriternaya sostavlyayushhaya sudebno-pravovoj reformy' // Zhurnal rossijskogo prava. 2001. № 11.

[4] Katanyan K. Ne skory'j i ne pravedny'j. Pochemu grazhdane Rossii ne doveryayut sudebnoj sisteme // Politicheskij zhurnal. 2006. № 25.

[5] Krutikov M.Yu. Problemy' funkcionirovaniya sudebnoj sistemy' v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. 2007. № 6.

[6] Nauchno-prakticheskij kommentarij (postatejny'j) k Konstitucii Rossijskoj Federacii / Pod red. Yu.A. Dmitrieva. M.: ZAO «Yusticinform», 2007.

[7] Obespechenie edinoobraziya sudebnoj arbitrazhnoj praktiki: Internet-interv'y'u s A.A. Ivanovy'm, Predsedatelem Vy'sshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii // <http://www.consultant.ru/law/interview/ivanov/>.

[8] Osnovny'e principy' nezavisimosti sudebnoj vlasti, prinyaty'e Sed'my'm Kongressom OON i odobrenny'e 40 sessiej General'noj Assamblei OON (rezolyuciya 40/146 ot 13 dekabrya 1985 g.).

[9] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 31 oktyabrya 1995 g. № 8 «O nekotory'x voprosax primeneniya sudami Konstitucii Rossijskoj Federacii pri osushhestvlenii pravosudiya», p. 2, 3.

[10] Rzhhevskij V.A., Chepurnova N.M. Sudebnaya vlast' v RF: konstitucionny'e osnovy' organizacii i deyatel'nosti. M., 2005.

[11] Savel'eva T.A. Sudebnaya vlast' v grazhdanskom processe. Saratov. 1996.

[12] Savickij V.M. Organizaciya sudebnoj vlasti v Rossijskoj Federacii. M., 1996.

[13] Savickij V.M. Sudebnaya zashhita prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Prava cheloveka: Uchebnyk / Pod red. E.A. Lukashina. M., 2004.

[14] Sedukina O.N. K voprosu o normotvorcheskoj deyatel'nosti vy'sshix sudov Rossii // Rossijskij sud'ya. 2004. № 11.

[15] SZ RF. 1997. № 1. St. 1.

[16] SZ RF. 1998. № 51. St. 6270.

[17] SZ RF. 2002. № 11. St. 1022.

[18] Statisticheskaya spravka o rabote sudov obshhej yurisdikcii za 2005 god // Sud'ya. 2006. № 5.

[19] Federal'ny'j konstitucionny'j zakon ot 31 dekabrya 1996 g. № 1-FKZ «O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2000. № 51. St. 4825.

[20] E'neev A.X. Organizacionno-pravovy'e osnovy' deyatel'nosti instituta suda prislyazhny'x zasedatelej v Rossii: Diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2007.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

DOI: 10.24412/2224-9125-2022-3-58-64
NIION: 2021-0079-3/22-023
MOSURED: 77/27-025-2022-03-023

НЕСМЕЯНОВА Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук,
доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности ФГБОУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЖИЛИЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена особенностям защиты прав участников долевого строительства многоквартирных домов. В последние годы наблюдается стремительное развитие жилищного законодательства, появление и развитие новых институтов. О защите прав потребителей можно говорить в различных аспектах применения жилищного законодательства к конкретным правоотношениям. Это и отношения по предоставлению коммунальных услуг, и отношения по капитальному ремонту, и другие. В настоящей статье уделено внимание обеспечению прав участников долевого строительства.

Ключевые слова: рынок недвижимости, защита прав потребителей, долевое строительство, судебная практика разрешения споров, потребительский экстремизм, злоупотребление правами.

NESMEYANOVA Irina Alekseevna,
Candidate of Law Sciences,
associate professor Departmenta
of legal regulation economic activity
of FGOBOU WAUGH «Financial university in case
of Government of the Russian Federation»

THE PROTECTION IN HOUSING LEGAL RELATIONSHIP

Annotation. Article is devoted to features of protection of the rights of participants of shared-equity construction of apartment houses. In recent years, there has been a rapid development of housing legislation, the emergence and development of new institutions. Consumer protection can be mentioned in various aspects of the application of housing legislation to specific legal relations. This is the relationship to provide utilities, and the relationship to overhaul, and others. This article pays attention to ensuring the rights of participants in shared construction.

Key words: real estate market, consumer protection, shared-equity construction, jurisprudence of settlement of disputes, consumer extremism, abuse of the rights.

Договор участия в долевом строительстве имеет свои особенности: а) субъекты договора: застройщик и гражданин – участник долевого строительства; б) цель привлечения денежных средств участников долевого строительства: строительство застройщиком многоквартирных домов и иных объектов недвижимости для участников долевого строительства; в) предмет договора: деятельность застройщика по созданию объекта недвижимого имущества и передаче его участникам долевого строитель-

ства; г) установление обеспечения прав участников долевого строительства, включающее:

- государственную регистрацию договора участия в долевом строительстве (с предоставлением: 1) разрешения на строительство; 2) проектной декларации; 3) плана создаваемого объекта недвижимого имущества с указанием его местоположения и количества находящихся в составе создаваемого объекта недвижимого имущества жилых и нежилых помещений и планируемой площади каждого из указанных помещений; 4) дого-

вора страхования гражданской ответственности застройщика за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по передаче жилого помещения по договору участия в долевом строительстве или договора поручительства за надлежащее исполнение застройщиком обязательств по передаче жилого помещения по договору участия в долевом строительстве и др.);

- распространение на регулирование отношений участников долевого строительства законодательства о защите прав потребителей и другие;

д) закрепление в Федеральном законе от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ) исключительного приоритета договорной формы долевого участия на жилое помещение с участием граждан перед другими договорными формами в случаях, если в результате исполнения договора у граждан должно возникнуть право собственности на жилое помещение в строящемся (создаваемом) многоквартирном доме (далее – ФЗ от 29.12.2015 № 382-ФЗ) [10].

Федеральным законом от 03.07.2016 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»» (далее – ФЗ от 03.07.2016 № 304-ФЗ) было установлено, что в целях дополнительной защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства, обязательства перед которыми не исполняются застройщиками, в отношении которых арбитражным судом введены процедуры, применяемые в деле о банкротстве, по решению Правительства РФ может быть создан фонд, средства которого формируются за счет обязательных отчислений (взносов) застройщиков. Согласно проекту Постановления Правительства РФ «О компенсационном фонде долевого строительства» с 1 января 2017 г. застройщики станут осуществлять обязательные отчисления (взносы) в Фонд единого института развития в отношении многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, если государственная регистрация договора участия в долевом строительстве таких объектов недвижимости с первым участником долевого строительства осуществляется после 1 января 2017 г. Взносы будут уплачиваться одновременно до государственной регистрации договора участия в долевом строительстве с первым участником долевого строительства. Предусматривается, что средства компенсационного фонда будут использоваться на выплату возме-

щения участникам долевого строительства, предоставление займов застройщику, который станет приобретателем имущества обанкротившегося застройщика, в целях завершения строительства объектов и исполнения обязательств по передаче жилых помещений в указанных объектах участникам долевого строительства [4]. Способы защиты гражданских прав предусмотрены ст. 12 ГК РФ и другими законодательными актами: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности; возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсация морального вреда и др. При нарушении своих прав потребители могут использовать общие способы, а также специальные меры, предусмотренные в особенной части ГК РФ по отдельным обязательствам и в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1).

Конституционный Суд РФ в Определениях от 05.11.1999 № 182-О и от 03.02.2000 № 22-О указал, что «ни один федеральный закон в силу статьи 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой» [10].

Законодатель возлагает на «сильную» сторону договора повышенную ответственность за нарушение прав потребителей в виде достаточно высокой неустойки по Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1, а также путем возложения ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 401 ГК РФ (нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств).

В мотивировочной части одного из решений судов по этому поводу сказано, что законодатель установил повышенную ответственность за нарушение обязательств стороной, осуществляющей предпринимательскую, в том числе строительную, деятельность, распространил действие Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 на отношения по участию граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и тем самым предоставил им право требовать возмещения морального вреда за нарушение соответствующих обязательств [1]. Что касается участника долевого строительства – потребителя, то можно отметить планомерное усиление защиты его прав со стороны законодателя. Например, в ст. 1 ФЗ от 03.07.2016 № 304-ФЗ предлагается дополнить статью 7 ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ частью 8 следующего содержания: «За нарушение срока устранения недостатков (дефектов) объекта

долевого строительства... застройщик уплачивает гражданину – участнику долевого строительства, приобретающему жилое помещение для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере, определяемом п. 1 ст. 23 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1. Если недостаток (дефект) указанного жилого помещения, являющегося объектом долевого строительства, не является основанием для признания такого жилого помещения непригодным для проживания, размер неустойки (пени) рассчитывается как процент от стоимости расходов, необходимых для устранения такого недостатка (дефекта)».

Неустойка имеет двойное значение, одновременно являясь и способом обеспечения исполнения обязательств, и мерой гражданско-правовой ответственности, что объясняет ее наибольшую распространенность среди других механизмов обеспечения исполнения обязательств. Однако в целом судебная практика разрешения споров в рассматриваемой области неоднозначна.

Так, Измайловский суд г. Москвы при рассмотрении дела по иску Я. и Я. к ЗАО «СФК «Реутово»» о взыскании неустойки за нарушение предусмотренного договором участия в долевом строительстве срока передачи объекта долевого строительства не принял доводы истцов, просивших о взыскании неустойки на основании Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1, и взыскал с застройщика в их пользу неустойку, предусмотренную ч. 2 ст. 6 ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ.

Суд сослался на ч. 9 ст. 4 ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ, согласно которой к отношениям, вытекающим из договора, заключенного гражданином – участником долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, законодательство Российской Федерации о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ. Взыскание с застройщика в пользу участника долевого строительства неустойки за нарушение срока передачи объекта долевого строительства предусмотрено в ст. 6 ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ [5].

Несколько иная позиция суда усматривается при исчислении размера неустойки, в частности, при рассмотрении дел по требованиям о безвозмездном устранении в разумный срок выявленных в течение гарантийного срока недостатков в объекте долевого строительства, о возмещении расходов на их устранение, предъявленных гражданами – участниками долевого строительства, заключившими договор

исключительно для личных, семейных и иных домашних нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В подобных случаях размер взыскиваемой неустойки за нарушение соответствующих сроков определяется в соответствии с п. 5 ст. 28 Закона РФ 1-2300 № 07.02.1992.

Так, в соответствии с договором уступки права требования между ЗАО «С», ООО «Н-А» и К. по обязательствам, вытекающим из заключенного ранее между названными организациями договора участия в долевом строительстве квартиры в многоквартирном доме, застройщиком – ЗАО «С», указанная квартира передана К. Во время гарантийного срока в квартире выявлены недостатки, приведшие к ухудшению ее качества, в связи с чем К. на основании ч. 2 ст. 7 ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ обратился к ЗАО «С» с заявлением об их устранении. ЗАО «С» не признало наличие недостатков и отказалось их устранять. Волжским городским судом Республики Марий Эл признаны обоснованными требования К. о взыскании с ЗАО «С» расходов на устранение недостатков в квартире. Кроме того, суд взыскал с ответчика неустойку за просрочку исполнения обязательства по возмещению расходов на их устранение, рассчитав ее размер на основании п. 1 ст. 31 и п. 5 ст. 28 Закона РФ 07.02.1992 № 2300-1 с применением ст. 333 ГК РФ [5].

Анализируя данную ситуацию, можем согласиться с мнением А. Крылова, подчеркивающего, что важно также привлекать в суде при рассмотрении конкретных требований дольщика подрядчика, допустившего строительные недостатки. Это позволит и минимизировать судебные расходы в соответствующем процессе, возложив обязанности доказывать отсутствие строительных недостатков на подрядчика, и впоследствии предъявить регрессное требование к подрядчику [2].

В судебной практике возник вопрос о том, насколько законно условие, что плановый срок окончания строительства может быть продлен в соответствии с распоряжением соответствующих органов государственной власти, и имеет ли в данном случае «дольщик» право на расторжение договора и возврат уплаченных денежных средств в случае нарушения строительной компанией срока передачи квартиры согласно договору, но при условии распоряжения государственного органа о продлении планового срока окончания строительства [3].

Как показала судебная практика, данный момент вполне законный. Так, суд, рассмотрев требование истца о расторжении договора в связи с существенным нарушением ответчиком условий договора о сроке окончания строительства объекта и возврате уплаченных денежных

средств, неустойки за просрочку передачи квартиры, компенсации морального вреда и штрафа по Закону РФ 07.02.1992 № 2300-1, признал требования истца необоснованными, сославшись на то, что в договоре присутствует пункт, по которому плановый срок окончания строительства может быть продлен в соответствии с распоряжением соответствующих органов государственной власти. Согласно условиям договора, строительная компания обязана передать «дольщику» квартиру в течение 60 рабочих дней со дня утверждения акта сдачи объекта государственной приемочной комиссией. Судом установлено, что срок реализации инвестиционного проекта по строительству дома продлен до сентября 2013 г. в соответствии с постановлением Правительства Санкт-Петербурга, что позволяют условия заключенного договора. Поэтому требования истца необоснованны и удовлетворению не подлежат [8].

Положение потребителя в правоотношениях долевого строительства не может ухудшаться, но может улучшаться.

Так, в соответствии с п. 5.1 договора о переуступке доли от 12.03.2004, заключенного гражданином С. с ООО «С.», организация гарантировала отсутствие претензии на спорную квартиру со стороны третьих лиц, а в противном случае обязалась вернуть истцу все выплаченные денежные средства в двойном размере. Впоследствии фирма-застройщик ООО «Р.» в письменной форме сообщила истцу, что квартира ранее была продана другому лицу. При вынесении решения Промышленный суд г. Самары установил, что ООО «С.» нарушило п. 5.1 договора о переуступке доли, и обоснованно взыскал сумму по договору в двойном размере (Справка Самарского областного суда от 20.04.2006 «О результатах изучения судебной практики по спорам, связанным с долевым участием в строительстве жилья») [10].

Существующие на день открытия наследства участника долевого строительства имущественные права и обязанности, основанные на договоре, заключенном в соответствии с ФЗ 30.12.2004 № 214-ФЗ, входят в состав наследства участника долевого строительства.

В отношениях, связанных с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, урегулированных ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ, участвуют две стороны: застройщик и гражданин – участник долевого строительства, поэтому целесообразно уделить внимание не только защите прав одной из сторон правоотношения – потребителю, но и другой стороне правоотношения – застройщику.

В Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Закон

Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»» (далее – Законопроект) говорится о кардинальном изменении отношения к участникам правоотношений по долевому строительству и отмечается, что в течение 1990-х – начале 2000-х гг., то есть в период, характеризующийся началом перехода России от административно-командной к рыночной экономике, отсутствовало законодательное регулирование сложившихся в реальности экономических отношений, в сфере жилищного строительства отмечалось недобросовестное поведение застройщиков, заключавшееся в многократных продажах одних и тех же будущих квартир при долевом строительстве жилья, долгостроях, банкротстве застройщиков. Имеющиеся проблемы, а также высокая социальная значимость жилищного строительства привели к необходимости жесткого законодательного регулирования указанной сферы, в связи с чем ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ на застройщика была возложена вся полнота ответственности, в то же время обязанности граждан – участников долевого строительства были минимизированы как по количеству, так и по существу. В дополнение к существенному объему прав дольщиков правоприменительная практика встала на путь применения к этим правоотношениям Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1, характерной чертой которого является большая правовая защита физических лиц по сравнению с производителями товаров (работ, услуг), к которым относятся и застройщики. При этом судебная практика показывает, что данный Закон РФ применяется судами и в тех случаях, когда физическое лицо приобретает право не на квартиру, а на коммерческую недвижимость в многоквартирном доме. В настоящее время сфера жилищного строительства стабилизировалась, правонарушения в этой области приобрели разовый характер. Тем не менее сокращения числа исков граждан – участников долевого строительства о взыскании денежных средств с застройщиков не наблюдается. Свои требования потребители основывают на следующих фактах: несоответствие площади по договору долевого участия в строительстве фактической площади переданного застройщиком помещения, наличие строительных недостатков в переданном помещении, несвоевременная передача помещения инвестору застройщиком, отсутствие добровольного удовлетворения ранее направленной претензии потребителя. Причем размер требований дольщиков может быть кратным стоимости приобретаемого ими жилья. Возможность в законном

порядке взыскать с застройщика значительные суммы денежных средств породила новое направление для злоупотребления правом – потребительский экстремизм. При этом разграничить потребительский экстремизм и защиту прав потребителя можно, разделив цели, которые преследуются потребителями в каждом из этих случаев. Если для защиты прав потребителя характерной целью будет восстановление нарушенного права и компенсация реально понесенных убытков, то для потребительского экстремизма целью обращения в суд является обогащение. В данном случае суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления может отказать лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применить иные меры, предусмотренные законом (ст. 10 ГК РФ).

Таким образом, целью предлагаемого Законопроекта является восстановление баланса прав и законных интересов участников долевого строительства и застройщиков-организаций, осуществляющих строительство многоквартирных домов с привлечением денежных средств участников долевого строительства. Чтобы исключить недобросовестное поведение потребителей-дольщиков, в рамках законопроекта предлагается:

- ввести законодательное определение понятия злоупотребления правами потребителей;
- установить, что суд при удовлетворении требований потребителя взыскивает с «продавца» штраф в пользу потребителя только за виновное несоблюдение «продавцом» в добровольном, т.е. досудебном, порядке удовлетворения требований потребителя;

- установить, что при наличии факта злоупотребления правами потребителей суд отказывает потребителю в защите соответствующего права полностью или частично в зависимости от обстоятельств дела;

- установить, что неустойка, штраф, пеня за нарушение сроков выполнения работ может быть взыскана из расчета не из общей цены выполнения работы (оказания услуги), но и ее части, в отношении которой заявлено требование;

- установить, что отказ участника долевого строительства от приемки объекта долевого строительства возможен в случае выявления только тех недостатков, которые препятствуют его принятию [9].

На состоявшемся 24.07.2015 заседании Совета при Президенте России по жилищной политике и повышению доступности жилья обсуждался вопрос изменений на российском рынке недвижимости. Было отмечено, что к 2020 г. Правительство РФ планирует полностью отказаться от существующей схемы долевого строи-

тельства, запретив застройщикам продавать объекты до их ввода в эксплуатацию. В соответствии с этой схемой покупатель, застройщик и банк будут заключать трехсторонний договор, по которому средства дольщиков должны будут поступать на спецсчет в банке, а из банка направляться на проектное финансирование. Предлагаемые изменения предусматривают замену страхования гражданской ответственности застройщика банковской гарантией. При этом застройщик сможет привлекать средства граждан в размере, не превышающем сумму гарантии [11].

1. Из этого можно сделать следующие выводы:
2. Подход к вопросам обеспечения прав потребителей в жилищной сфере основывается на сочетании административных и гражданско-правовых механизмов их защиты.
3. Для защиты прав участников долевого строительства применяются субсидиарно, в части, не урегулированной ФЗ от 30.12.2004 № 214-ФЗ, положения Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».
4. В целом существующая судебная практика разрешения споров в области долевого строительства неоднозначна. На текущий момент назрела острая потребность в установлении единообразного подхода к разрешению спорных правоотношений из договоров долевого участия в строительстве.
5. Законодатель установил повышенную ответственность за нарушение обязательств стороной, осуществляющей предпринимательскую деятельность, распространив действие Закона РФ 07.02.1992 № 2300-1 на отношения по участию граждан в долевом строительстве многоквартирных домов [6].
6. В настоящее время назрела необходимость в урегулировании правоотношений в сфере долевого строительства жилья для исключения злоупотребления дольщиками правами потребителей и внесения изменений в действующее законодательство, направленных на защиту сторон долевого строительства в равной степени, что будет соответствовать принципам гражданского законодательства.

Вопросы, связанные с комплексным разрешением проблемы перехода к устойчивому функционированию и развитию жилищной сферы, обеспечивающей доступность жилья для граждан, а также безопасные и комфортные условия проживания в нем, определены в качестве приоритетных направлений государственной политики в жилищном секторе экономики. Соответствующая деятельность, связанная с практическим применением комплекса ограничительных,

предупредительных и профилактических мер, призванных не допустить нарушений соответствующих прав граждан и ущемление их законных интересов в сфере жилищного строитель-

ства, рассматривается как один из важнейших элементов государственных гарантий жилищных прав граждан Российской Федерации [7].

Список литературы:

[1] Кархалев Д.Н. Способы защиты прав потребителей // Мировой судья. 2016. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Крылов А. Потребительский экстремизм дольщиков // ЭЖ-Юрист. 2015. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Кузьмак Р. Изменение сроков и признание договора долевого участия недействительным: как защитить права дольщиков // Жилищное право. 2014. № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Новое в российском законодательстве. Архив с 15 августа по 3 ноября 2016 года // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013; ред. от 04.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Письмо Роспотребнадзора от 08.02.2006 № 0100/1260-06-32 «О повышении эффективности работы, связанной с обеспечением защиты прав потребителей в сфере жилищного строительства и при предоставлении жилищно-коммунальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Постановление Законодательного собрания Ленинградской области от 22.10.2014 № 1193 «О законодательной инициативе Законодательного собрания Ленинградской области по внесению в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в часть 2 статьи 49 Градостроительного кодекса Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда по делу № 44г-12/14 от 05.02.2014 СПС КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] 2014. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SARB;n=60464>.

[9] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Рузанова В.Л., Сокол П.В. Законодательство о долевом строительстве и о защите прав потребителей: проблемы соотношения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Шабанов А. Риски покупателей при заключении договора // ЭЖ-Юрист. 2015. № 33 // СПС «КонсультантПлюс».

Spisok literatury:

[1] Karxalev D.N. Sposoby' zashhity' prav potrebitelej // Mirovoj sud'ya. 2016. № 3 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[2] Kry'lov A. Potrebitel'skij e'kstremizm dol'shhikov // E'Zh-Yurist. 2015. № 8 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[3] Kuz'mak R. Izmenenie srokov i priznanie dogovora dolevogo uchastiya nedejstvitel'ny'm: kak zashhitit' prava dol'shhikov // Zhilishhnoe pravo. 2014. № 6 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[4] Novoe v rossijskom zakonodatel'stve. Arxiv s 15 avgusta po 3 noyabrya 2016 goda // SPS «Konsul'tantPlyus».

[5] Obzor praktiki razresheniya sudami sporov, vznikayushhix v svyazi s uchastiem grazhdan v dolevom stroitel'stve mnogokvartirny'x domov i iny'x ob"ektov nedvizhimosti (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 04.12.2013; red. ot 04.03.2015) // SPS «Konsul'tantPlyus».

[6] Pis'mo Rospotrebnadzora ot 08.02.2006 № 0100/1260-06-32 «O povы'shenii e'ffektivnosti raboty', svyazannoy s obespecheniem zashhity' prav potrebitel'ey v sfere zhilishhnogo stroitel'stva i pri predostavlenii zhilishhno-kommunal'ny'x uslug» // SPS «Konsul'tantPlyus».

[7] Postanovlenie Zakonodatel'nogo sobraniya Leningradskoj oblasti

ot 22.10.2014 № 1193 «O zakonodatel'noj iniciative Zakonodatel'nogo sobraniya Leningradskoj oblasti po vneseniyu v Gosudarstvennuyu Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii proekta federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v chast' 2 stat'i 49 Gradostroitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii"» // SPS «Konsul'tantPlyus».

[8] Postanovlenie Prezidiuma Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda po delu № 44g-12/14 ot 05.02.2014 SPS Konsul'tantPlyus // [E'lektronny'j resurs] 2014. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SARB;n=60464>.

[9] Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii "O zashhite prav potrebitel'ey" i Federal'ny'j zakon "Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirny'x domov i iny'x ob"ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenij v nekotory'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii"» // SPS «Konsul'tantPlyus».

[10] Ruzanova V.L., Sokol P.V. Zakonodatel'stvo o dolevom stroitel'stve i o zashhite prav potrebitel'ey: problemy' sootnosheniya // Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika. 2010. № 5 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[11] Shabanov A. Riski pokupatelej pri zaklyuchenii dogovora // E'Zh-Yurist. 2015. № 33 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

DOI: 10.24412/2224-9125-2022-3-65-66
NIION: 2021-0079-3/22-023
MOSURED: 77/27-025-2022-03-023

ПОТОЦКИЙ Николай Карлович,
проректор Института
международного права и экономики
им. А.С. Грибоедова по научной работе,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ АСОЦИАЛЬНЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Разрушительные последствия системного экономического кризиса и центробежных процессов в государственном строительстве породили в стране за последние 25 лет принципиально новые, не имеющие аналогов в России XX века виды преступлений. Это и политический, национальный и религиозный терроризм, масштабная коррупция, организованная преступность, криминальная миграция, наркобизнес, торговля людьми и оружием.

Ключевые слова: право, правовая норма, экономический кризис, правовое государство, коррупция, терроризм, экономическая политика, закон.

POTOTSKY Nikolay Karlovich,
the vice rector of the Institute
of International Law and Economy
of A.S. Griboyedov on scientific work,
the doctor of jurisprudence, professor

ABOUT THE ESTABLISHMENT OF ASOCIAL STANDARDS OF BEHAVIOUR IN THE ECONOMIC SPHERE

Annotation. Destructive consequences of a system economic crisis and centrifugal processes in the state construction generated in the country for the last 25 years essentially new, not reckoning analogs in Russia the XX century of crimes. It and political, national and religious terrorism, large-scale corruption, organized crime, criminal migration, drug trafficking, human trafficking and weapon.

Key words: right, precept of law, economic crisis, constitutional state, corruption, terrorism, economic policy, law.

Переход к рыночным отношениям, реорганизация российской экономики, зарождение нового класса отечественных предпринимателей, формирование отдельных форм собственности поставили непростые задачи перед законодателями, ведь без четко разработанной нормативной правовой базы, без эффективно действующих законов немыслима ни одна реформа.

При этом приходится признавать, что нынешний ход рыночных преобразований не находит поддержки у большинства населения России. Крайнее недовольство и раздражение у людей вызывают не только задержки в выплате заработной платы, мизерные пенсии, высокий рост цен, но и преступное обогащение российских нуворишей, новоявленных» хозяев жизни «,

которые ничего общего с добросовестным предпринимательством, как правило не имеют. Нет ничего удивительного в том, что одни лишь слова «банк», «бизнес», «реформа», «предприниматель», «биржа» у многих вызывают только негативную реакцию и ассоциируются непременно с чем-то противозаконным.

Разрушительные последствия системного экономического кризиса и центробежных процессов в государственном строительстве породили в стране за последние 25 лет принципиально новые, не имеющие аналогов в России XX века виды преступлений. Это и политический, национальный и религиозный терроризм, масштабная коррупция, организованная преступность, криминальная миграция, наркобизнес, торговля людьми и оружием. Заметно активизирова-

лась работа по выявлению преступлений в кредитно-финансовой сфере, внешнеэкономической деятельности, на потребительском рынке.росло количество преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере. Преступность в сфере малого предпринимательства является разновидностью экономической преступности, уровень которой после принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года также постоянно возрастает. Вместе с тем, истинные масштабы рассматриваемой преступности, в силу ее высокой латентности, значительно превышают регистрируемый уровень, прогноз ее тенденций в ближайшем будущем также не внушает оптимизма.

Выявленные факты криминальных посягательств составляют только незначительную часть всего объема преступности рассматриваемых видов. Сложившаяся ситуация связана со следующим.

Во-первых, конструктивные особенности статей раздела УК «Преступления в сфере экономики», слабые санкции за предусмотренные в этих статьях деяния, делают указанные нормы малоэффективными, в силу чего потерпевшие не желают втягиваться в длительный и сложный по этим делам уголовный процесс, поскольку наказание виновных в итоге будет, на взгляд потерпевших, неадекватным тяжести содеянного.

Во-вторых, при применении указанных статей существует много трудностей, связанных с разъяснением понятий, включенных в упомянутые уголовно-правовые нормы, определением того нормативно-правового материала (поскольку большинство норм бланкетные), который необходимо использовать при квалификации рассматриваемых деяний.

Немало трудноразрешимых вопросов возникло и в практике предупреждения рассматриваемых деяний из-за недостаточной теоретической разработанности и эмпирического изучения криминологической характеристики исследуемых видов преступности, личности преступника, факторов, наиболее существенно воздействующих на преступность в экономической сфере.

В этих условиях особая роль отводится уголовному законодательству. Ранее, будучи мощным средством защиты социалистической экономики и административно-командной системы, оно являлось сдерживающим фактором экономического развития страны, карая за скупку и перепродажу товаров, частно-предпринимательскую деятельность, коммерческое посредничество и за ряд других действий рыночных отношений.

На современном этапе развития России уголовное законодательство столкнулось с весьма сложной для себя проблемой: как в условиях либерализации экономики воспрепятствовать бурному росту экономической преступности и криминализации общества в целом, как предотвратить “захват” преступными кланами финансовую сферу, являющейся “кровеносной системой” государства и достаточно ли в этой сфере только лишь уголовно-правовых методов?

Практика работы правоохранительных органов свидетельствует о том, что финансовая сфера стала главной целью организованной российской преступности, так как именно здесь возможно получение баснословных криминальных доходов, без особого для себя риска, а, значит, и борьба с финансовыми преступлениями должна стать одной из первоочередных задач государства.

ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются точки зрения ученых и позиция законодателя относительно основного предназначения прокурора при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации, высказываются собственные суждения автора. Вопрос об уголовно-процессуальных функциях является сегодня одним из самых спорных и дискуссионных среди ученых-процессуалистов. Хотя, как мы уже указывали, в уголовно-процессуальной науке достигнуто в целом единство мнений относительно определения дефиниции «уголовно-процессуальная функция», под которой понимаются основные направления, виды процессуальной деятельности в уголовном судопроизводстве, однако до сих пор нет единства мнений относительно количества функций.

Ключевые слова: прокурор, деятельность, уголовное судопроизводство, государственное обвинение, судебное производство.

SEMENENKO Mariya Eduardovna,
Candidate of Law Sciences,
senior prosecutor of the Moscow Prosecutor's Office

THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR IN JUDICIAL PROCEEDINGS

Annotation. In article the points of view of scientists and a line item of the legislator of rather main destination of the prosecutor are considered when reviewing criminal cases by courts of the Russian Federation, own opinions of the author express. The issue of criminal procedure is one of the most controversial and debatable among procedural scholars today. Although, as we have already pointed out, in the field of criminal procedure there is generally consensus on the definition of «criminal procedure,» which refers to the main areas, types of procedural activities in criminal proceedings, there is still no consensus on the number of functions.

Key words: prosecutor, activities, criminal legal proceedings, state charge, judicial proceedings.

Понятие «обвинение» не является однозначным, в уголовно-процессуальной науке различают обвинение в материально-правовом смысле слова и обвинение в процессуальном смысле. Определение места и роли государственного обвинения в числе других уголовно-процессуальных функций, а также его сущности, содержания и структуры целесообразно осуществлять с точки зрения системного анализа. Как указывал В.М. Савицкий, «поддержание государственного обвинения в суде есть продолжение уголовно процессуального преследования лица, которому предъявлено обвинения в преступлении, то есть деятельность уголовно-процессуальная, регламентированная, представляющая собой разновидность уголовно-процессуальной функции обвинения, осуществляемая в специфических условиях судебного разбирательства» [19, с. 59].

Прокурор является участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения и относится к категории особых должностных лиц, уча-

ствующих в уголовном процессе. Особое положение прокурора обусловлено тем обстоятельством, что именно на него возложено осуществление полномочий от имени государства как на единственного представителя государственного органа – Прокуратуры Российской Федерации. Поскольку предметом данного исследования является деятельность прокурора в судебном производстве, представляет интерес позиция законодателя относительно основного предназначения прокурора при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации, сформулированная им в ч. 3 ст. 37 УПК РФ, где сказано, что в ходе судебного производства прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Направления деятельности прокурора собственно в уголовном судопроизводстве как участника уголовного процесса также представляют собой *триединство, заключающееся в осуществлении уголовного преследования, надзоре за деятельностью органов расследования, госу-*

дарственном обвинении. Эти три направления образуют функциональную характеристику деятельности прокурора в уголовном процессе первой инстанции.

Определяя основные направления деятельности прокурора в уголовном процессе, законодатель не употребляет термин «функция», хотя в словарях это понятие определено именно как деятельность, назначение [22, с. 755] либо обязанность, круг деятельности, роль [12, с. 746]. Следует констатировать, что в уголовно-процессуальной науке считается устоявшимся суждение о том, что уголовно-процессуальные функции следует понимать именно как отдельные направления, виды процессуальной деятельности [25, с. 189, 190; 9, с. 75].

Определяя основные направления деятельности прокурора в судебном производстве, мы фактически определяем и говорим о сущности и содержании уголовно-процессуальных функций прокурора, возложенных на него законодателем при рассмотрении уголовных дел судами.

Обращение к понятию «функция» при исследовании проблемы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами глубоко закономерно, ибо функция означает служебную роль (назначение) одного из элементов социальной системы по отношению к другому (другим) или системе в целом. Это одна из наиболее существенных характеристик субъектов социальной практики [6, с. 103].

Характеристика функции или функций любого из них (в данном исследовании одного из участников уголовного судопроизводства прокурора) указывает на его социальный и правовой статус, дает представление о его полномочиях, правах и обязанностях, а главное – о направленности и содержании деятельности. Прокурор, поддерживающий в суде обвинение, является элементом системы, которая с разной степенью юридической точности может быть обозначена понятиями «уголовное судопроизводство», «правосудие», «уголовная юстиция». При системном анализе первостепенное значение имеет познание того, чему служит элемент системы в рамках целого. Это требует обращения к функциональным признакам, к анализу служебной роли данного элемента, раскрытие которой позволяет уяснить, как он (этот элемент) действует, что именно делает для достижения целей системы.

Вопрос об уголовно-процессуальных функциях является сегодня одним из самых спорных и дискуссионных среди ученых-процессуалистов. Хотя, как мы уже указывали, в уголовно-процессуальной науке достигнуто в целом единство мнений относительно определения дефиниции «уголовно-процессуальная функция», под кото-

рой понимаются основные направления, виды процессуальной деятельности в уголовном судопроизводстве, однако до сих пор нет единства мнений относительно количества функций.

Основываясь на традициях российского уголовного процесса, М.С. Строгович выделял три основные функции уголовного судопроизводства: обвинение (или уголовное преследование), защита, разрешение дела [25, с. 189–200; 27, с. 15].

В разные годы ученые-процессуалисты, занимавшиеся проблемой уголовно-процессуальных функций, предлагали и исследовали большее количество функций. Например, М.П. Кан предлагал помимо трех указанных функций относить к ним обеспечение участникам процесса их прав и законных интересов, а также предупреждение преступлений [7]. По мнению А.Г. Халиуллина, существует не три, а двенадцать уголовно-процессуальных функций [33, с. 25].

Как представляется, в данном исследовании нецелесообразно указывать всех ученых-процессуалистов, которые в разные годы и по различным основаниям отстаивали позицию существования большего количества уголовно-процессуальных функций в уголовном судопроизводстве. Достаточно констатировать, что подобное явление имеет место в уголовно-процессуальной науке. Однако следует отметить, что с принятием уголовного процессуального закона Российской Федерации данный вопрос приобрел некую определенность. Несмотря на то что сама дефиниция так и не разъясняется законодателем в тексте закона, не остается сомнений в том, что в уголовном судопроизводстве законодатель выделяет именно три функции: обвинение, защиту и разрешение уголовного дела. Данный вывод следует из анализа ст. 15 УПК РФ, где именно эти три функции указаны законодателем, при этом подчеркивается их самостоятельность, поскольку сказано, что они отделены друг от друга и не могут быть возложены на одно и то же лицо или орган. При этом заметим: речь идет не о подчинении одной функции другой либо об основных и вспомогательных функциях уголовного процесса. Напротив, подчеркивается, что указанные функции равноправны между собой. Выделяя три основные функции уголовного судопроизводства, законодатель исходил из трех основных направлений процессуальной деятельности всех участников процесса.

Необходимо отметить, что в юридической литературе понятие «функция» используется в различных отношениях и контекстах. В общей теории права выделяются функции права в целом [11, с. 226–281], в отраслевых юридических науках – функции отдельных отраслей права (законо-

дательства). Рассматриваются также функции различных звеньев правоохраны, отдельных субъектов правоохранительной деятельности [28, с. 7–9; 15, с. 246, 252, 267, 271; 16]. Следует заметить, что в уголовно-процессуальном законе РФ законодатель распределил субъектов уголовного процесса, разделив их на группы с учетом их функциональной направленности.

Представляет научный интерес точка зрения некоторых видных ученых-процессуалистов, которые наряду с основными уголовно-процессуальными функциями предлагают выделять дополнительные. С их точки зрения, выделения лишь трех функций в уголовно-процессуальной деятельности недостаточно. Так, например, П.С. Элькин в 1963 г. предлагала выделять основные уголовно-процессуальные функции, среди которых указывала на функцию обвинения, защиты и судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела, связав эту функцию с компетенцией суда, а также вспомогательные (деятельность переводчика, экспертов, свидетелей, понятых, секретарей судебных заседаний и т. д.) и побочные (деятельность гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей) [37, с. 54]. Такой же позиции в разные годы придерживались и другие исследователи, занимающиеся проблемой уголовно-процессуальных функций (И.В. Тыричев [30, с. 74], В.В. Шимановский [36, с. 175], А.М. Ларин [8, с. 29], М.П. Кан [7, с. 14], А.Г. Халиуллин [34, с. 9], Ф.М. Ягофаров [39, с. 32], Э.Г. Дусейнова [5, с. 89] и многие другие). Однако, с нашей точки зрения, указанные авторы смешивали функции как основные направления деятельности в уголовном судопроизводстве с функциями конкретных участников процесса.

Если бы законодатель пошел по пути определения количества функций уголовного судопроизводства с учетом роли и назначения каждого участника уголовного процесса, то число функций уголовного судопроизводства сравнялось бы с количеством участников процесса, а возможно, даже превзошло бы его. Данная позиция, возможно, и имела бы право на существование и даже в некотором роде имеет определенный смысл с точки зрения значимости роли участников процесса в уголовном судопроизводстве. Однако законодатель выбрал иной, более удачный, с нашей точки зрения, путь и разграничил функции в уголовном судопроизводстве и функции участников уголовного процесса. Более удачным такой подход нам представляется с той точки зрения, что участники уголовного процесса могут иметь различные направления своей деятельности в зависимости от стоящих задач, достигнутых результатов и тех целей, ради которых они были привлечены к участию в процессе.

В то же время, выделяя три основные функции уголовного судопроизводства, законодатель исходил из трех основных направлений процессуальной деятельности всех участников процесса.

Особый интерес в рассматриваемом вопросе представляет позиция профессора В.П. Божьева, который полагает, что выделение в российском уголовном процессе только трех уголовно-процессуальных функций не соответствует реалиям существующего в России судопроизводства и общепринятой модели состязательности [2, с. 5]. Поскольку функция уголовного преследования (обвинения) осуществляется в соответствии с законом, с появлением подозреваемого или обвиняемого, то В.П. Божьев задается вопросом: какая же функция осуществляется до появления указанных процессуальных фигур в уголовном деле? Не отрицая того факта, что первоначально реализуется именно функция обвинения, а затем функция защиты и, как следствие, функция разрешения дела по существу, В.П. Божьев полагает, что до функции обвинения реализуется функция расследования уголовного дела. В связи с этим автор отстаивает мнение о наличии четырех функций в уголовном судопроизводстве. Нам данная точка зрения представляется спорной. Дело в том, что в разрешении обозначенного вопроса прежде всего следует определиться с соотношением таких понятий, как «функция обвинения», «государственное обвинение» и «уголовное преследование».

В рассмотрении поставленного вопроса нельзя коротко не коснуться сущности указанных дефиниций, поскольку это имеет существенное значение для сформулированного ниже вывода.

Поскольку уголовное преследование определено законодателем в п. 55 ст. 5 УПК РФ как деятельность стороны обвинения в целях изобличения подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления, то, следовательно, и функция обвинения, которая рассматривается как тождественная понятию «уголовное преследование», тоже начинает реализовываться только с момента появления этих участников процесса.

С нашей точки зрения, уголовное преследование начинается осуществляться субъектами стороны обвинения гораздо раньше, а именно одновременно с началом уголовного судопроизводства (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Поскольку уголовное судопроизводство начинается с досудебного производства, а начальный момент досудебного производства определен законодателем с момента получения сообщения о преступлении (п. 9 ст. 5 УПК РФ), то, следовательно, и уголовное преследование тоже начинается с этого момента,

то есть с момента поступления сообщения о преступлении. В данном случае мы полагаем, что уголовное преследование может начаться не в отношении какого-то конкретного, известного органам расследования физического лица, каким является подозреваемый, обвиняемый, а даже в отношении неустановленного лица. Если имеются основания для возбуждения уголовного дела, если в ходе проверки сообщения о преступлении установлены признаки состава преступления, следовательно, есть некий субъект, совершивший данное преступление. Все действия, совершаемые до возбуждения уголовного дела, и тем более после принятия данного процессуального решения, фактически направлены на изобличение лица, совершившего это преступление. И именно в ходе уголовного преследования устанавливается лицо, совершившее преступление, собираются достаточные доказательства для предъявления этому лицу обвинения.

В обоснование своей позиции уместно привести высказывание профессора О.Я. Баева: «Говорить об уголовном преследовании, имея в виду его осуществление только в отношении конкретного лица, не включая в него деятельность, приводящую к его, конкретного лица, выявлению, все равно, что попытаться одной линией начертить прямоугольник – либо без длины, либо без высоты» [1, с. 13].

Мы разделяем позицию автора и полагаем, что начальный момент деятельности по осуществлению уголовного преследования совпадает с началом уголовного судопроизводства. К моменту появления подозреваемого и обвиняемого деятельность по осуществлению уголовного преследования не начинается, а продолжается, поскольку начальным моментом следует считать момент поступления сообщения о преступлении. Проводя проверку сообщения о преступлении, должностные лица осуществляют действия, в целом направленные на установление лица, совершившего преступление, на его изобличение, на установление сведений и фактов, которые могут впоследствии иметь значение доказательств. Факт наделения лица процессуальным статусом подозреваемого, а затем и обвиняемого следует рассматривать как этапы деятельности по уголовному преследованию, как элементы, составляющие содержание функции обвинения.

В этом случае не будет оснований для вопроса о том, что за функция реализуется до появления подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле, поставленного профессором В.П. Божьевым. Начиная осуществлять уголовно-процессуальные действия, предусмотренные законом, с момента поступления сообщения о преступлении, участники со стороны обвинения

начинают реализовывать функцию уголовного преследования.

Правильность высказанного тезиса подтверждена недавно и самим законодателем. Так, в проекте Федерального закона Российской Федерации № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [18] предлагается дополнить п. 5 ч. 3. ст. 49 УПК РФ положением о том, что лицо, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, будет иметь право на защитника. Таким образом, законодатель предлагает определить в тексте закона процессуальные права лица, в отношении которого ведется доследственная проверка. Статус этого лица на стадии возбуждения уголовного дела по-прежнему законодателем еще не определен, а вот правом на защитника он уже наделен. Возникает сразу два вопроса (как минимум): зачем этому лицу нужен защитник? От кого следует защищать это лицо? Ответ напрашивается единственный: защищать следует от уголовного преследования, которое уже началось в отношении этого лица в связи с проверкой сообщения о преступлении.

В случае реализации предложения, сформулированного в проекте закона, изменится и сущность деятельности по осуществлению защиты. Само состояние защищенности от уголовного преследования появляется у лица в тот момент, когда лицу предъявлены какие-либо подозрения или обвинения, от которых это лицо вправе защищаться. В связи с этим функция защиты начинает реализовываться с момента появления в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого как участников процесса. Однако если защитник будет предоставлен лицу, в отношении которого ведется проверка, то и деятельность по защите будет начинаться до возбуждения уголовного дела, причем в отношении лица, который не имеет статуса ни подозреваемого, ни обвиняемого. В связи с этим формулировка понятия «уголовное преследование» тем более будет нуждаться в изменении и уточнении. В результате исследования данного вопроса мы приходим к выводу, что не следует увеличивать количество уголовно-процессуальных функций в уголовном процессе России, полагая, что оптимальное их количество – три и в целом они охватывают все основные направления деятельности, существующие в уголовном судопроизводстве. Следует лишь определить их содержание и временные границы (начальный и окончательный моменты) осуществления этих направлений деятельности.

С нашей точки зрения, временные границы реализации уголовно-процессуальных функций могут быть определены следующим образом:

– функция обвинения (уголовного преследования) начинает осуществляться участниками стороны обвинения с момента поступления сообщения о преступлении и заканчивается моментом вступления судебного решения в законную силу;

– функция защиты начинает осуществляться участниками стороны защиты с момента появления лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, либо с момента появления подозреваемого или обвиняемого и заканчивается в судебных инстанциях, в том числе, по пересмотру судебного приговора суда первой инстанции.

– функция разрешения уголовного дела (в специальной литературе высказывается мнение о смешении функций, в частности, подобное имеет место, когда, прекращая уголовное дело на досудебных стадиях, участники стороны обвинения осуществляют функцию разрешения дела. В этом вопросе мы солидарны с мнением О.Я. Баева о том, что, прекращая уголовное дело и фактически разрешая его по существу, следователь просто прекращает функцию уголовного преследования, а не начинает реализовывать функцию разрешения дела по существу [1, с. 10, 11]) начинается с момента поступления уголовного дела в суд и заканчивается принятием судебного решения, вступившего в законную силу.

Мы уже подчеркивали, что следует различать уголовно-процессуальные функции как основные направления деятельности в уголовном судопроизводстве и функции лиц и органов, осуществляющих уголовно-процессуальное судопроизводство. Это различные, хотя в некоторых случаях и совпадающие по объему и содержанию направления деятельности функции.

Мы рассмотрели вопрос относительно функций как основных направлений деятельности в уголовном судопроизводстве и пришли к выводу, что законодатель совершенно верно и, главное, оптимально определил три основных таких направления: обвинение, защита и разрешение уголовного дела. Теперь следует рассмотреть вопрос о функциях, возложенных на прокурора, определив основные направления его деятельности именно в судебном производстве, поскольку предметом исследования является деятельность прокурора именно в ходе рассмотрения уголовных дел судами РФ.

У каждого участника процесса есть свои основные направления деятельности в ходе производства по уголовному делу, и эти направления или функции могут быть различными для разных участников; также они могут совпадать или не совпадать с основными функциями уголовного судопроизводства.

Для определения функций прокурора в судебном производстве следует еще раз обратиться к тексту ст. 37 УПК РФ. Осуществление уголовного преследования от имени государства определено законодателем как функция номер один для прокурора в уголовном судопроизводстве. Поскольку уголовное судопроизводство представлено судебными и досудебными этапами, то указание в тексте закона на то, что уголовное преследование осуществляется прокурором на всем протяжении уголовного судопроизводства, позволяет нам утверждать, что названная функция возложена на прокурора и на судебных этапах уголовного процесса. Данный вывод строится на том очевидном факте, что ст. 35 Федерального закона от 17 ноября 1995 г. «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон «О прокуратуре»), определяя полномочия прокурора в рассмотрении дел судами, возлагает на него осуществление уголовного преследования в качестве государственного обвинителя. Таким образом, участвуя в судебном производстве, прокурор в первую очередь осуществляет функцию уголовного преследования в качестве государственного обвинителя¹.

Далее. В части 1 ст. 37 УПК РФ говорится о наделении прокурора функцией надзора за органами предварительного расследования. Деятельность этих органов имеет место только на досудебных этапах, и в связи с этим можно предположить, что при судебном производстве данная функция прокурора отсутствует. Однако такой вывод был бы поспешным. Дело в том, что деятельность органов предварительного расследования находит свое отражение в процессуальных документах, которые и составляют содержание уголовного дела. Именно результаты уголовно-процессуальной деятельности органов расследования становятся предметом пристального изучения и исследования в ходе судебного производства, причем на различных его этапах. Именно обвинение, сформулированное следователем в процессуальном документе, составленном на основании достаточных, с точки зрения следствия, доказательств, определяет пределы судебного разбирательства. С этих позиций утверждение, что прокурор прекращает свою функцию надзора за деятельностью органов расследования в суде, выглядело бы нелепо. Прокурор и в судебном производстве продолжает осуществлять эту функцию, имея полномочия, например, заявлять ходатайства об исключении недопустимых доказательств или, напротив, возражать против аналогичных ходатайств стороны защиты,

¹ Соотношение уголовного преследования с функцией обвинения будет рассмотрено в работе далее.

если, по мнению прокурора, процессуальные документы и полученные доказательства не противоречат принципу законности. Говоря о функции надзора, укажем на осуществление прокурором во время судебного производства еще одной функции – функции надзора за соблюдением конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации. Несмотря на то что полномочия прокурора при рассмотрении уголовных дел судами определены именно уголовно-процессуальным законодательством, а в тексте ст. 37 УПК РФ нет указаний на реализацию этой функции прокурором, тем не менее, на основании ст. 35 Закона «О прокуратуре» прокурор обязан встать на защиту прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства. Таким образом, следует признать, что функция надзора за соблюдением конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации присуща прокурору в судебном производстве.

Наконец, в соответствии с ч. 4 ст. 37 УПК РФ в судебном производстве прокурор наделен функцией государственного обвинения. Как данная функция соотносится с другой функцией уголовного процесса – функцией обвинения, и какая из них объемнее по своему содержанию и совокупности действий, предстоит еще исследовать в данной работе. Однако тезис о том, что именно функция государственного обвинения осуществляется прокурором в суде, не вызывает сомнений.

Пока же следует отметить, что, определив совокупность уголовно-процессуальных функций, реализуемых прокурором в судебном производстве, мы определились в основных направлениях деятельности прокурора при рассмотрении уголовных дел судами.

Определенный научный интерес представляет рассмотрение вопроса о том, в каких пределах может действовать прокурор, реализуя возложенные на него функции.

Законодатель в ч. 1 ст. 37 УПК РФ указал, что прокурор уполномочен действовать от имени государства только **в пределах компетенции**, установленной законом. Таким образом, существует некая компетенция, определяющая рамки (границы), в пределах которых может действовать прокурор, реализуя возложенные на него функции. Что означает термин «компетенция» и каковы ее пределы, установленные для прокурора? Вопрос, с нашей точки зрения, очень существенный, поскольку, реализуя возложенные функции, участник процесса должен действовать законно, не выходя в своей деятельности за установленные законом пределы его компетенции.

На законодательном уровне нет определения дефиниции «компетенция», хотя законода-

тель употребляет его в тексте закона, указывая как бы на некие границы, пределы дозволенного, установленные законом для каждого участника уголовного процесса. Данный факт позволяет утверждать, что законодатель рассматривает понятие «компетенция» как уголовно-процессуальную категорию. Однако в связи с отсутствием разъяснения этого термина в законе ученые-процессуалисты вкладывают свой, произвольный и отличный друг от друга смысл в это понятие.

Ряд авторов отождествляют дефиниции «компетенция» и «полномочия». Так, П.С. Элькинд определяет компетенцию, как «совокупность полномочий какого-либо органа или должностного лица в сфере его деятельности при исполнении своих функций» [38, с. 154]. С.В. Бородин пишет, что под компетенцией органа дознания, следователя, прокурора и суда понимается совокупность полномочий каждого из этих органов [3, с. 12]. Аналогичное толкование термина содержится в словарях, где компетенция понимается как «круг полномочий какого-либо учреждения или лица», «круг чьих-либо полномочий, прав» [21, с. 315; 13, с. 545].

Мы полагаем, что приведенные суждения имеют право на существование. Вместе с тем анализ норм УПК, в тексте которых используется термин «компетенция», позволяет сделать вывод, что рассматриваемый термин имеет и свое содержание. Так, в соответствии со ст. 144 УПК дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, но в пределах компетенции, установленной законом для каждого из перечисленных участников процесса. В статье 146 УПК указывается на обязанность должностных лиц при наличии повода и оснований возбудить уголовное дело, но опять-таки *в пределах компетенции*, установленной для каждого субъекта возбуждения уголовного дела. Наконец, ч. 1 ст. 37 УПК РФ уполномочивает прокурора осуществлять от имени государства уголовное преследование, но в пределах компетенции, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом.

Следовательно, определенными полномочиями законодатель наделяет названных им субъектов. Однако осуществлять эти полномочия перечисленные субъекты должны только в пределах установленной компетенции, которая может быть различной для разных субъектов. В результате следует констатировать, что содержание термина «компетенция» не исчерпывается понятием «полномочия», а имеет свое собственное содержание. В связи с этим мы разделяем точку зрения А.Ю. Шумилова, который рассматривает

полномочия как часть, элемент компетенции [10, с. 47]. Заметим, что, например, полномочия прокурора как участника уголовного процесса определены в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, в то время как пределы компетенции прокурора будут различными в зависимости от того, какое место в системе органов Прокуратуры Российской Федерации занимает этот прокурор. По смыслу закона в качестве прокурора правомочны выступать: Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре (п. 31 ст. 5 УПК РФ). Более конкретное и расширенное разъяснение термина «прокурор» содержится в ст. 54 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»: «Прокурор – это... Генеральный прокурор Российской Федерации, его советники, старшие помощники, помощники и помощники по особым поручениям, заместители Генерального прокурора Российской Федерации, их помощники по особым поручениям, заместители, старшие помощники и помощники Главного военного прокурора, все нижестоящие прокуроры, их заместители, помощники прокуроров по особым поручениям, старшие помощники и помощники прокуроров, старшие прокуроры и прокуроры управлений и отделов, действующие **в пределах своей компетенции**» [32] (выделено автором – М.С.). Мы полагаем, что в зависимости от места прокурора в системе органов прокуратуры законодатель в некоторых случаях устанавливает и пределы их компетенции. Так, например, в ряде статей УПК устанавливается исключительная компетенция прокуроров, возглавлявших соответствующую прокуратуру (ст. 448, 450, 453, 463 и др.). В некоторых нормах установлена компетенция для Генерального прокурора РФ и его заместителей (ст. 109, 162, 465, 466 УПК РФ). Следует признать, что компетенция прокуроров может быть конкретизирована не только в УПК, но и в других нормативных актах, в частности Законом «О прокуратуре». Так, например, в уголовно-процессуальном законе законодатель не выделяет таких субъектов уголовно-процессуальных отношений, как помощник прокурора, прокурор отдела, прокурор управления, а вместе с тем ч. 1 ст. 36 Закона «О прокуратуре» содержит указание на выполнение этими лицами ряда полномочий. Так, если указанные лица прокуратуры участвовали в рассмотрении уголовного дела в суде, то они вправе приносить протест в порядке надзора на незаконное или необоснованное решение суда. В силу централизованного характера системы органов прокуратуры вышестоящие прокуроры вправе выполнять действия, отнесенные к компетенции нижестоящих, в то

время как нижестоящие прокуроры правом осуществления процессуальной деятельности, отнесенной к компетенции вышестоящих прокуроров, не обладают. Следует признать, что пределы компетенции прокурора как участника уголовного процесса зависят от места прокурора в системе органов прокуратуры и от той должности, которую занимает прокурор в органах прокуратуры.

Ряд авторов раскрывают содержание понятия «компетенция» путем соотнесения с понятием «подследственность». Однако и здесь позиции ученых в соотношении этих двух дефиниций существенно различаются. Некоторые авторы полагают, что обозначенные понятия тождественны.

В.М. Савицкий, характеризуя подследственность следователей прокуратуры, органов внутренних дел и государственной безопасности, писал, что подследственность подразделяется на три вида: универсальная компетенция, исключительная компетенция и ограниченная компетенция [20, с. 190]. По существу, автор ставит знак равенства между подследственностью и компетенцией. Аналогичным образом определяют компетенцию и другие ученые [4, с. 9–14; 35, с. 22; 17, с. 44]. А.В. Останин, исследовавший институт подследственности в уголовном процессе, полагает, что «*подследственность – это установленная уголовно-процессуальным законодательством компетенция...*» [14, с. 24]. Однако более распространенной в юридической литературе является позиция тех ученых-процессуалистов, которые проводят различие в понятиях «подследственность» и «компетенция», вкладывая в них самостоятельное содержание. Так, М.С. Строгович под подследственностью понимал «*свойства дела, состоящее в том, что оно относится к ведению того или иного следователя или категории следователей*» [26, с. 41].

С точки зрения Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, В.П. Божьева и ряда других авторов, подследственность – это «совокупность установленных законом *признаков* уголовного дела, в зависимости от которых законодатель относит его к компетенции того или иного органа предварительного расследования» [23, с. 94; 24, с. 237; 29, с. 258; 31, с. 263]. Таким образом, указанные авторы хотя и усматривают определенную связь между двумя понятиями, но не отождествляют их и не ставят знак равенства между ними.

С нашей точки зрения, компетенцию органов прокуратуры, и в частности прокурора как его единственного представителя в уголовном процессе, определяет не подследственность (ст. 21, 151 УПК РФ). Этот признак перестал быть актуальным для деятельности прокуратуры после того, как перестал существовать Следственный комитет при прокуратуре РФ.

Список литературы:

- [1] Баев О.Я. Прокурор как субъект уголовного преследования: Научно-практическое пособие. М., 2006.
- [2] Божьев В.П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1.
- [3] Бородин С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. М., 1970.
- [4] Дознание в органах внутренних дел: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Чувилева. М., 1986.
- [5] Дусейнова Э.Г. Функция суда по разрешению уголовных дел в системе уголовно-процессуальных функций: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
- [6] Здравомыслов А.Г. Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
- [7] Кан М.П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1988.
- [8] Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.
- [9] Ларин А.М. Функции процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979.
- [10] Новый закон о милиции: Учебно-практическое пособие / Под ред. А.Ю. Шумилова. М., 1999.
- [11] Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород – М., 1993.
- [12] Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1986.
- [13] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996.
- [14] Останин А.В. Институт подследственности в уголовном процессе РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
- [15] Правоохранительные органы Российской Федерации: Учеб. / Под ред. В.П. Божьева. М., 1999.
- [16] Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учеб. / Под ред. А.А. Чувилева. М., 1999.
- [17] Рейтенбах Э.В. Уголовно-процессуальные и организационные проблемы производства дознания начальниками исправительно-трудовых учреждений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
- [18] Российская газета. 2012. 11 марта.
- [19] Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М., 1971.
- [20] Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975.
- [21] Словарь иностранных слов. М., 1964.
- [22] Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова. М., 1954.
- [23] Советский уголовный процесс / Под ред. С.В. Бородина, И.Д. Перлова. М., 1968.
- [24] Советский уголовный процесс / Под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. М., 1980.
- [25] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1958.
- [26] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970.
- [27] Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.
- [28] Уголовное право. Общая часть: Учеб. / Под ред. А.И. Рарога. М., 1997.
- [29] Уголовно-процессуальное право РФ: Учеб. / Под ред. П.А. Лупинской. М., 1997.
- [30] Уголовно-процессуальное право РФ: Учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 1998.
- [31] Уголовный процесс: Учеб. / Под ред. В.П. Божьева. М., 1998.
- [32] Федеральный закон «О прокуратуре» в ред. от 05.06.2007 № 87.
- [33] Халиуллин А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово, 1997.
- [34] Халиуллин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры в Российской Федерации. М., 1997.

[35] Чистякова В.С. Соотношение дознания и предварительного следствия в советском уголовном процессе. М., 1987.

[36] Шимановский В.В. К вопросу о процессуальных функциях следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2.

[37] Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963.

[38] Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967.

[39] Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дел судом первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2003.

Spisok literatury:

[1] Baev O.Ya. Prokuror kak sub»ekt ugovnogo presledovaniya: Nauchno-prakticheskoe posobie. M., 2006.

[2] Bozh'ev V.P. Sostyazatel'nost' na predvaritel'nom sledstvii // Zakonnost'. 2004. № 1.

[3] Borodin S.V. Razreshenie voprosa o vobuzhdenii ugovnogo dela. M., 1970.

[4] Doznanie v organax vnutrennix del: Ucheb. posobie / Pod red. A.A. Chuvileva. M., 1986.

[5] Dusejnova E'.G. Funkciya suda po razresheniyu ugovny'x del v sisteme ugovno-processual'ny'x funkcij: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004.

[6] Zdravomy'slov A.G. Problemy' metodologii sistemnogo issledovaniya. M., 1970.

[7] Kan M.P. Processual'ny'e funkcii prokurora v dosudebny'x stadiyax ugovnogo sudoproizvodstva: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tashkent, 1988.

[8] Larin A.M. Rassledovanie po ugovnomu delu: processual'ny'e funkcii. M., 1986.

[9] Larin A.M. Funkcii processual'nogo rukovodstva i prokurorskiy nadzor v stadii predvaritel'nogo sledstviya // Razvitie i sovershenstvovanie ugovno-processual'noj formy'. Voronezh, 1979.

[10] Novy'j zakon o milicii: Uchebno-prakticheskoe posobie / Pod red. A.Yu. Shumilova. M., 1999.

[11] Obshhaya teoriya prava: Kurs lekciy / Pod red. V.K. Babaeva. N. Novgorod – M., 1993.

[12] Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazy'ka / Pod red. N.Yu. Shvedovoj. M., 1986.

[13] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka. M., 1996.

[14] Ostanin A.V. Institut podsledstvennosti v ugovnom processe RF: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1998.

[15] Pravooxranitel'ny'e organy' Rossijskoj Federacii: Ucheb. / Pod red. V.P. Bozh'eva. M., 1999.

[16] Prokurorskiy nadzor v Rossijskoj Federacii: Ucheb. / Pod red. A.A. Chuvileva. M., 1999.

[17] Rejtenbax E'.V. Ugovno-processual'ny'e i organizacionny'e problemy' proizvodstva doznaniya nachal'nikami ispravitel'no-trudovy'x uchrezhdenij: Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1995.

[18] Rossijskaya gazeta. 2012. 11 marta.

[19] Savickij V.M. Gosudarstvennoe obvinenie v sude. M., 1971.

[20] Savickij V.M. Ocherk teorii prokurorskogo nadzora. M., 1975.

[21] Slovar' inostranny'x slov. M., 1964.

[22] Slovar' inostranny'x slov / Pod red. I.V. Lyoxina i F.N. Petrova. M., 1954.

[23] Sovetskij ugovny'j process / Pod red. S.V. Borodina, I.D. Perlova. M., 1968.

[24] Sovetskij ugovny'j process / Pod red. L.M. Karneevoj, P.A. Lupinskoj, I.V. Ty'richeva. M., 1980.

[25] Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo processa. T. 1. M., 1958.

[26] Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo processa. T. 2. M., 1970.

[27] Strogovich M.S. Ugovnoe presledovanie v sovetskom ugovnom processe. M., 1951.

[28] Ugovnoe pravo. Obshhaya chast': Ucheb. / Pod red. A.I. Raroga. M., 1997.

[29] Ugovno-processual'noe pravo RF: Ucheb. / Pod red. P.A. Lupinskoj. M., 1997.

[30] Ugovno-processual'noe pravo RF: Ucheb. / Otv. red. P.A. Lupinskaya. M., 1998.

[31] *Ugolovny'y process: Ucheb. / Pod red. V.P. Bozh'eva. M., 1998.*

[32] *Federal'ny'y zakon «O prokurate» v red. ot 05.06.2007 № 87.*

[33] *Xaliullin A.G. Osushhestvlenie funktsii ugolovnogo presledovaniya prokuratoroj Rossii. Kemerovo, 1997.*

[34] *Xaliullin A.G. Ugolovnoe presledovanie kak funktsiya prokuratury' v Rossijskoj Federacii. M., 1997.*

[35] *Chistyakova V.S. Sootnoshenie doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya v sovetskom ugolovnom processe. M., 1987.*

[36] *Shimanovskij V.V. K voprosu o processual'ny'x funktsiyax sledovatelya v sovetskom ugolovnom processe // Pravovedenie. 1965. № 2.*

[37] *E'l'kind P.S. Sushhnost' sovetskogo ugolovno-processual'nogo prava. L., 1963.*

[38] *E'l'kind P.S. Tolkovanie i primenenie norm ugolovno-processual'nogo prava. M., 1967.*

[39] *Yagofarov F.M. Mexanizm realizacii funktsii obvineniya pri rassmotrenii del sudom pervoj instancii: Dis. ... kand. yurid. nauk. Orenburg, 2003.*

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2224-9125-2022-3-77-82
NIION: 2021-0079-3/22-023
MOSURED: 77/27-025-2022-03-023

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой судебной власти,
правоохранительной и правозащитной деятельности
юридического факультета РУДН,
e-mail: svppd@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В РОССИИ

Аннотация. Педагогическая наука, объект которой лежит в социально-гуманитарной сфере, имеет свои особенности. Хотя процесс получения педагогического знания подчиняется общим закономерностям научного познания и использование в этом процессе точных, строгих методов исследования необходимо, характер и результаты педагогического исследования в значительной степени определяются влиянием установок ценностного практического сознания, как это всегда происходит в социально-гуманитарной области.

Ключевые слова: юридическая педагогика, гуманистический подход к воспитанию, педагогические системы, высшее юридическое образование, управление образовательными системами.

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich,
doctor of jurisprudence, professor,
assistant manager department of judicial authority,
law-enforcement and human rights activities
of law department of RUDN

THE TECHNOLOGIES OF LEGAL PEDAGOGICS IN RUSSIA

Annotation. The pedagogical science which object lies in the social-humanitarian sphere has the features. Though process receiving pedagogical knowledge submits to the general regularities of scientific knowledge and use in this process of exact, strict methods of research is necessary, character and results of pedagogical research substantially are defined by influence of installations of valuable practical consciousness as it always occurs in a social humanitarian area.

Key words: legal pedagogics, humanistic approach to a vospitaniye, pedagogical systems, the higher legal education, control of educational systems.

Отраслевая педагогика (наряду с общей, возрастной, социальной, коррекционной, исправительно-трудовой, сравнительной и др.) является отраслью педагогики. Ее главная задача – выявление особенностей обучения и воспитания людей, работающих или намеревающихся работать в конкретных отраслях экономики и культуры: военная, спортивная, производственная, наконец, юридическая педагогика [8, с. 40]. Вообще, структура педагогики состоит из следующих взаимосвязанных компонентов: педагогических теорий, педагогических систем и педагогических технологий.

Педагогической теорией называют научное единство знаний, в котором факты, явления и связи между ними подводятся под общие законы и выводятся или объясняются ими. Из определенных основных понятий видно, что в педагогике существуют разные подходы к их объяснению,

следовательно, педагогика – это совокупность различных педагогических взглядов и идей, которые могут согласовываться друг с другом, но могут и вступать в противоречие, как, например, авторитарный и гуманистический подходы к воспитанию. Педагогическая теория применительно к отраслевой педагогике выражается в единстве накопленных педагогикой педагогических знаний, взглядов и идей, которые можно применить к ее различным видам, в том числе к юридической педагогике.

Педагогическая система – совокупность взаимосвязанных средств, методов и процессов, необходимых для создания организованного, целенаправленного педагогического влияния на формирование личности с заданными качествами. Структурные элементы педагогической системы – это субъекты и объекты, цели, содержание, формы, методы, средства воспитания и

обучения. Под педагогическими системами понимаются и различные учебно-воспитательные, образовательные учреждения, детские объединения и организации, в которых организовано взаимодействие воспитатели и воспитуемые в процессе реализации целей образования и воспитания.

Педагогика не только изучает сложившиеся или складывающиеся педагогические системы, но и выводит общие закономерности, признаки и условия, определяющие их, что позволяет понять, является ли та или иная предлагаемая идея продуманной системой или просто набором слабо взаимосвязанных идей и рекомендаций. Педагогическая система применительно к юридической педагогике как виду отраслевой педагогики выражается в возможности использования совокупности взаимосвязанных профессиональных средств, методов и процессов, необходимых для создания организованного, целенаправленного педагогического влияния на формирование личности студента-юриста в процессе получения им высшего юридического образования в вузе.

Педагогические системы могут действовать в масштабах страны (общества), образовательного учреждения, в рамках учебного предмета, практики преподавателя. Широко известны авторские педагогические системы А.С. Макаренко, В.Н. Сороки-Росинского, М. Монтессори, В.А. Сухомлинского, Ш.А. Амонашвили, В.А. Караковского, В.Ф. Шаталова и др.

Педагогическая технология – это понятие и стоящее за ним направление в педагогической науке, интенсивно развивающееся с 1950-х гг. Она занимается конструированием оптимальных обучающих систем, проектированием учебного и воспитательного процессов и является системой способов, приемов, шагов, последовательность выполнения которых обеспечивает решение задач воспитания, обучения и развития личности воспитанника, а сама деятельность представлена процедурно, т.е. как определенная система действий. Педагогическая технология конкретизирует методики обучения и воспитания. В ее основе лежит идея управляемости учебно-воспитательным процессом, проектирования и воспроизводимости обучающего и воспитательного циклов.

Педагогическая технология применительно к юридической педагогике как виду отраслевой педагогики выражается в возможности конструирования в высшей школе оптимальных обучающих систем высшего юридического образования, проектированием учебного и воспитательного процессов в юридическом вузе или на юридическом факультете и является системой профессиональных средств, способов и приемов, последовательность применения и выполнения которых

обеспечивает решение задач юридического воспитания, юридического обучения и всестороннего правового развития личности будущего юриста.

Человек является высшей ступенью развития живых организмов на земле, существом духовным, творчески индивидуальным, субъектом общественно-исторической деятельности и культуры [9, с. 6]. В конце XX в. в мире значительно увеличилась роль и влияние социальных и гуманитарных наук – юриспруденции, философии, политологии, социологии, истории, экономических и других наук.

Наука (греч. *episteme*, лат. *scientia*) – это сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая схематизация объективных знаний о действительности. Наука как социальный институт есть сфера деятельности людей, в которой вырабатываются и систематизируются научные знания о явлениях природы и общества.

«Но разве есть специальная наука воспитания? Отвечать на этот вопрос положительно или отрицательно можно, только определив прежде, что мы разумеем вообще под словом «наука». Если мы возьмем это слово в его общепринятом употреблении, тогда и процесс изучения всякого мастерства будет наукою; если же под именем науки мы будем разуметь объективное, более или менее полное и организованное изложение законов тех или иных явлений, относящихся к одному предмету или к предметам одного рода, то ясно, что в таком смысле предметами науки могут быть только те явления природы или явления души человеческой, или, наконец, математические отношения и формы, существующие также вне человеческого произвола.» [12, с. 8]

Предмет¹ науки – это определенный круг вопросов, которые она изучает. Юридическая наука (юриспруденция) изучает право, различные аспекты правоприменительной деятельности, т.е. определенный круг общественных отношений, регулируемых правом. Наличие четко отграниченных от других, смежных дисциплин предмета свидетельствует о научной зрелости, относительной самостоятельности и потенциальной эффективности отрасли знаний и академической дисциплины [7, с. 5].

Метод² науки – это способы изучения реальной действительности, общие исходные принципы, на которых базируется данная наука.

¹ Предмет – это всякое материальное явление, то, на что направлена мысль.

² Метод – это путь исследования, теория, учение, способ достижения какой-либо цели, решение конкретной задачи, совокупность приемов или операций, технического или теоретического освоения (познания) действительности.

Современное научно-теоретическое мышление стремится проникнуть в сущность изучаемых явлений и процессов. Это возможно при условии целостного подхода к объекту изучения, рассмотрения этого объекта в возникновении и развитии, т.е. применения исторического подхода к его изучению. Известно, что новые научные результаты и ранее накопленные знания находятся в диалектическом взаимодействии. Лучшее и прогрессивное из старого переходит в новое, давая ему силу и действенность. Иногда забытое старое вновь возрождается на новой научной основе и живет как бы вторую жизнь, но в ином, более совершенном виде [5, с. 41].

К.Д. Ушинский вопрошал: «А почему же и не быть педагогическому факультету? Если в университетах существуют факультеты медицинские и даже камеральные и нет педагогических, то это показывает только, что человек до сих пор более дорожит здоровьем своего тела и своего кармана, чем своим нравственным здоровьем и более заботится о богатстве будущих поколений, чем о хорошем их воспитании. Общественное воспитание совсем не такое малое дело, чтобы не заслуживало особого факультета» [12, с. 30].

Педагогическая наука, объект которой лежит в социально-гуманитарной сфере, имеет свои особенности. Хотя процесс получения педагогического знания подчиняется общим закономерностям научного познания и использование в этом процессе точных, строгих методов исследования необходимо, характер и результаты педагогического исследования в значительной степени определяются влиянием установок ценностного практического сознания, как это всегда происходит в социально-гуманитарной области. Поэтому построить педагогическую науку, как верно указывает В.В. Краевский, полностью по образцу дисциплин естественно-научного цикла не удастся. Предсказывать на основе педагогической теории – не то же самое, что предвидеть результаты каких-то процессов в природе, опираясь на знание закономерностей, которое дает, например, теоретическая физика [4, с. 11].

По мнению К.Д. Ушинского, педагогика не может быть названа наукой, а только искусством, имеющим своей целью «не изучение того, что существует независимо от воли человека, но практическую деятельность, – будущее, а не настоящее и не прошедшее, которое также не зависит более от воли человека. Наука только изучает существующее или существовавшее, а искусство стремится творить то, чего еще нет, и перед ним в будущем несется цель и идеал его творчества» [12, с. 10, 11].

Развивающаяся система педагогических наук складывается из совокупности педагогических отраслей и дисциплин. Ее главные разделы:

основы педагогики, дидактика – теория обучения, теория воспитания, управление образовательными системами. Рассмотрим систему педагогических наук более подробно.

Дошкольная педагогика, педагогика начальной школы, педагогика средней школы, педагогика высшей школы занимаются вопросами воспитания и обучения в зависимости от возраста. Воспитание и перевоспитание правонарушителей – цель педагогики исправительно-трудовых учреждений (пенитенциарная педагогика). Получили дальнейшее развитие такие педагогические отрасли, как музейная, театральная, инженерная, военная, спортивная, музыкальная, производственная педагогика. Свой предмет изучения имеют педагогика дополнительного и профессионально-технического образования. Есть педагогические дисциплины, развивающиеся как межпредметные, на основе межнаучной интеграции: социальная педагогика, философия воспитания и образования, история педагогики, сравнительная педагогика, социология образования. Частные методики (предметные дидактики) предназначены для исследования специфики применения общих закономерностей обучения к преподаванию отдельных учебных предметов.

Народная педагогика – это исторически сложившаяся совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, героическом эпосе, правилах поведения и воспитания, обычаях, обрядах, традициях, детских играх и игрушках. Ее ценности способствуют формированию национального самосознания у подрастающего поколения, развитию у него понимания роли своей нации, этноса в мировой культуре.

Религиозная педагогика – направление, изучающее вопросы воспитания и обучения подрастающего поколения в традициях той или иной религии: христианства, ислама, иудаизма и др. К новым направлениям можно отнести такие, как гуманистическая педагогика, педагогика культуры, педагогика прав человека, педагогика ненасилия и др. Кроме того, в систему педагогических наук входят и традиционные, и новые направления в педагогике.

Гуманистическая педагогика – направление в современной теории и практике воспитания, возникшее в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в США как выражение идей гуманистической психологии. На Западе наиболее яркими ее представителями являются К. Роджерс, Р. Барт, Ч. Ратбоун и др. Основная тенденция этого педагогического направления – придать образованию личностно-ориентированный характер, преодолеть авторитаризм в воспитании и обучении, сделать процесс освоения учащимися знаний, умений и навыков эмоционально окрашенным. Она решает

свои задачи путем создания эмоционально стимулирующей школьной учебной среды, поощрения инициативы учащихся, установления конструктивных межличностных отношений в классе; разработки образовательных программ, максимально развивающих потенциал и творческие способности учащихся; совместного обсуждения учителем и учащимися проблем познавательного процесса и способов его оценки, отказа от использования отметки как формы давления на обучаемых [1, с. 25].

Педагогика ненасилия – педагогика, утверждающая принцип ненасилия (т.е. признания ценности человека и его жизни, отрицания принуждения как способа решения политических, нравственных, экономических, межличностных проблем и конфликтов) в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения. Прогрессивная педагогика всегда следовала идеям гуманизма, последовательно выступала против физического и духовного принуждения личности.

Педагогика сотрудничества – направление, возникшее в отечественной педагогике в середине 1970-х гг. и возродившее прогрессивные гуманистические идеи. Ее основные положения: отношения сотрудничества и взаимодействия с воспитанниками, учение без принуждения, идеи трудной цели, опоры, свободного выбора, опережения, самоанализа и самооценки, создания высокого интеллектуального фона в классе, личностного подхода.

По мнению К.Д. Ушинского, педагогика не может быть названа наукой в строгом смысле этого слова. Ей нельзя выучиться, как выучиваются математике, астрономии, анатомии и физиологии. Педагогика кроме знакомств с науками из области философии требует еще «умения приложить эти знания к делу: множества фактических сведений, не составляющих собственно науки, развития наблюдательности, в известном отношении навыка. Но, не будучи наукой, педагогика, как и медицина, представляет возможность изучения теоретического и практического. Нормальные школы, педагогические институты или заведения для приготовления педагогов необходимы так же, как и медицинские факультеты» [11, с. 160–172].

Педагогика в системе наук о человеке. Педагогика, в центре внимания которой находятся проблемы человека, относится к числу гуманитарных наук. Место педагогики в системе наук о человеке может быть выявлено при рассмотрении ее связей с другими науками. Связь ее с философией наиболее длительная и органичная. Первоначально педагогика, как и другие науки, существовала в рамках философии, чьей задачей было осмысление места человека в мире.

Впоследствии, когда педагогика оформилась в самостоятельную науку, философия стала выполнять по отношению к ней методологическую функцию.

Методологическая функция философии в первую очередь проявляется в том, что ее мировоззренческое по своей природе знание дает ответы на вопросы о сущности человека, смысле его жизни, о взаимоотношениях человека с природой, культурой, другими людьми, без чего невозможно понимание педагогических феноменов, сущность которых составляет взаимодействие – человека с человеком, человека с миром и с самим собой.

Кроме того, от системы философских взглядов, которых придерживается педагог-исследователь, зависит направление научного поиска, то или иное понимание педагогических закономерностей. Поэтому философские взгляды лежат в основе любой педагогической концепции. Наконец, методологическая функция философии по отношению к педагогике проявляется и в том, что она разрабатывает систему закономерностей и способов научного познания, применяемых в педагогике [1, с. 23].

Психология, по выражению В.В. Краевского, – «непременный и постоянный спутник педагогики». Психологическое знание служит важным источником развития педагогической науки, его использование создает необходимые предпосылки для создания любой педагогической концепции. Психология позволяет педагогу понять сущность психических процессов, мотивы, цели и процессуальные характеристики деятельности учащихся, учитывать механизмы их индивидуально-личностного развития.

Педагогика тесно сотрудничает с филологией. Филологический анализ педагогических понятий, в том числе заимствованных из других языков, раскрывает их содержание, все множество их значений. Такое сотрудничество необходимо для исследований в рамках этнопедагогики, поскольку ее выводы часто основываются на изучении фольклора (сказок, песен, пословиц, поговорок, загадок). Наконец, в педагогике нашли широкое применение идеи герменевтики (науки о способах интерпретации, перевода и объяснения смысла, содержания и значения произведений культуры и науки), возникшей как система методов понимания разного рода текстов.

Физиология дает описание механизмов протекания функций человеческого организма и отдельных его органов, их связь между собой, способов регуляции и приспособления к внешней среде. В рамках возрастной физиологии рассматриваются особенности жизнедеятельности человеческого организма на разных возрастных этапах, что особенно важно при организации

воспитания и обучения детей и взрослых разного возраста [1, с. 24]. Устанавливая оптимальную продолжительность занятия (лекции, семинара), чередование его частей, разрабатывая различные формы обучения и воспитания, ученые-педагоги опираются не только на выводы психологии, но и на результаты исследований в области физиологии. Особое значение для педагогики имеет физиология высшей нервной деятельности, без ее данных невозможна организация обучения. Отметим, кстати, что данные медицины используются главным образом в коррекционной педагогике, которая, опираясь на эти результаты, разрабатывает систему средств, компенсирующих имеющиеся дефекты, стимулирующих индивидуальное развитие детей и взрослых и облегчающих включение их в жизнь общества.

Социология – наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах, общественных группах. В педагогике она позволяет учитывать тенденции развития образования, отдельных групп и слоев населения, закономерности социализации в различных общественных институтах, особенности возрастных и профессиональных субкультур. Наиболее тесно сотрудничает с социологией социальная педагогика.

Примером здесь может служить сотрудничество педагогики и социологии в работе с детьми-мигрантами. Выявление типологических особенностей таких детей, их классификация, определение адаптационных возможностей каждой группы и пр. – в первую очередь это задачи социологии. Поиск закономерностей, принципов и способов их обучения и воспитания (например, разработка технологий «включения» новичка-мигранта в жизнь класса) – дело педагогики.

Связь педагогики с экономическими науками послужила основанием для возникновения такой научной дисциплины, как экономика образования. Исследование специфики действия экономических законов в сфере образования на основе знания политэкономики, экономики труда, закономерностей финансирования чрезвычайно важно для успешного функционирования образовательной системы [6, с. 6–10].

Со статистикой, характеризующей количественные закономерности жизни общества в неразрывной связи с их качественным содержа-

нием, педагогика сотрудничает тогда, когда необходимо выявить общие связи и зависимости, закономерности и тенденции развития педагогических явлений, которые могут быть выражены количественно.

И, конечно, педагогика тесно сотрудничает с правоведением. Разработка, защита прав и четкое определение обязанностей субъектов образования – педагогов и обучающихся (воспитанников), – необходимое условие их плодотворного взаимодействия. В современном поликультурном обществе эта задача имеет особое значение, поскольку возрастные, мировоззренческие и культурные различия часто ведут если не к конфликтам, то к непониманию. Пока человек не научился самостоятельно регулировать свои отношения с теми, кто в чем-то отличается от него, необходимо правовое регулирование таких отношений [1, с. 25].

Каждая дисциплина берет в качестве предмета своего изучения определенную сферу общественных отношений. Есть общественные отношения, которые приобретают комплексный характер, и для их изучения необходима также дисциплина комплексного характера. Но в каждой учебной дисциплине вырабатываются свои предмет и метод, цели и задачи, а в совокупности образуется целостная система понятий, позволяющая говорить об уникальности той или иной дисциплины в системе науки [2].

Итак, под предметом учебной дисциплины понимается круг вопросов, которые она изучает. Профессиональные методики и рекомендации, составляющие основу учебной дисциплины «Юридическая педагогика», призваны помочь будущему преподавателю высшей школы овладеть профессиональным мастерством преподавания юридических дисциплин: понять самому и уметь объяснить студентам ценность и значение прав и свобод человека и гражданина, закономерности их исторического развития, способы имплементации (применения) в праве разных государств, проблемы прав и свобод человека во всем их многообразии, универсальные механизмы их гарантий, а также экономические, социальные, политические, культурные и иные факторы, оказывающие влияние на права и свободы [3, с. 17].

Список литературы:

[1] Борытко Н.М., Соловцова И.А., Байбаков А.М. Педагогика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007.

[2] Грудцына Л.Ю. Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в России (на примере гражданского судопроизводства): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

[3] Грудцына Л.Ю. Правовая природа и формы взаимодействия гражданского общества и государства // Законодательство и экономика. 2007. № 11.

- [4] Краевский В.В. Общие основы педагогики: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
- [5] Кузин Ф.А. Диссертация: методика написания. Правила оформления. Порядок защиты: Практическое пособие для докторантов, аспирантов и магистрантов. 2-е изд., доп. М.: Ось-89, 2001.
- [6] Лагуткин А.В., Грудцына Л.Ю. Гражданское общество в современной России: проблемы роста // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2013. № 2, 3 (121, 122).
- [7] Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник. М.: Проспект, 2001.
- [8] Общая и профессиональная педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических вузов / Под ред. В.Д. Симоненко. М.: Вентана-Граф, 2006.
- [9] Рудинский Ф.М. Права человека: Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во МГСА, 2003.
- [10] Ушинский К.Д. О пользе педагогической литературы / Педагогические сочинения в 6-ти томах. Т. 1. М., 1988.
- [11] Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 5. М., 1989.
- [12] Философский словарь. М., 2004.

Spisok literatury:

- [1] Bory'tko N.M., Solovcova I.A., Bajbakov A.M. Pedagogika: Uchebnoe posobie dlya studentov vy'sshix uchebny'x zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2007.
- [2] Grudcy'na L.Yu. Osobennosti konstitucionny'x garantij realizacii prav cheloveka v Rossii (na primere grazhdanskogo sudoproizvodstva): Diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2004.
- [3] Grudcy'na L.Yu. Pravovaya priroda i formy' vzaimodejstviya grazhdanskogo obshhestva i gosudarstva // Zakonodatel'stvo i e'konomika. 2007. № 11.
- [4] Kraevskij V.V. Obshhie osnovy' pedagogiki: Uchebnoe posobie dlya studentov vy'sshix uchebny'x zavedenij. 3-e izd., ster. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2006.
- [5] Kuzin F.A. Dissertaciya: metodika napisaniya. Pravila oformleniya. Poryadok zashhity': Prakticheskoe posobie dlya doktorantov, aspirantov i magistrantov. 2-e izd., dop. M.: Os'-89, 2001.
- [6] Lagutkin A.V., Grudcy'na L.Yu. Grazhdanskoe obshhestvo v sovremennoj Rossii: problemy' rosta // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy'. 2013. № 2, 3 (121, 122).
- [7] Marchenko M.N. Problemy' teorii gosudarstva i prava: Uchebnik. M.: Prospekt, 2001.
- [8] Obshhaya i professional'naya pedagogika: Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskix vuzov / Pod red. V.D. Simonenko. M.: Ventana-Graf, 2006.
- [9] Rudinskij F.M. Prava cheloveka: Uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Izd-vo MGSA, 2003.
- [10] Ushinskij K.D. O pol'ze pedagogicheskoy literatury' / Pedagogicheskie sochineniya v 6-ti tomax. T. 1. M., 1988.
- [11] Ushinskij K.D. Chelovek kak predmet vospitaniya. Opy't pedagogicheskoy antropologii / Sbranie sochinenij v 6-ti tomax. T. 5. M., 1989.
- [12] Filosofskij slovar'. M., 2004.

КОНЦЕПЦИИ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Модель высшего образования в Римской империи во многом уникальна: она не имеет аналогов в античном мире, хотя и заимствовала многие педагогические идеи у древних греков и народов Средиземноморья. Высшие школы Римской империи, выполнив свое историческое предназначение, не превратились в исключительное достояние прошлого. Средневековые университеты пытались искать истоки своей истории во временах античности, так как их образовательный идеал - универсальная ценность познания, гуманистические педагогические концепции, классификация знания в соответствии с авторитетностью текстов - исходил от Аристотеля и Цицерона, Варрона и Квинтилиана, Боэция и Кассиодора. Целостная система высшего знания Римской империи в виде *artes liberales* составила основу преподавания факультетов свободных искусств в средневековых университетах, готовивших слушателей к изучению права, медицины и других наук, содержание которых, как и формы организации учебных занятий - лекции и диспуты, проводившиеся на латинском языке, было заимствовано из римских центров высшего образования.

Ключевые слова: Римская империя, высшее образование, юридическое образование, античность, средневековье, школа, академия, университет, педагогика, право, познание, обучение, воспитание.

KOROVYAKOVSKY Denis Gennadyevich,
the candidate of jurisprudence, associate professor,
head of the department "Customs right and organization
of customs affairs" Moscow State University bullet of the message (MIIT)

THE CONCEPTS OF THE HIGHER LEGAL EDUCATION IN THE ROMAN EMPIRE

Annotation. The model of the higher education in the Roman Empire is in many respects unique: it has no analogs in a classical antiquity, though borrowed many pedagogical ideas ancient Greeks and the people of the Mediterranean. The higher schools of the Roman Empire, having executed the historical mission, didn't turn into exclusive property of the past. Medieval universities tried to look for sources of the history in antiquity times as their educational ideal - the universal value of knowledge, humanistic pedagogical concepts, classification of knowledge according to authoritativeness of texts - proceeded from Aristotle and Cicero, Varron and Kvintilian, Boetion and Kassiodor. The complete system of the highest knowledge of the Roman Empire in the form of *artes liberales* made a basis of teaching faculties of free arts at the medieval universities training listeners for studying of the right, medicine and other sciences which contents, as well as forms of the organization of studies - the lectures and debates which were carried out in Latin was borrowed from the Roman centers of the higher education.

Key words: Roman Empire, the higher education, legal education, antiquity, Middle Ages, school, academy, university, pedagogics, right, knowledge, training, education.

Со II в. до н. э. на организацию школьного обучения в Риме все большее влияние оказывала традиция эллинистических центров античного мира. Вместе с тем, римская система образования и воспитания никогда не теряла своей самобытности. При сохранении заметной

роли семейного воспитания и наличии наряду с общественными частными учебными заведениями она имела более практическую направленность: подготовку сильных, волевых, дисциплинированных граждан. Из программы воспитания беспощадно исключали изящные искусства - музыку и пение,

ибо они, как полагали многие римляне, «побуждают более мечтать, нежели действовать». Девиз «польза» можно назвать альфой и омегой римского воспитания и обучения, главной целью которых было обеспечить определенную карьеру, будь то военное дело или политическое искусство оратора [3].

В первые века нашей эры в Римской империи установился устойчивый и внешне единообразный канон содержания, форм и методов образования. В I в. основными считались девять школьных дисциплин: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, медицина и архитектура. К V в. из этого списка были исключены медицина и архитектура. Таким образом, оформилась программа семи свободных искусств с двухчастным делением на тривиум (грамматика, риторика, диалектика) и квадравиум (арифметика, геометрия, астрономия и музыка).

Низшей ступенью обучения свободных граждан являлись тривиальные школы. Продолжительность обучения не превышала двух лет. Учились мальчики и девочки приблизительно с семилетнего возраста. В круг дисциплин входили латинская грамота (иногда греческая), общее знакомство с литературой, начатки счета. На занятиях арифметикой систематически пользовались особой счетной доской - абакой, считать учили по пальцам. Учитель занимался отдельно с каждым учеником. Школы находились в не приспособленных для занятий помещениях [4]. Широко практиковались физические наказания плетью и палкой, в ходу были поощрения для успевавших. Востребованность и актуальность изучения высшего образования в Римской империи объясняется совокупностью факторов эвристического, методологического и гносеологического характера, таких как:

а) потребность выяснить феноменологические характеристики высших школ Римской империи (миссии, функции, признаки), определить их типологическую принадлежность и установить возраст древнейших, «неточных» форм высшего образования, положивших начало генезису университетского и высшего профессионального образования;

б) стремление выявить смыслообразующие составляющие уникальной модели высшего образования, созданной в Римской империи, потенциал которой не был исчерпан античной эпохой, но в виде рецепций образовательных идей, педагогических теорий, учебных технологий, традиций в организации школьной жизни сохранился до наших дней;

в) необходимость внести коррективы в социокультурные и культурно-антропологические направления изучения образовательных систем

древности, с тем чтобы рассматривать высшее образование в Римской империи не только в институциональном и историко-педагогическом ракурсах, но и, прежде всего, как культурный феномен, возникший под влиянием господствовавших в античной культуре мировоззренческих и ценностных ориентации для удовлетворения личностных и социальных ожиданий.

Как правильно отмечает Т.Б. Перфилова, на протяжении всей истории европейской культуры высшие школы как неотъемлемая и признанная часть античного наследия выполняли свою «образовательную функцию»: формировали строй европейского сознания, открывали новые области знания, знаменовали почину новых форм культурного творчества [2, 3].

Следует особо отметить тот непреложный факт, что средневековые университеты пытались искать истоки своей истории во временах античности, так как их образовательный идеал - универсальная ценность познания, гуманистические педагогические концепции, классификация знания в соответствии с авторитетностью текстов - исходил от Аристотеля и Цицерона, Варрона и Квинтилиана, Боэция и Кассиодора. Целостная система высшего знания Римской империи в виде *artes liberales* составила основу преподавания факультетов свободных искусств в средневековых университетах, готовивших слушателей к изучению права, медицины и других наук, содержание которых, как и формы организации учебных занятий - лекции и диспуты, проводившиеся на латинском языке, было заимствовано из римских центров высшего образования. Не случайно поэтому средневековые схоляры считали себя карликами, стоявшими на плечах своих великих предшественников, которые создали для них возможность видеть дальше [5].

В IV столетии, как пишет И.В. Цветаев, централизация государственного управления высшим образованием усиливается в такой степени, что не только назначение профессоров и их отставка, но и продолжительность ежегодного отпуска профессора зависели от решения Императора. И.В. Цветаев приводит пример: когда один константинопольский ритор замедлил с возвращением на службу после отпуска, он получил императорский указ с требованием возвратиться к месту своей преподавательской деятельности.¹

Также отмечается тенденция - чем тверже становилась императорская власть в Византии, тем более увеличивалось подчинение высшего образования государственной власти [6].

¹ См.: Цветаев И.В. Из жизни высших школ Римской империи / Вопросы философии и психологии. - М., 1902. - Год XIII, кн. 62 (II). - С. 954-1030; год XIII, кн. 63 (III). - С. 1091-1136.

Воспитание Древних Римлян наблюдалось в трех периодах:

Период Римского родового строя (до XI. вв. до н.э.);

Период Римской республики (XI. в. - I. в. до н.э.);

Период Римской империи (I. в. до н.э. - V в. н.э.).

В период родового строя характерно было воспитание в семье. Наизусть надо было знать 12 законов. В период Римской республики образовались элементарные и грамматические школы, а в конце периода - и школы ораторов. Большое значение имела греческая культура. Периоду Римской империи характерно закрепление греческой культуры. Ораторов оценивали выше философов. Кроме того, учили и музыку, арифметику, геометрию, астрономию и философию. Ведущую роль в формировании личности юного римлянина играло домашнее обучение и воспитание. В т. н. эпоху царей (VIII - VI вв. до н. э.) уже сложились крепкие традиции семьи-дома как ячейки общества и воспитания. Здесь дети получали религиозное воспитание, при этом отец выполнял обязанности жреца. Семье древних римлян покровительствовало множество богов: Юнона почиталась как хранительница брака и любви, двуликий Янус охранял двери дома и т. д. Отец был в семье неограниченным властелином. Он был вправе даже продать своих детей в рабство. Мать пользовалась куда меньшими правами, чем отец, но играла в воспитании почетную роль. Девочки и девушки находились под неусыпным надзором матери вплоть до замужества. Мальчики до 16-летнего возраста под наблюдением отца изучали домашнюю и полевые работы, осваивали искусство владения оружием.¹

В IV в. появились риторические школы по греческому образцу. Здесь изучали греческую и римскую литературу, основы математики, астрономии, права и довольно интенсивно - философию. В последнем случае нередко практиковались диспуты в духе софистики не самого лучшего свойства. До нас дошли темы таких диспутов, например прославление мухи или плешки. Риторические школы выполняли определенный социальный заказ - готовили юристов для разрастающейся бюрократической государственной машины Римской империи. Примерно до 7 лет ребёнок обучался простейшим навыкам в семье. Главным наставником в это время был его отец или другой взрослый мужчина. Если ребёнка не отправляли учиться в школу, то с 7 лет к нему был приставлен специальный раб - *litteratus* или

¹ См.: Перфилова Т.Б. Высшее образование в Римской империи (Культурологический аспект) / Дисс.... д-ра ист. наук: 24.00.01. - Ярославль, 2004.

paedagogus, который обучал ребёнка основным правилам письма, чтения и счёта.

Сначала обучение высшему образованию греческими философами было бесплатным. Еще Сократ учил не принимать никакой денежной платы за свои беседы. единственная форма благодарности, которую он мог принять - это подарки в виде съестных продуктов, хлеба и вина. Сохраняя старинные традиции, бесплатно учили Аристотель и Платон.

Но уже в V веке софисты стали учить за деньги (брали конкретную плату за передачу знаний своим ученикам). Первым профессором, который потребовал со своих учеников деньги за свои уроки, был Протагор из Абдеры, который около 440 года до н.э. установил определенную оплату, без которой он не учил учеников и не передавал им свои знания [9]. В дальнейшем установление личного гонорара за обучение было делом частным и в эпоху Римской Империи не контролировалось государством.

Хотя по ряду направлений исследований (структура образовательного процесса в Римской империи, статус преподавателей и учащихся высших школ, факторы, детерминировавшие образовательную сферу римской державы) сочинения русских учёных были близкой копией европейских, всё же недооценивать вклад отечественных историков XIX - начала XX в. в изучение высшей ступени образования Римской империи не стоит. Среди основных достижений, представляющих для нас особый интерес, следует считать выделение высшего образования в самостоятельную сферу исследования (О. Гордиевич, И.В. Цветаев). Причём если статья О. Гордиевича ещё несёт печать заимствований зарубежных историков, и это особенно заметно в разделе, касающемся определения статуса преподавателей «средних» и высших школ, то сочинение И.В. Цветаева «Из жизни высших школ Римской империи» является абсолютно оригинальным и по замыслу, и по применяемым исследовательским методам, и по выводам. И.В. Цветаев изучал психолого-педагогическую среду высших школ Римской империи через раскрытие механизмов сотрудничества и конфронтации преподавателей и студентов. Впервые введя в научный оборот фрагменты произведений Филострата, Евнапия, Либания, важные документальные источники, свидетельствующие об упорядочении деятельности высших школ, заслуженный профессор Московского университета осветил карьеру и биографии наиболее известных в Римской империи риторов и философов, рассмотрел формы их взаимоотношений с государственной властью и городскими магистратурами, отметил их роль в укреплении монархического режима и сохранении культурных ценностей греко-рим-

ского мира 1-У вв. Изучение внутренней жизни в «университетах» Рима, Константинополя, Афин, крупных провинциальных городов через непосредственных участников учебного процесса, преподавателей и студентов, позволило И. В. Цветаеву показать человека в образовательном пространстве Римской империи [8].

Как писал И.В. Цветаев, до тех пор, пока преподавание высших наук было делом частным, государственная власть обыкновенно не касалась вопроса о замещении учительских или профессорских вакансий. Школы в этом случае управлялись сами собой. Итак, учителя стали государственными служащими, получали жалованье. Император Антонин Пий (2 в.) установил число риторов и грамматиков, полагавшихся каждому городу в зависимости от числа жителей, а для учителей - ряд льгот и привилегий. Содержались школы в Италии и провинциях на средства муниципиев. С 362 при императоре Юлиане Отступнике все кандидатуры преподавателей подлежали утверждению императором. Учащиеся также оказались под контролем императорской власти (эдикт 370).

Веспасиан стал первым государем, который назначил жалование из государственной казны профессорам греческой и латинской риторики в Риме. Начиная с Юлия Цезаря римские власти контролировали, финансировали и старались совершенствовать быт и систему обучения римских школ, увеличивая их число по всей Империи и повышая жалование и общественный статус профессоров и отношение общества к высшему образованию. Дальнейшая практика показывает, что хотя и были отдельные случаи назначения профессоров исключительно императорской властью, без всяких иных формальностей, но обыкновенно получению правительственной кафедры предшествовал конкурс, проходивший в присутствии избранных судей и наиболее просвещенных граждан Римской Империи. Аспиранты (соискатели) на звание профессора должны были доказать собравшимся наличие у них способностей и знаний, позволяющих им занимать эту должность. В дальнейшем общественный статус и возросшее материальное положение профессора (правительственного профессора) получили столь важное значение в глазах преподавательского сословия, что замещение кафедры (назначение правительственного профессора) становилось событием, занимавшим умы не только научного (преподавательского) сословия, но и жителей города.

В эпоху домината право юристов (*ius vetus*) по-прежнему имело силу закона, но творческая мысль правоведов была подавлена авторитетом неограниченной императорской власти, которая превращалась в единственный источник права.

Абсолютная монархия вызвала интенсивную деятельность юридических школ, так как потребность в квалифицированных юристах резко возросла. Достаточно сказать, что император передавал свою юрисдикцию префекту претория, префекту города (с появлением двух столиц - двум *prefecti urbi*), префекту пожарной команды, префекту анноны (он обеспечивал торговлю хлебом), правителям провинций, муниципальным магистратам, дефенсорам общин, которые имели свой штат юристов-профессионалов, судей (*iudices minores*) и адвокатов. При отправлении своей законодательной и судебной власти император опирался на государственный совет и министров внутренних дел, руководящих различными ведомствами. Все чиновники этих ведомств отвечали за гражданскую и уголовную юрисдикцию во вверенной им области. В поздней империи появились «исключительные суды» для высших сословий, официалов, адвокатов, духовенства, а также военных, колонов и рабов; возникла специальная юрисдикция по военным, финансовым и религиозным вопросам. В уголовных делах особой важности производство суда поручалось императором столичному сенату, а при апелляции к императору - особому судье (*iudex delegatus*).

Все эти примеры свидетельствуют о том, что спрос на услуги юридических школ, действительно, значительно возрос в связи с разбуханием государственного аппарата, ужесточением контроля над частной жизнью и профессиональной деятельностью населения Римской империи, постепенно превратившегося в подданных императора - господина.

Указанные нами процессы эволюции права в римской державе (появление новых норм, новых отраслей и ответвлений права, изменение источников правотворчества), находящиеся в органической связи с явлениями социально-экономического и политического генезиса, а также с развитием правовой мысли и правосознания, привели к усовершенствованию архаических форм судопроизводства, возникших на заре римской цивилизации, и повлияли на оформление римской юриспруденции (науки о праве). Непрерывающийся с эпохи Аристотеля (Политика VIII. 1.3 - 4) спор о разумном соотношении общекультурного и профессионального (высшего) образования, о предпочтительном развитии интеллектуальных способностей или нравственных качеств учащихся, возобновившийся с новой силой в постсоветской России, также обращает нас к изучению высшего образования в Римской империи, где эта сбалансированность существовала в наиболее распространённом типе учебных заведений высшего уровня - в школах риторики.

Автор использует термины «университет» и «высшее образование», не колеблясь в допустимости их применения, так как собранные и систематизированные им материалы не позволяют ему сомневаться в существовании высших школ в императорском Риме, которые жили по определённым законам, подчинялись установленным традициям и обычаям в организации учебной деятельности. Вместе с тем, И.В. Цветаев почти полностью опускает информацию об организации учебного процесса в позднеантичных «университетах»: их программах, методах работы на занятиях. Это явилось препятствием для адекватной оценки профессионального мастерства преподавателей высших школ, поэтому создание их обобщённого портрета не было завершено.

Отчасти эту задачу удалось решить спустя почти 40 лет Г. Е. Жураковскому, сосредоточившему своё внимание на анализе учебной деятельности в риторических и специализированных высших школах Римской империи, а также на сравнении древнеримской и древнегреческой педагогических систем, теории и практики античной педагогики. Однако растянутые хронологические границы исследования и обилие поднимаемых для рассмотрения вопросов не позволили автору сочетать обширность эмпирической базы исследования с детальной проработкой проблем высшего образования в Римской империи.

Современные зарубежные исследователи античных образовательных систем, к числу которых принадлежит и высшее образование в Римской империи, утверждают, что «всё современное западное образование до сих пор чувствует на себе влияние двух великих сил - Римской империи и христианской церкви», так как философия образования XIX в. глубоко уходит своими истоками в прошлое, где возникли многие принципы и образовательные идеи, лежащие в основе «новейших» методов обучения.

Таким образом, изучение высшего образования в Римской империи представляет несомненный научный интерес. Трудно назвать хотя бы ещё один культурно-исторический феномен античности, который произвёл бы столь плодотворное влияние на развитие европейской культуры и чей потенциал не оказался бы растраченным на протяжении двухтысячелетней истории существования с момента своего возникновения. Даже если воздействие высшей ступени обучения в Римской империи на формирование европейской культурной традиции было бы более скромным, научный интерес может быть оправдан тем, что высшее образование в этой цивилизации было, «и мы останемся в долгу перед ним, пока не попытаемся определить его сущность и понять его ценности».

Под высшим образованием мы понимаем третью, последнюю, высшую ступень в организации учебно-воспитательной деятельности в Римской империи (30 г. до н. э. — 476 г.), которая логично завершала процесс обучения, начатый в начальной (элементарной) и продолженный в грамматической («средней») школе. Понятие «высшее образование» используется нами в конкретном культурно-историческом контексте. Оно выражает оценку, данную самим древнеримским обществом этому последнему звену в его учебно-воспитательной модели: «высшее» являлось синонимом «лучшего», «полного», «завершённого», «абсолютно исчерпанного» в рамках учебных аудиторий. Таким образом, высшее образование было неотъемлемым компонентом истории и культуры древнеримской цивилизации, жизни человека и общества Римской империи.

Высшее образование в Римской империи - это уникальный культурно-исторический, антропологический, социально-педагогический феномен, который никогда не рассматривался в органическом единстве всего многообразия его сторон, отражающих через призму учебно-воспитательного процесса системное единство личности и социума. Изучение высшего образования в Римской империи как целостного историко-культурного явления было важным стимулом к постановке заявленной проблемы.

Немецкие исследователи обратили внимание на преобладающий в Древнем Риме I-V вв. «гуманитарный характер воспитания», в отличие от Древней Греции, где не исчезали тенденция к энциклопедической образованности учащихся и стремление дать молодёжи всестороннее развитие. Предпочтение гуманитарных наук точным и естественнонаучным знаниям, в свою очередь, предопределило преобладание риторических школ над другими видами учебных заведений, предоставлявших возможность получить подготовку по юриспруденции, медицине, философии.

Следует специально подчеркнуть, что сам термин «высшее образование» был введён в науку немецкими учёными, которые не менее охотно прибегали и к другим понятиям, не находящим подтверждения в литературных и документальных источниках I-V вв.: «университет», «высшие учебные заведения», «высшие образовательные школы». Высшие школы, по их убеждению, были предшественниками средневековых университетов [7].

Применяя антропологический подход к изучению профессиональной культуры и педагогического наследия интеллектуальной элиты Римской империи преподавателей высших школ, мы можем использовать его потенциал для генерализации информации о способах подготовки пре-

подавательских кадров, о соотношении академической учёности и профессионального мастерства в центрах получения высшего образования, о связи высшего образования с античной наукой, о содержательной, процессуальной, результативной составляющих учебно-воспитательного процесса в высших школах общекультурной и профессиональной направленности. Эти вопросы во всей их совокупности никогда ранее не ставились ни в отечественной, ни в зарубежной истории образования [1].

Наряду с этой возможностью исследование профессиональной деятельности и аксиологии преподавателей высших школ Римской империи даёт ключ к пониманию духовного мира, системы ценностей, менталитета элиты средиземноморского общества I-V вв., вооружив историка знаниями об образовательных идеалах, которые культивировались в учебных заведениях высшего уровня и воплощались в программах обучения, о психологической атмосфере высших школ, создаваемой межличностными отношениями коллег, преподавателей и воспитанников, о характере педагогической среды, в которой находили отражение духовные потребности, пристрастия, умонастроения, социальная психология преподавателей как части римского социума. Изучение этого аспекта проблемы имеет важное значение для истории Древнего мира.

Благодаря Филострату нам удалось представить нравственный облик преподавателей и учащихся высших школ, оценить профессиональную компетентность риторов восточных провинций империи, понять отношение императоров II-III вв. к школам ораторского искусства и философии, а также к их наиболее известным представителям, рассмотреть механизмы сотрудничества профессоров с городскими властями и имперской администрацией. Именно поэтому мы осуществили перевод сочинения Филострата «Жизнеописания софистов», ранее представленного только во фрагментах. Авторы трех других биографических сочинений, Евнапия, Порфирия, Марина, объединяет принадлежность к философскому направлению неоплатоников, поэтому главным действующим лицом такой биографии не мог быть человек, находящийся во власти пороков, поражающий своей безнравственностью и несовершенством. В центре внимания неоплатоников всегда был боговдохновенный мудрец, который в силу своей «божественности», то есть чистоты души и её близости к Богу, благотворно воздействовал на мир. Факты из жизни такого мудреца всегда чудесны, и именно чудеса, совершаемые добродетельными героями этих биографий, в достоверности, истинности и неопровержимости которых нельзя сомневаться, в первую очередь интересуют биографов.

Список литературы:

[1] Грудцына Л.Ю. Институты гражданского общества в системе частноправовых и публично-правовых отношений // *Образование и право*. 2014. № 3(55)-4(56).

[2] Елин В.М., Жарова А.К. О выделении информационных объектов в самостоятельную категорию объекта преступления // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2009. № 5. С. 205-229.

[3] Жарова А.К. О подходе к классификации информационно-технологических услуг // *Государство и право*. 2014. № 3. С. 32-38.

[4] Жарова А.К. О правовом регулировании технологического обеспечения информационного взаимодействия субъектов // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2012. № 3. С. 186-199.

[5] Жарова А.К. Проблемы анонимности субъектов в сети Интернет // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2009. № 5. С. 135-159.

[6] Жарова А.К. Условия оказания услуги по предоставлению доступа к облачным вычислениям // *Библиотека научных публикаций Электронного периодического справочника Система Гарант*. 2014. № 2 (4). С. 3

[7] Перфилова Т.Б. Высшее образование в Римской империи (Культурологический аспект) / *Дисс.... д-ра ист. наук: 24.00.01*. - Ярославль, 2004.

[8] Таратухина Ю.В., Жарова А.К. Правовые аспекты использования учебной и научной информации, организованной по принципу открытого контента // *Открытое и дистанционное образование*. 2013. № 3 (51). С. 66-75.

[9] Цветаев И.В. Из жизни высших школ Римской империи // *Вопросы философии и психологии*. - М., 1902. - Год XIII, кн. 62 (II). - С. 954-1030; год XIII, кн. 63 (III). - С. 1091-1136.

Spisok literatury:

[1] Grudtsina L. Yu. *Instituty grazhdanskogo obshchestva v sisteme chastnopravovyh i publichno-pravovyh otnoshenij* // *Obrazovanie i pravo*. 2014. № 3(55)-4(56).

[2] Elin V.M., Zharova A.K. *O vydelenii informacionnyh ob»ektov v samostoyatel'nyu kategoriyu ob»ekta prestupleniya* // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*. 2009. № 5. S. 205-229.

[3] Zharova A.K. *O podhode k klassifikacii informacionno-tekhnologicheskikh uslug* // *Gosudarstvo i pravo*. 2014. № 3. S. 32-38.

[4] Zharova A.K. *O pravovom regulirovanii tekhnologicheskogo obespecheniya informacionnogo vzaimodejstviya sub»ektov* // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*. 2012. № 3. S. 186-199.

[5] Zharova A.K. *Problemy anonimnosti sub»ektov v seti Internet* // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*. 2009. № 5. S. 135-159.

[6] Zharova A.K. *Usloviya okazaniya uslugi po predostavleniyu dostupa k oblachnym vychisleniyam* // *Biblioteka nauchnyh publikacij Elektronnoho periodicheskogo spravochnika Sistema Garant*. 2014. № 2 (4). S. 3

[7] Perfilova T.B. *Vysshee obrazovanie v Rimskoj imperii (Kul'turologicheskij aspekt)* / *Diss.... d-ra ist. nauk*: 24.00.01. - YArosavl', 2004.

[8] Taratuhina YU.V., ZHarova A.K. *Pravovye aspekty ispol'zovaniya uchebnoj i nauchnoj informacii, organizovannoj po principu otkrytogo kontenta* // *Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie*. 2013. № 3 (51). S. 66-75.

[9] Cvetaev I.V. *Iz zhizni vysshih shkol Rimskoj imperii* // *Voprosy filosofii i psihologii*. - M., 1902. - God XIII, kn. 62 (II). - S. 954-1030; god XIII, kn. 63 (III). - S. 1091-1136.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

**№ 3 (март)
2022 год**

Сдано в набор 23.03.2022. Подписано в печать 30.03.2022.
Формат 60x90/8. Печ. л. 11,5. Тираж 100 экз. Заказ № 11.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.